ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2024, Том 4, № 10

Подписано к публикации: 30.10.2024

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Атаев Борис Махачевич** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Богданова Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор*
***Биданок Марзият Мугдиновна** (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук*
***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Гумовская Галина Николаевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Дергачева Ирина Владимировна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Закирова Елена Сергеевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Захарова Виктория Трофимовна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор*
***Зумбулидзе Ия Гурамовна** (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор*
***Ибрагимова Мариза Огановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент*
***Лисицкая Лариса Григорьевна** (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор*
***Лиходкина Ирина Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Мазирка Ирина Олеговна** (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор*
***Маркова Елена Ивановна** (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент*
***Наджиева Флора Султан гызы** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Окорокова Варвара Борисовна** (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Елена Касимовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рзаев Фикрет Чингиз оглу** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Цветова Наталья Сергеевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.
Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2782-5329 (online)

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2024

Содержание

Абраменко Е.В.
Особенности перевода английских аббревиатур в области медицины 4-9

Кириченко Ю.С.
Постоянные эпитеты как лексико-семантические доминанты фольклорной обобщенности в творчестве И. Григорьева и И. Чернухина 10-15

Верещагина К.А.
Япония и японцы в документальной прозе русских моряков начала XIX века (на материале «Путешествия» И.Ф. Крузенштерна) 16-23

Бабаева Г.Г.
Гендерные различия во фразеологии английского языка 24-32

Володина О.В.
Способы вербализации экспрессии в публицистических текстах современных англоязычных и немецкоязычных изданий 33-38

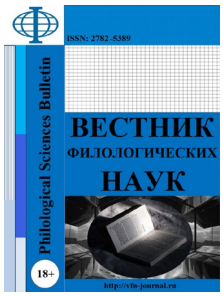
Леонова Е.Н., Шевченко А.А.
Способы перевода социумно-прецедентных феноменов в анимационном сериале 39-44

Нармания Т.С.
Особенности трансляции англоязычных интернет-мемов в русскоязычную языковую и культурную среду 45-51

Кириченко Ю.С.
Лексико-семантические маркеры фольклоризации в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина 52-60

Палеха Е.С.
К вопросу о психолого-лингвистической судебной экспертизе художественных текстов 61-69

Петрова С.А.
Ресурсы медиапространства в процессе обучения русскому языку как иностранному 70-74



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.111-26

[1] Абраменко Е.В. ***[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)***

Особенности перевода английских аббревиатур в области медицины

Аннотация: *в статье выявляются и исследуются особенности перевода аббревиатур в английских специальных текстах, а именно в области медицины. Предметом исследования служит специфика их перевода и функционирования в тексте. Целью нашей работы является выявление и исследование особенностей перевода аббревиатур в английских специальных текстах, а именно в области медицины. Результаты научной работы могут применяться в курсах лексикологии английского языка, стилистики английского языка, теории перевода, а также в практике перевода.*

Ключевые слова: *особенность, перевод, аббревиатура, медицина, английский язык*

Для цитирования: Абраменко Е.В. Особенности перевода английских аббревиатур в области медицины // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 4 – 9.

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 07 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] Abramenko E.V. ***[1] Rostov State University of Economics (RSUE)***

The features of translating English abbreviations in the field of medicine

Abstract: *the article identifies and examines the peculiarities of translating abbreviations in English specialized texts, specifically in the field of medicine. The subject of the research is the specifics of their translation and functioning within the text. The aim of our work is to identify and explore the features of translating abbreviations in English specialized texts, particularly in the medical sphere. The results of this scientific study can be applied in courses on English lexicology, stylistics, translation theory, as well as in translation practice.*

Keywords: *feature, translation, abbreviation, medicine, English*

For citation: Abramenko E.V. The features of translating English abbreviations in the field of medicine. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 4 – 9.

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: October 07, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена многообразием аббревиированной лексики и развитой системой моделей аббревиации в современном английском языке, а также появлением значительного количества новых аббревиатур. По-прежнему актуальными остаются вопросы перевода аббревиатур и проблемы обеспечения переводчиков эффективным и надежным решением, обеспечивающим максимально адекватный перевод аббревиированных единиц.

Целью работы является выявление и исследование особенностей перевода аббревиатур в английских специальных текстах, а именно в области медицины.

Данная цель достигается в исследование посредством решения конкретной задачи, а именно, анализа способов перевода аббревиатур с английского на русский язык в специальных текстах медицинской тематики.

Материалы и методы исследований

В данной работе проводится анализ особенностей функционирования и перевода медицинских аббревиатур с английского на русский язык в специальных текстах. Материалом исследования послужили контексты, содержащие сокращенные лексические единицы медицинской тематики. На первоначальном этапе анализа приведем статистические данные, которые касаются итогов выборки языкового (аббревиатурного) материала. Фактический материал работы составил около 60 примеров употребления сокращенных лексических единиц различного типа, полученных методом сплошной выборки.

Результаты и обсуждения

Анализируемые единицы представлены такими группами, как:

1) аббревиатуры инициального типа (составленные из начальных букв слов, образующих термин);
2) слоговые аббревиатуры (состоящие из начальных слогов слов, образующих термин);
3) буквенно-слоговые аббревиатуры;
4) аббревиатуры, где присутствует начальная буква и целое слово;
5) буквенные аббревиатуры;
6) аббревиатуры, образованные путем усечения слов;
7) буквенно-цифровые аббревиатуры;
8) графические аббревиатуры (применяемые только в письменной форме и не являющиеся словами);
9) синтаксические аббревиатуры [1].

Изученные медицинских аббревиатур выполняют функцию вторичной номинации, поскольку они выступают в качестве «заместителей» полных наименований [8]. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что данные сокращения можно классифицировать на различные семантические категории или группы:

1. Аббревиатуры наименований заболеваний. Например, AIDS (Acquired Immune Deficiency Syndrome); DMARDs (disease-modifying antirheumatic drugs); OA (Osteoarthritis); MI (myocardial infarction); CHF (congestive heart failure); IHD (ischaemic heart disease); AF (atrial fibrillation); HCM (hypertrophic cardiomyopathy); DVT (deep vein thrombosis); CMV (cytomegalovirus); HIV (Human Immunodeficiency Virus) и т.д.

2. Аббревиатуры наименований частей тела, органов, тканей, веществ. Например, BUN (blood urea nitrogen); TSH (thyroid-stimulating hormone); RBC (red blood cell); DNA (deoxyribonucleic acid); CNS (Central nervous system); GI (gastrointestinal) и т.д.

3. Аббревиатуры наименований медицинских исследований, например: X-ray (X-radiation); MRI (Magnetic resonance imaging); ECG (Electrocardiogram); CAT (Computerized Axial Tomography); HDL (High-density lipoproteins); LDL (Low density lipoprotein); CT (computed tomography) и т.д.

4. Аббревиатуры наименований медицинских препаратов, например: DMARDs (disease-modifying antirheumatic drugs); IVIG (intravenous immunoglobulins); ACE (Angiotensin-converting enzyme); aHCTZ (hydrochlorothiazide) и т.д.

Далее обратимся к способам перевода медицинских аббревиатур с английского на русский язык. Отметим, что процесс перевода аббревиатур является многоаспектным и требует надлежащего подхода [2]. Для успешного перевода необходимо иметь хорошее понимание контекста, в котором используется сокращение, а также обладать знаниями в области медицины. Первый шаг заключается в дешифровке аббревиатуры. На этом этапе требуется определить исходное англоязычное выражение или эквивалент, который представляет собой полную версию сокращения. Этот процесс может включать поиск сокращения в справочных материалах, словарях или в тексте самого документа [3]. На следующем этапе производится передача смысла с использованием русского языка. После определения основного значения исходного выражения необходимо найти соответствующую русскую форму, которая наиболее точно передаст его смысл [4]. Для этого могут применяться различные приемы перевода, как:

1) калькирование (заимствование аббревиатур буквальным переводом);
2) транслитерация (точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности);
3) перевод полной формы;
4) перевод полной формы и создание на его основе русского сокращения;
5) передача английского сокращения описательным методом;
6) полное заимствование английского сокращения в латинских буквах.

Кроме основных приемов перевода, выбирая наилучший вариант, необходимо учитывать ряд дополни-

тельных факторов:

1. Контекст. Сокращение должно соответствовать тематике и стилю текста.

2. Целевая аудитория. Перевод должен быть понятен и доступен для читателей.

3. Устоявшиеся нормы. Необходимо соблюдать общепринятые правила перевода определенных сокращений.

4. Лексическое значение. Важно передать не только формальное значение сокращения, но и его смысловую нагрузку [9].

В итоге переводчик должен обладать знаниями не только о структуре и значении сокращений, но и иметь достаточные фоновые знания и языковую компетенцию для выполнения адекватного перевода [5]. Эффективный перевод сокращенных слов требует внимания к деталям, глубокого понимания исходного текста и использования различных приемов перевода. При соблюдении этих принципов можно достичь точного и стилистически правильного перевода сокращений на русский язык [6]. Рассмотрим применяемые методы перевода медицинских сокращений более подробно.

1. Alcoholics, immunocompromised people, diabetics, AIDS patients are at high risk for the disease [10, с. 7].

Алкоголики, люди с ослабленным иммунитетом, диабетики, больные СПИДом подвержены высокому риску развития этого заболевания.

Аббревиатура AIDS (Acquired Immune Deficiency Syndrome) была переведена на русский язык полной формой и на ее основе создано русское сокращение: СПИД (Синдром Приобретенного Иммунодефицита). Данная аббревиатура достаточно хорошо знакома русскоязычным читателям, включена в словари и не требует расшифровки.

2. Treatment: non-pharmacological treatment: physical therapy, occupational therapy and nutritional therapy, special tools to improve hard movements (e.g. special tin-openers, pens, pencils); pharmaceutical treatment: painkillers), anti-inflammatory drugs, (steroids), disease-modifying antirheumatic drugs (DMARDs), joint injections, etc. [10, с. 12].

Лечение: немедикаментозное лечение: физиотерапия, трудотерапия и диетотерапия, специальные средства для улучшения движений (например, специальные открывалки для консервов, ручки, карандаши); медикаментозное лечение: обезболивающие, противовоспалительные препараты (стероиды), болезнь - модифицирующие противоревматические препараты (БПРП), инъекции в суставы и т.д.

Аббревиатура DMARDs (disease-modifying antirheumatic drugs) переведена при помощи полной формы и на ее основе создано русское сокращение: БПРП (болезнь-модифицирующие противоревматические препараты).

3. Epidemiology: 27 million people in the United States; 735,000 hospitalizations for OA in the USA… [10, с. 13].

Эпидемиология: 27 миллионов человек в Соединенных Штатах; 735 000 госпитализаций по поводу остеоартроза в США…

Аббревиатура OA (Osteoarthritis) переведена на русский язык с помощью полной формы – остеоартроз.

4. Treatment: medications: acetylcholinesterase inhibitors and immunosuppressive drugs; plasmapheresis and intravenous immunoglobulins (IVIG), surgery: thymectomy, etc. [10, с. 16].

Лечение: медикаментозное: ингибиторы ацетилхолинэстеразы и иммуносупрессивные препараты; плазмаферез и внутривенное введение иммуноглобулинов (ВВИГ), хирургическое вмешательство: тимэктомия и т.д.

Аббревиатура IVIG (intravenous immunoglobulins) передается в тексте перевода при помощи полной формы и на ее основе создано русское сокращение: ВВИГ (внутривенное введение иммуноглобулинов).

5. The most common diseases: endocarditis, pericarditis, myocarditis, myocardial infarction (MI), congestive heart failure (CHF), angina pectoris, atrial fibrillation, congenital heart defects, acquired heart defects, valvular heart disease, etc. [10, с. 17].

Наиболее распространенные заболевания: эндокардит, перикардит, миокардит, инфаркт миокарда (ИМ), застойная сердечная недостаточность (ЗСН), стенокардия, фибрилляция предсердий, врожденные пороки сердца, приобретенные пороки сердца, пороки клапанов сердца и др.

Аббревиатуры MI (myocardial infarction) и CHF (congestive heart failure) переведены при помощи полной формы и на их основе созданы русские сокращения: ИМ (инфаркт миокарда) и ЗСН (сердечная недостаточность).

6. Instrumental evaluation: tests to identify the underlying cause: renal tests: microscopic urinalysis, proteinuria, serum BUN (blood urea nitrogen) and/or creatinine; endocrine tests: serum sodium, potassium, calcium, TSH (thyroid-stimulating hormone); metabolic tests: fasting blood glucose, total cholesterol, HDL and LDL cholesterol, triglycerides; other tests: hematocrit, electrocardiogram, and Chest X-ray [10, с. 19].

Инструментальное обследование: тесты для выявления основной причины: анализы почек: микроскопический анализ мочи, протеинурия, уровень АМК в сыворотке крови (азота мочевины крови) и/или креатинина; эндокринные тесты: уровень натрия, калия, кальция в сыворотке крови, ТТГ (тиреотропный гормон); метаболические тесты: уровень глюкозы в крови натощак, общего холестерина, ЛПВП и уровень холестерина ЛПНП, триглицеридов; другие анализы: гематокрит, электрокардиограмма и рентген грудной клетки.

В приведенном выше примере употребляются сразу четыре инициальные аббревиатуры и одна аббревиатура смешанного типа. Первая – BUN расшифровывается как blood urea nitrogen. В русском переводе компоненты данной инициальной аббревиатуры передаются словосочетанием азот мочевины крови и на этой основе создается русское сокращение: АМК. Следующая аббревиатура TSH (thyroid-stimulating hormone) переведена с помощью полной формы и на ее основе создано русское сокращение: ТТГ (тиреотропный гормон). Аббревиатуры HDL (High-density lipoproteins) и LDL (Low density lipoprotein) переданы в тексте перевода при помощи полных формы и на их основе созданы русские сокращения: ЛПВП (Липопротеины высокой плотности) и ЛПНП (Липопротеины низкой плотности) соответственно. Следующая аббревиатура X-ray (X-radiation) переведена на русский язык с помощью полной формы – рентген.

7. AF may be asymptomatic in many cases [10, с. 20].

Во многих случаях ФП может протекать бессимптомно.

Аббревиатура AF (atrial fibrillation) переводится при помощи полной формы и на ее основе создается русское сокращение: ФП (Фибрилляция предсердий).

8. Instrumental evaluation: complete blood counts, RBC count, hemoglobin level tests, hematocrit, examination of a blood smear using a microscope, a quantitative measure of the bone marrow's production of new red blood cells, vitamin B12, renal function tests, etc. [10, с. 24].

Инструментальное обследование: общий анализ крови, количество эритроцитов, определение уровня гемоглобина, гематокрита, исследование мазка крови с помощью микроскопа, количественное определение выработки костным мозгом новых эритроцитов, витамина B12, анализ функции почек и т.д.

Аббревиатура RBC (red blood cell) переведена на русский язык с помощью полной формы – эритроцит.

9. Treatment: pharmaceutical medications, a multi-drug chemotherapy, radiation therapy, bone marrow transplantation, CNS prophylaxis (preventive therapy) to stop the cancer from spreading to the brain and nervous system in high-risk patients, splenectomy, chemotherapy, and bone marrow transplantation, etc. [10, с. 25].

Лечение: медикаментозные препараты, комплексная химиотерапия, лучевая терапия, трансплантация костного мозга, профилактика ЦНС (превентивная терапия) для предотвращения распространения рака на головной мозг и нервную систему у пациентов с высоким риском, спленэктомия, химиотерапия и трансплантация костного мозга и т.д.

При переводе аббревиатуры CNS (Central nervous system) используется прием транслитерации: ЦНС.

10. The most common diseases: atherosclerosis, DVT or deep vein thrombosis, phlebitis, thrombophlebitis [10, с. 26].

Наиболее распространенные заболевания: атеросклероз, ТГВ или тромбоз глубоких вен, флебит, тромбофлебит.

Аббревиатура DVT (deep vein thrombosis) была переведена на русский язык полной формой и на ее основе создано русское сокращение: ТГВ (тромбоз глубоких вен).

11. The most frequent forms: hepatocellular carcinoma; metastases from other tumors, frequently from tumors of the GI tract (like colon cancer) but also from breast cancer, ovarian cancer, lung cancer, renal cancer, prostate cancer, etc. [10, с. 34].

Наиболее частые формы: гепатоцеллюлярная карцинома; метастазы от других опухолей, часто от опухолей желудочно-кишечного тракта (например, рака толстой кишки), а также от рака молочной железы, яичников, легких, почек, предстательной железы и т.д.

Аббревиатура GI (gastrointestinal) переводится на русский язык полной формой – желудочно-кишечный.

12. Instrumental evaluation: chest X-ray, occasionally a chest CT (computed tomography), sputum cultures, blood tests… [10, с. 42].

Инструментальное обследование: рентген грудной клетки, иногда КТ грудной клетки (компьютерная томография), посев мокроты, анализы крови…

Аббревиатура X-ray (X-radiation) переведена на русский язык с помощью полной формы – рентген. Аббревиатура CT (computed tomography) была переведена на русский язык полной формой и на ее основе создано русское сокращение: КТ (компьютерная томография).

13. Transmission: through direct contact of a mucous membrane or the bloodstream with a bodily fluid containing HIV… [10, с. 72].

Передачи: через непосредственный контакт слизистых оболочек или крови с биологической жидкости, содержащей ВИЧ…

Аббревиатура HIV (Human Immunodeficiency Virus) была переведена на русский язык полной формой и на ее основе создано русское сокращение: ВИЧ (вирус иммунодефицита человека). Данная аббревиатура достаточно хорошо знакома русскоязычным читателям, включена в словари и не требует расшифровки.

Таким образом, особое место в системе современной лексики, используемой в медицинских текстах, занимают сокращения и аббревиатуры. Классификация медицинских аббревиатур, составленная на основании изучения практического материала, состоит из следующих основных тематических групп: аббревиатуры наименований заболеваний; наименований частей тела; органов, тканей, веществ; наименований медицинских исследований; наименований медицинских препаратов. Можно утверждать, что основными способами перевода аббревиатур в области медицины являются следующие: перевод полной формы и создание на его основе русского сокращения и перевод полной формы (рис. 1). Реже всего переводчики прибегают к транслитерации аббревиатур ИЯ.

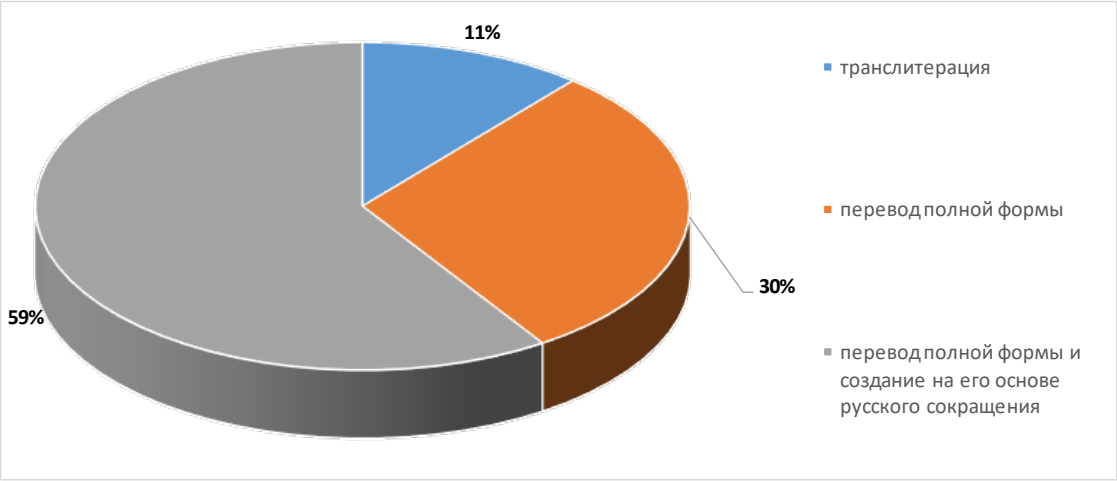


Рис. 1. Основные способы перевода аббревиатур в области медицины.
Fig. 1. Basic methods of translating abbreviations in the field of medicine.

Выводы

Анализ материала исследования показывает, что в медицинских текстах встречаются чаще всего аббревиатуры инициального типа. При переводе самым подходящим способом передачи оказалось воспроизведение аббревиатуры в полной форме и создание на ее основе русского сокращения. Реже всего встречаются сокращения, требующие использования переводческих трансформаций. Самым редким типом оказались смешанные сокращения. Альтернативой является обращение к словарю.

Простота рассматриваемых сокращений вполне может быть обусловлена тягой к упрощению процесса коммуникации, экономии времени, виртуального пространства, эмоциональных и физических сил, желанием выделиться, пойти против общепринятых норм языка. Анализ перевода рассматриваемых сокращений показывает, что, несмотря на то, что они могут оказаться проблемой для переводчика, который не знаком со сферой медицины, они не представляют почти никакой сложности, будучи рассмотренными в контексте оригинала.

Количество новых аббревиатур постоянно возрастает, из-за чего появляется необходимость в постоянном отслеживании процессов словообразования. Кроме того, необходимо вести наблюдение за эволюцией сокращенных лексических единиц и систематизировать результаты постоянного, бурного процесса словообразования. Аббревиация обслуживает практически все сферы человеческой деятельности. Изучение аббревиации является очевидной необходимостью, без которой невозможно понять общую картину словообразования.

Список источников

1. Беляева В.А. Когнитивный подход к изучению аббревиации. Фундаментальные исследования. 2007. № 9. С. 95 – 97.

2. Жолос Л.М., Шевченко М.С. Основные трудности при переводе медицинских текстов // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 120 – 126.

3. Комарова А.О. Использование аббревиатур в научных медицинских статьях по эпидемиологии // Молодежь и наука – 2022: материалы сборн. статей II Международного научно-исследовательского конкурса (Петрозаводск, 18 августа 2022 г.). Петрозаводск, 2022. С. 185 – 191.

4. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода: учебное пособие. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

5. Корогодина С.В., Власенко Н.И. Некоторые особенности перевода текстов медицинской тематики (на примере материала кардиологического профиля) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14. № 1. С. 21 – 30.

6. Корогодина С.В. Некоторые проблемы перевода текстов медицинской тематики и их решение // Профессиональная коммуникация: язык, культура, перевод: сборник статей III Внутривузовской молодёжной научной конференции (Курск, 8 ноября 2022 г.). Курск, 2022. С. 152 – 156.

7. Раренко М.Б. Особенности медицинского перевода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Языкознание: Реферативный журнал. Серия 6. 2020. № 3. С. 48 – 61.

8. Шаповалова А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2003. 350 с.

9. Яшнов П.А. Особенности перевода аббревиатур. М.: 2005. С. 77 – 79.

10. Medical English for First-Year Students (Медицинский английский для студентов первого курса): учебное пособие для самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы / сост. В.А. Головин, ред. Т.Б. Агалаковой. Киров, 2011. 87 с.

References

1. Belyaeva V.A. Cognitive approach to the study of abbreviations. Fundamental research. 2007. No. 9. P. 95 – 97.

2. Zholos L.M., Shevchenko M.S. The main difficulties in translating medical texts. Humanities and social sciences. 2020. No. 5. P. 120 – 126.

3. Komarova A.O. Use of abbreviations in scientific medical articles on epidemiology. Youth and Science – 2022: materials of the collected articles of the II International research competition (Petrozavodsk, August 18, 2022). Petrozavodsk, 2022. P. 185 – 191.

4. Komissarov V.N. Translation linguistics: a tutorial. Publ. 3rd. M.: Book House "LIBROKOM", 2009. 176 p.

5. Korogodina S.V., Vlasenko N.I. Some Features of Translation of Medical Texts (Based on Cardiology Profile Material). Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy. 2024. Vol. 14. No. 1. P. 21 – 30.

6. Korogodina S.V. Some Problems of Translation of Medical Texts and Their Solutions. Professional Communication: Language, Culture, Translation: Collection of Articles from the III Intra-University Youth Scientific Conference (Kursk, November 8, 2022). Kursk, 2022. P. 152 – 156.

7. Rarenko M.B. Features of Medical Translation. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Linguistics: Abstract journal. Series 6. 2020. No. 3. P. 48 – 61.

8. Shapovalova A.P. Abbreviation and acronymy in linguistics. Rostov-on-Don: Publishing house of the Russian State Pedagogical Univ., 2003. 350 p.

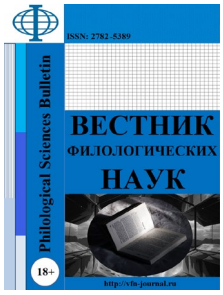
9. Yashnov P.A. Features of the translation of abbreviations. Moscow: 2005. P. 77 – 79.

10. Medical English for First-Year Students: a tutorial for independent classroom and extracurricular work. Compiled by V.A. Golovin, ed. T.B. Kirov, 2011. 87 p.

Информация об авторах

Абраменко Е.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Kyrare@yandex.ru*

© Абраменко Е.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.1

[1] ***Кириченко Ю.С.***

[1] ***Белгородский государственный национальный исследовательский университет***

Постоянные эпитеты как лексико-семантические доминанты фольклорной обобщенности в творчестве И. Григорьева и И. Чернухина

Аннотация: *в статье рассматриваются механизмы проникновения фольклорной традиции в язык произведений региональных поэтов второй половины XX века, творчество которых нечасто является объектом лингвистических исследований. Исследуются поэмы псковитянина Игоря Григорьева «Обитель», «Колокола» и белгородца Игоря Чернухина «Бел-город», «Третье поле», в которых активно реализуется одна из базовых стилевых черт народно-поэтической, фольклорной традиции – обобщенность. Данная черта маркируется лексико-семантическими единицами, в том числе постоянными эпитетами.*

Ключевые слова: *фольклоризация художественного текста, обобщенность, постоянный эпитет, лингвокультурологическая интерпретация художественного текста*

Для цитирования: Кириченко Ю.С. Постоянные эпитеты как лексико-семантические доминанты фольклорной обобщенности в творчестве И. Григорьева и И. Чернухина // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 10 – 15.

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 07 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] ***Kirichenko Yu.S.***

[1] ***Belgorod State National Research University***

Permanent epithets as lexico-semantic dominants of folklore generality in the works of I. Grigoriev and I. Chernukhin

Abstract: *the article examines the mechanisms of the penetration of folklore tradition into the language of the works of regional poets of the second half of the 20th century, whose work is rarely the object of linguistic research. The poems of the Pskov resident Igor Grigoriev "Monastery", "Bells" and the Belgorod resident Igor Chernukhin "Bel-gorod", "The Third Field" are studied, in which one of the basic stylistic features of the folk poetic, folklore tradition - generality is actively implemented. This feature is marked by lexical and semantic units, including permanent epithets.*

Keywords: *folklorization of a literary text, generalization, permanent epithet, linguistic and cultural interpretation of a literary text*

For citation: Kirichenko Yu.S. Permanent epithets as lexico-semantic dominants of folklore generality in the works of I. Grigoriev and I. Chernukhin. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 10 – 15.

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: October 07, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

При рассмотрении индивидуально-авторской картины мира, репрезентируемой языковыми средствами в художественном тексте, учёные опираются на понятие индивидуальный стиль, под которым понимают «структурно единую и внутренне связанную систему средств и форм словесного выражения» [5]. При этом данная «единая система» может включать в себя разнородный материал, выходящий за рамки исключительно литературного тезауруса и затрагивающий элементы внелитературных вариантов национального языка.

Использование таких необщеупотребительных лексем в художественных текстах определяется творческими установками автора и сюжетной направленностью произведения. Этот синергетический комплекс разнородных языковых единиц напрямую соотносится с понятием языковой личности как создателя художественного текста.

Исходя из этого, в современной лингвистической науке наблюдается обоснованная замена термина художественный стиль на более точный – идиостиль, отражающий индивидуально-авторский характер текстового и дискурсивного образования. В этом контексте особый интерес представляет изучение идиостилей авторов, сознательно вводящих в художественный текст лексические репрезентанты внелитературных языковых форм и фольклорные элементы. Такие случаи, как правило, наблюдаются в прозаических произведениях – в отличие от поэзии, которая рассматривается как «высшая форма существования языка» (И.А. Бродский). Именно поэтому анализ подобных «непоэтических» включений в организованном поэтическом тексте представляется особенно значимым научным направлением.

Отметим, что лингвисты уделяют значительное внимание литературным произведениям с точки зрения включения в них элементов народно-поэтической традиции, однако литература конца XX века, особенно произведения региональных авторов, до сих пор остается малоизученной областью. Между тем зачастую именно в региональной литературе обнаруживаются уникальные явления и высвечиваются новые тенденции в области художественной языковой картины мира. Все это актуализирует наше обращение к творчеству двух самобытных региональных авторов – псковитянина Игоря Григорьева и белгородца Игоря Чернухина.

В объективе нашего исследования находятся поэмы И. Григорьева «Обитель» и «Колокола» и И. Чернухина «Бел-город» и «Третье поле», язык которых демонстрирует взаимодействие литературной и фольклорной, народно-поэтической традиции, в художественном поэтическом пространстве.

Материалы и методы исследований

При изучении процесса фольклоризации художественных текстов, под которым мы понимаем процесс отбора авторами инструментов и стратегий использования элементов, репрезентирующих народную языковую специфику, а также их включение в художественный текст, необходимо учитывать специфику воспринимаемого материала.

Одним из ключевых факторов, определяющих специфику словесности народно-поэтического характера, является коллективность творческого процесса, участником которого является коллективный автор с «предельно обобщенным взглядом на вещи и явления» [11]. Как следствие коллективности создания, передачи и бытования произведений устного народного творчества формируется стилеобразующая черта фольклорной традиции – обобщенность.

Обобщенность проявляется на различных уровнях организации текста – от семантики отдельных лексических единиц до специфики сюжетно-композиционной структуры. Приметами обобщенности на лексическом уровне фольклорных текстов выступают постоянные эпитеты, в которых сконцентрирован и художественно обработан многовековой социальный и культурный опыт народа. Любой постоянный фольклорный элемент, будь то эпитет или иная устойчивая формула, имеет глубокую структурно-смысловую основу. Она обеспечивает сохранение стилистического канона, межтекстовую и межжанровую связь в рамках фольклорной традиции.

Ф.И. Буслаев, известный исследователь фольклора, объясняет специфику фольклорного постоянного эпитета, опираясь на исторические реалии. По мнению ученого, в народной речи мысль, однажды выраженная подходящим образом, «никогда уже не меняется; отсюда точность и простота» фольклорного выражения [4]. Эти языковые элементы являются стереотипными формулами, аккумулирующими коллективный опыт народа и его традиционное восприятие окружающего мира. В отличие от этого, в литературной традиции эпитет подвержен большей вариативности и динамике, что связано с индивидуальным творческим началом автора. Фольклорный же эпитет, по Буслаеву, характеризуется большей устойчивостью и стабильностью, что коррелирует с коллективным характером словесного творчества в устной народной традиции.

Действительно, важным критерием разграничения эпитета литературного и постоянного эпитета фольклорной традиции является степень проявления личностного отношения к описываемому явлению. Как отмечает В.В. Колесов, категории «постоянный» и «литературный» эпитет коррелируют с оппозицией «об-

щее» и «частное» [8]. Постоянный фольклорный эпитет в процессе своего исторического развития стремится к формированию общекультурного, канонического смысла, который всегда отсылает к ключевому, типическому признаку обозначаемого предмета или явления. В этом проявляется тенденция фольклорного мышления к обобщению и универсализации. В отличие от этого, литературный эпитет, как правило, несет на себе отпечаток личностного, индивидуально-авторского восприятия описываемого объекта. Поэтому постоянные фольклорные эпитеты выявляют «функциональное раздвоение»: с одной стороны, они структурируют текст, собирая воедино все возможные варианты, а с другой – оставляют возможность для существования этих вариантов.

Важное замечание относительно природы и назначения фольклорного эпитета делает Н.Д. Арутюнова. Исследователь указывает, что фольклор стремится описать мир в его идеальном проявлении, в том числе за счёт использования эпитетов [3]. Однако эпитеты в фольклорном тексте указывают не только на идеальный, но и на соответствующий норме признак. При этом «идентификация хорошего с нормой производится не относительно действительного, а относительно идеального состояния мира» [2]. И если литературный эпитет выявляет характерный, индивидуальный признак предмета, то постоянный фольклорный эпитет указывает на его канонические свойства. Даже эпитеты с негативной оценочностью, такие, как «поганый» по отношению к врагу, также соответствуют представлениям о норме. Таким образом, природа фольклорного эпитета определяется стремлением народного сознания к обобщению, типизации и нормативности художественного изображения действительности.

Результаты и обсуждения

Одна из наиболее ярких стилевых черт фольклорной традиции – обобщенность – напрямую связана с коллективным характером творческого процесса. В первую очередь, данная черта проявляется на лексико-семантическом уровне в виде включения в ткань произведений постоянных эпитетов.

Этот прием является одной из характерных особенностей идиостиля авторов, активно вводящих в художественный текст элементы внелитературных языковых форм и фольклорной лексики.

Количество употреблений устойчивых эпитетов в анализируемых нами текстах авторов соотносимо: 22 эпитета отмечено у И. Чернухина и 17 – у И. Григорьева. Мы не приводим статистические данные относительно частотности того или иного постоянного эпитета ввиду незначительного количественного состава этой группы (в четырех поэмах отмечено 39 употреблений, и всего несколько языковых единиц упоминаются дважды – остальные встречаются однократно). Однако группа постоянных эпитетов демонстрирует сложную смысловую организацию. В рамках данной работы мы классифицируем выявленные языковые факты по семантическому признаку.

В целом в языковедении вопрос о классификации постоянных эпитетов до сих пор остается дискуссионным ввиду обширного списка самих оснований классификации. Укажем лишь несколько исследовательских позиций.

И.В. Арнольд в работе «Стилистика английского языка» выделяет такие разновидности эпитетов, как постоянные, тавтологические, пояснительные и метафорические. В свою очередь, Б.В. Томашевский в «Поэтике» акцентирует внимание на усилительных, украшающих, народно-поэтических, постоянных, составных и тавтологических эпитетах, а также особо выделяет метафорические. И.А. Чижик-Полейко разграничивает живописующие, эмоционально-оценочные, репрезентанты логического уточнения и постоянные эпитеты. И.Р. Гальперин выделяет языковые (стертые, постоянные, традиционные) и речевые (оригинальные, созданные специально для конкретного произведения) эпитеты.

На семантическом уровне мы вычленяем четыре группы постоянных эпитетов.

1. Самой представительной группой в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина является группа пояснительных эпитетов (представлена в равной степени у обоих авторов). В основе этого типа эпитетов лежит признак, «считающийся наиболее существенным для определяемого слова, либо как-то характеризующий его по отношению к практической цели, либо идеализирующий его» [9]. Как правило, пояснительные эпитеты встречаются при чувственно воспринимаемом определяемом.

Пояснительные эпитеты могут содержать цветовую характеристику ландшафта или других географических объектов. Например, эпитет белый имеет номинативное – колоративное – значение в поэме «Бел-город», действие которой происходит в указанном в заглавии городе, названном так ввиду природных особенностей, о чём пишет автор в самой поэме: «Повелел державный / Город ставить славный, / Город ставить Белый / Из дерев и мела» [12]): белые горы – белый / бел город / град. Поскольку Белый город является местом действия в поэме, высока частотность данного эпитета – 13 словоупотреблений.

Отличительной особенностью колоративных эпитетов является их способность к семантической трансформации. Колоративы склонны к изменению семантики с фактической номинативной на символическую,

как в словосочетании «бел двор», в котором эпитет белый уже характеризует обозначаемое с точки зрения не цвета, а чистоты, восходящей к святости (об этом свидетельствуют лексемы светлый и лик):

«Чист двор, / Бел двор. / Ни соринки, ни пылинки – / Светел земли лик…» [12].

Такой же переход наблюдается и в семантике эпитета красный, который выражает значение красивого, прекрасного, идеального: красны дары («А по дворам дымы и певни, / А по садам красны дары» [7]), красный час («К нам аист опустился с ели. / Гудели пчелы. Красный час!» [7]).

Сам город характеризуется И. Чернухиным и в других аспектах: город славный («Город ставить славный» [12]; эту же характеристику перенимают и жители города: «славный народ»), город вольный («Вольный город – / твой и мой – / Город русской славы» [12]), что определяется идейной установкой поэмы «Бел-город» на описание истории героической обороны и освобождения Белгорода во времена строительства Белгородской засечной черты. Использование таких лексем связано с реализацией в тексте определенной ценностной доминанты, характерной для народного самосознания. А сама Русь – святая, согласно устоявшейся устной поэтической традиции:

«Не унять пожаров
На святой Руси…» [12].

С идеей святости в поэме связано и определение жителя строящегося города – раба божьего, ключевой характеристикой которого в христианской культуре является смиренность, покорность, что определяется эпитетом тихий:

«Раб ты просто тихий
На Руси святой…» [12].

Включаются постоянные эпитеты в описание географического пространства и в поэме Игоря Григорьева «Обитель». Лексемы сельщина, селение, домишко, входящие в одну тематическую группу, определяются эмоционально и личностно окрашенным эпитетом родной/родимый: сельщина родимая, родной домишко, родное селение.

Использование таких постоянных эпитетов свидетельствует о «включенности» описываемых объектов в систему ценностных ориентаций народной культуры, их причастности к сфере «своего», близкого и дорогого для человека.

Большое внимание уделяется авторами описанию частей тела человека. Этот пласт лексики в целом часто становится объектом устойчивой эпитетизации в народной поэзии. В анализируемых поэмах видим комплекс эпитетов, определяющих существительное голова/головушка: в поэме «Обитель» – удалая («Головушка ты удалая, / За мой эскиз не обессудь!..» [7]), в поэме «Бел-город» – бедная («Бедная головушка – / Два сынка» [12]), буйная («Не одну сняло ты, Поле, / Буйную головушку» [12]), тяжелая («Головой тяжёлою / Покачал старшой» [12]). Колоративное описание обнаруживается единожды – в поэме «Третье поле»: седа голова.

Однократно описываются в поэмах другие части тела: могучие персты («Окунуло в дремучие виры, / Омыло в Великие могучие персты» [6]), сини очи («Вынул ворон сини очи, / Каркая, поужинал» [12]).

Исследуя использование постоянных эпитетов в фольклорных текстах, необходимо учитывать тематический контекст поэм. В данных произведениях встречается группа лексем, входящих в фольклорное тематическое поле «война»: вдовы горемычные («Помнят вдовы горемычные / Плакун-холмы» [6]), жадный ворон («Крючья, конники, кистени, топоры: / Жадным воронам без поры пиры» [6], ворон в культуре и фольклорной традиции ассоциируется с потерями, дурными предзнаменованиями); набаты зычные («Под твои набаты зычные / Гуливали мы!..» [6]; набат – тревожный сигнал, возвещающий о стихийном бедствии или другой опасности), боевые друзья.

2. Распространены в исследуемых поэмах тавтологические постоянные эпитеты, в которых происходит смысловое дублирование. Данные конструкции примечательны тем, что определяемое слово, будучи выразителем многовековых культурных ценностей, отсылает к архетипическим представлениям народного сознания и уже заключает в себе части смысла, заложенного в эпитете: девушка – по сути своей – красна, ворог – злой, а князь – добрый и светлый и т.д. Такая избыточность эпитетизации в народно-поэтическом языке служит средством эмфатического выделения качества, его гиперболизации.

Так, в анализируемых поэмах мы видим следующие сочетания: ворог злой («Ночевал там ворог злой / На траве береговой» [12]), злой татарин (враг) («Злой татарин не пройдёт, / Меч ливонский упадёт» [12]), поля черные («Сам в поля эти черные лёг» [13]), белый/бел свет («И все же белый свет мне бел, / А черный мрак и с линзой черен» [7], «Но видят белым свет» [13]), девы красны («В заревах девы впрямь красны: / Лады в латах.– как венки весны» [6]), кровь красна («И кровь красна, / Выплыл месяц рваный…» [12]), кровь рудым-руда (рудой – рыжий и рыже-бурый, темно- и жарко-красный [Даль, 2006, с. 127]) и горячая («Под уклон журчит не вода седа, – / Кровь горячая, рудым-руда» [6]), предобрый князь («Как прибыл пре-

добрый князь / Вольный Новоград» [6]), ясен князь («Ясен князь велит, / Как взгорит заря багряная, / Тебя свалить» [12]), вольный конь («Как вольный конь, вкусив удил, / Михей не сдался, не продался» [6]), вольная воля («И ни разбоя, ни потерь / Как будто нету и не будет, / И вольной воли не убудет» [7]).

В целом тавтологические эпитеты демонстрируют стремление фольклорного мышления к усилению и типизации наиболее существенных, каноничных, идеальных признаков изображаемых объектов (даже если речь о негативно окрашенных единица типа враг, поскольку его идеальная характеристика – жестокость и беспощадность). Они являются ярким воплощением универсальных способов художественного обобщения, характерных для народной культуры.

3. Метафорические постоянные эпитеты переносят одно из значений на другое слово на основе общих признаков.

В приведенных поэмах мы наблюдаем такие устойчивые сочетания: черный хан («– Эх, тебя бы, чёрный хан, / На костер, собака!..» [12]), седые тайны («Сколько ты похоронил / Тайн седых, печалей, / Сколько раз ты заслонил / Русь, врагов встречая?..» [12]), седые волны («И кричали вороны / Над седыми волнами…» [12]), седа вода («Под уклон журчит не вода седа, – / Кровь горячая, рудым-руда» [6]). Ключевым в них является использование прилагательных черный, седой, которые переносятся с одушевленных или неодушевленных объектов на другие референты. Так, метафорический эпитет черный по отношению к хану актуализирует семантику зла, опасности, что соответствует сюжету поэмы «Бел-город». В свою очередь, эпитет седой при определении существительного тайны вербализует идеи древности, мудрости, тайного знания, а при определении существительных вода и волны – оттенки цвета.

Использование метафорических эпитетов позволяет фольклорному тексту достигать высокой степени образности и экспрессивности. Они словно «оживляют» описываемые предметы и явления, наделяя их антропоморфными свойствами.

4. Синкретические эпитеты являются средством выражения чувств и эмоций человека относительно каких-либо явлений или абстрактных категорий. Использование синкретических эпитетов позволяет фольклорному тексту достигать высокой степени эмоциональной выразительности и экспрессивности. Они как бы «одушевляют» описываемые явления, наделяя их яркими психологическими коннотациями.

Примерами синкретических эпитетов могут служить такие фольклорные сочетания, как глухая ночь / лихая ночь («Ночь глуха и лиха. / –Эй, кому петуха?» [12]); тяжкие думы («А думы, тяжкие как жернова, / Ворочаются, не убечь» [6]); тяжкая болезнь («Мне вскоре, хочешь ли, не хочешь, / Болезню тяжкую лечить...» [7]); тревожный глас («Лиходей едва заявится – / Бил тревожный глас» [6]); погиблый час («Без тебя бы нам не справиться / В погиблый час» [6]); тихий лик («И ангелов небесных, / И тихий лик творца»» [13]).

Зачастую разграничение между синкретическими и другими типами постоянных эпитетов (например, метафорическими) в фольклорном тексте довольно условно. Это связано с глубинной метафоричностью народного художественного мышления, стремящегося к образному, ассоциативному осмыслению действительности.

Выводы

В целом анализ использования постоянных эпитетов в поэмах Игоря Григорьева и Игоря Чернухина позволяет заключить, что данное средство языковой репрезентации фольклорной обобщенности является одной из характерных стилевых черт данных авторов. Обращение к фольклорным элементам, в том числе к постоянным эпитетам, свидетельствует о тяготении исследуемых текстов к коллективному, обобщенному способу художественного освоения действительности.

Несмотря на относительно небольшое количество употреблений постоянных эпитетов в текстах, их семантическая организация демонстрирует глубину художественного осмысления мира. Использование метафорических, тавтологических и других разновидностей устойчивых эпитетов позволяет авторам актуализировать архетипические представления народной культуры, связанные с идеями добра и зла, с ценностными основами древности, мудрости, свободы и пр.

Таким образом, обращение к традиционным эпитетам при анализе идиостилей Игоря Григорьева и Игоря Чернухина позволило выявить механизмы фольклоризации, характерные для индивидуально-авторской картины мира.

Список источников

1. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1996. 408 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / отв. ред. Г.В. Степанов. АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 338 с.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 136 – 137.

4. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Ленинград: Учпедгиз, 1941. 248 с.
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
6. Григорьев И.Н. Колокола. Поэма [Электронный ресурс]. Горькие яблоки: лирика. Ленинград: Лениздат, 1966. URL: https://igor-grigoriev.ru/stihi/poema_kolokola_1966.html (дата обращения: 10.04.2024).
7. Григорьев И.Н. Обитель. Поэма [Электронный ресурс]. Ленинград: Издательство Ленинград, 1990. URL: https://www.stihi.ru/2015/08/27/2011 (дата обращения: 10.04.2024).
8. Колесов В.В. Русская диалектология. М.: Дрофа, 2006. 267 с.
9. Неклюдов С.Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства: Сборник статей. М., 1972. С. 191 – 220.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. 672 с.
11. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1992. 137 с.
12. Чернухин И.А. Бел-город. Поэма [Электронный ресурс]. Запах огня: книга избранных стихотворений. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. URL: http://literabel.ru/books/igor-chernuxin/1959-bel-gorod-poema-.html (дата обращения: 11.06.2024).
13. Чернухин И.А. Третье поле. Поэма [Электронный ресурс]. Стихотворения, баллады, поэмы. Белгород: Отчий край, 2003. URL: http://literabel.ru/books/igor-chernuxin/1959-bel-gorod-poema-.html (дата обращения: 10.06.2024).

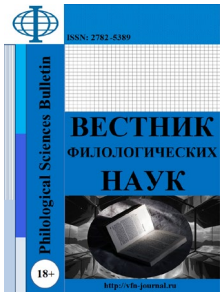
References

1. Anikin V.P. Theory of Folklore. Lecture Course. Moscow: Moscow State University Press, 1996. 408 p.
2. Arutyunova N.D. Types of Linguistic Meanings. Evaluation, Event, Fact. Ed. G.V. Stepanov. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow: Nauka, 1988. 338 p.
3. Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse. Theory of Metaphor. Moscow: Progress, 1990. P. 136 – 137.
4. Buslaev F.I. On Teaching the National Language. Leningrad: Uchpedgiz, 1941. 248 p.
5. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 256 p.
6. Grigoriev I.N. Bells. Poem [Electronic resource]. Bitter apples: lyrics. Leningrad: Leniz-dat, 1966. URL: https://igor-grigoriev.ru/stihi/poema_kolokola_1966.html (date of access: 10.04.2024).
7. Grigoriev I.N. Abode. Poem [Electronic resource]. Leningrad: Leningrad Publishing House, 1990. URL: https://www.stihi.ru/2015/08/27/2011 (date of access: 10.04.2024).
8. Kolesov V.V. Russian dialectology. M.: Bustard, 2006. 267 p.
9. Neklyudov S.Yu. Features of the pictorial system in pre-literary narrative art. Early forms of art: Collection of articles. Moscow, 1972. P. 191 – 220.
10. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Moscow: RIPOL classic, 2006. Vol. 4. 672 p.
11. Khrolenko A.T. Semantics of the folklore word. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1992. 137 p.
12. Chernukhin I.A. Belgorod. Poem [Electronic resource]. The smell of fire: a book of selected poems. Belgorod: KONSTANTA, 2014. URL: http://literabel.ru/books/igor-chernuxin/1959-bel-gorod-poema-.html (date of access: 11.06.2024).
13. Chernukhin I.A. The Third Field. Poem [Electronic resource]. Poems, ballads, poems. Belgorod: Otchiy Kray, 2003. URL: http://literabel.ru/books/igor-chernuxin/1959-bel-gorod-poema-.html (date of access: 10.06.2024).

Информация об авторах

Кириченко Ю.С., *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, kirichenko19921@mail.ru*

© Кириченко Ю.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-94

[1] ***Верещагина К.А.*** [1] ***Тихоокеанский государственный университет***

Япония и японцы в документальной прозе русских моряков начала XIX века (на материале «Путешествия» И.Ф. Крузенштерна)

Аннотация: *в статье исследуются формы географического описания «чужой земли» в документально-художественной маринистике. На материале путевых дневников И.Ф. Крузенштерна, опубликованных под названием «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах» рассматривается созданный автором образ Японии.*

Цель представленной работы – ввести в историко-литературный контекст малоизвестное сочинение И.Ф. Крузенштерна, как явление «ученого путешествия» в форме дневника морского похода и рассмотреть формы создания образа Японии; конкретной задачей исследования является выявление приемов «фронтирной поэтики».

Новизна работы обусловлена отсутствием литературоведческих исследований названного произведения Крузенштерна, а также разработкой методологии изучения документально-художественной литературы.

В статье выявлены сделанные Крузенштерном этнографические зарисовки материальной и духовной культуры Японии: национального праздника, костюма, прически, национальной кухни, особенностей судостроения и навигации.

В статье сделана попытка представить И.Ф. Крузенштерна как «литератора» обратить внимание на особенности его авторского стиля (субъективность, лиризм), на его филологический кругозор. Уделяется внимание опыту Крузенштерна как «портретиста»: показано, что представленный им образ японских чиновников изобилует «темными красками», что объясняется неудачей российско-японских переговоров.

Ключевые слова: *образ Японии, маринистика, И.Ф. Крузенштерн, фронтир в документально-художественной литературе, геопоэтика, этнопоэтика*

Для цитирования: Верещагина К.А. Япония и японцы в документальной прозе русских моряков начала XIX века (на материале «Путешествия» И.Ф. Крузенштерна) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 16 – 23.

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 07 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] ***Vereshchagina K.A.*** [1] ***Pacific National University***

Japan and the Japanese in the documentary prose of Russian sailors of the early 19th century (based on the "Travel" by I.F. Kruzenshtern)

Abstract: *the article examines the forms of geographical description of a "foreign land" in documentary and artistic marine art. Based on the travel diaries of I.F. Kruzenshtern, published under the title "Travel Around the World in 1803, 4, 5 and 1806", the author's image of Japan is examined.*

The purpose of the presented work is to introduce into the historical and literary context the little-known work of I.F. Kruzenshtern, as a phenomenon of "scientific travel" in the form of a diary of a sea voyage and to

consider the forms of creating the image of Japan; the specific task of the study is to identify the techniques of "frontier poetics".

The novelty of the work is due to the lack of literary studies of the named work of Kruzenshtern, as well as the development of a methodology for studying documentary fiction.

The article reveals ethnographic sketches of the material and spiritual culture of Japan made by Kruzenshtern: national holiday, costume, hairstyle, national cuisine, features of shipbuilding and navigation.

The article attempts to present I.F. Kruzenshtern as a "writer" to draw attention to the features of his authorial style (subjectivity, lyricism), to his philological outlook. Attention is paid to Kruzenshtern's experience as a "portraitist": it is shown that the image of Japanese officials he presented is full of "dark colors", which is explained by the failure of Russian-Japanese negotiations.

Keywords: *image of Japan, marine painting, I.F. Kruzenshtern, frontier in documentary fiction, geopoetics, ethnopoetics*

For citation: Vereshchagina K.A. Japan and the Japanese in the documentary prose of Russian sailors of the early 19th century (based on the "Travel" by I.F. Kruzenshtern). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 16 – 23.

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: October 07, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Дальний Восток с начала XIX века становится пространством, где происходит встреча русской культуры и народов Тихоокеанского дальневосточного побережья. Дальневосточные границы Российской империи оказываются фронтирной зоной, где происходило знакомство русских с иной природой (ландшафт, климат, флора и фауна) с иными этносами и религиями, а также с иным уровнем развитием цивилизационных процессов. Ситуация порубежья остро ставила вопросы самосознания, собственной идентичности, вызывала к жизни особенное ощущение Родины [2, 3, 15]. Контакт с новым природно-географическим и культурным миром становился импульсом для литературного творчества.

Представленная работа строится в русле междисциплинарных исследований. С одной стороны, она раскрывает интересные факты российской истории начала XIX века, показывает опыт межкультурного взаимодействия русских и японцев, т.е. имеет культурологический и исторический характер. С другой стороны, работа вносит вклад в изучение форм документально-художественной путевой прозы начала XIX века.

Актуальность исследования обусловлена историко-культурными и литературоведческими аспектами. Обращение к исследованию путевых записок И.Ф. Крузенштерна актуализирует память об этом выдающемся мореплавателе и знаменательном для российской истории событии – первом кругосветном походе; а также дополняет представление об истории российско-японских отношений. В литературоведческом отношении актуальность представленной работы связана с общим интересом историков и теоретиков литературы к документально-художественным жанрам, вопросам литературной географии, имагологии, геопоэтики и этнопоэтики.

В современном литературоведении проблема документально-художественных путевых жанров рассматривается всесторонне. Так, проблемой маринистики занимаются В.М. Тарасова, Т.Г. Струкова [13, 12]; проблема построения документально-художественного образа ставится в работах Л.Я. Гинзбург, Е.Г. Местергази [1, 6]; вопросам имагологии, геопоэтики и этнопоэтики уделено внимание в работах Е.В. Папиловой, Н.П. Михальской, А.Р. Ощепкова [11, 7, 9].

Представленная статья вносит посильный вклад в разработку этой проблематики.

Предметом исследования является образ Японии и японской культуры, созданный в названной книге И.Ф. Крузенштерна.

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования послужило «Путешествие вокруг света в 1803, 1804 и 1805 и 1806 годах на кораблях “Надежда” и “Нева”» И.Ф. Крузенштерна, также использовались труды по истории русско-японских отношений.

Методы исследования – культурно-исторический, метод литературоведческого анализа.

Результаты и обсуждения

Освоение дальневосточных рубежей России в первой трети XIX века было связано с исследованием географии, культуры, военного и торгового потенциала стран Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Японии. Общеизвестно, что Япония в начале XIX века была закрытой страной. Европейские державы по-

нимали экономический потенциал Японии и стремились наладить с ней торговлю. Особенно в установлении торговых отношений с Японией была заинтересована Россия, так как бурно развивающиеся тихоокеанские границы империи требовали открытия новых источников снабжения.

7 августа из Кронштадта в рамках первой российской кругосветной экспедиции вышли два шлюпа «Надежда» и «Нева» под командованием И.Ф. Крузенштерна и Юрия Лисянского. На борту шлюпа «Надежда» находилось 84 человека: офицеры, матросы, ученые, художники, сотрудники Российско-Американской компании, состав посольства в Японию под руководством Н.П. Резанова, несколько японцев [5, с. 80].

Главной целью участников посольства было наладить морскую торговлю с Японией, при этом планировалось добиться разрешения заходить в несколько портов. Ученые должны были составлять карты, проводить метеорологические и астрономические наблюдения, а также собирать информацию о тех землях, по которым будет проложен маршрут экспедиции [14, с. 79].

20 сентября «Надежда» вошла в гавань Нагасаки. Выбор именно этого города был неслучаен: японские законы запрещали торговлю с иностранцами в любом другом месте; именно в Нагасаки планировал отправиться со второй российской экспедицией в Японию еще Э. Лаксман в 1796 г. [16, с. 143].

Японцы были осведомлены о российском посольстве голландцами, прибытие Резанова не стало для них неожиданным. Начались длительные, но безуспешные для русских переговоры; японцы отказались устанавливать любые торговые контакты и предписали посольству немедленно покинуть Японию, что и было исполнено экипажем «Надежды».

В 1800 году «Надежда» вернулась в пределы империи – на Камчатку. Участников плавания ждало еще много событий: они побывали на Сахалине, в Макао и в Китайском Кантоне, обогнули мыс Доброй Надежды. Многие члены экспедиции вели дневники и записки: глава посольства Резанов, капитан Лисянский, учёные и офицеры (например, Г. Лангсдорф). Но наиболее известным и цитируемым трудом как в Российской империи, так и в Европе стало «Путешествие…», И.Ф. Крузенштерна, изданное 1809 году, в котором он описывает все события, случившиеся с экипажем «Надежды» с момента отплытия, до возвращения в Петербург.

Изложенные в «Путешествии» Крузенштерна события могут быть рассмотрены сквозь призму «фронтирной встречи» двух культур – если понимать «фронтир» широко, как пространство межкультурного взаимодействия [10]. Близкое территориальное соседство России и Японии давало возможность рассматривать опыт контактов (дипломатических, культурных, военно-политических) именно как опыт межкультурного общения на фронтире.

«Путешествие…» Крузенштерна разделено на два тома, в которых описанию Японии уделено две главы.

Всю страноведческую информацию, представленную Крузенштерном можно разделить на два больших блока. В первом представлено научное исследование этнографических и географических особенностей Японии; во втором томе представлен рассказ о встрече русского посольства японской стороной. Литературоведческий интерес представляют описания именно «второго блока».

Этнографические зарисовки представлены описаниями костюма, причёсок, церемониал японского этикета, интерьера домов, где смог побывать Крузенштерн.

Говоря о костюме японцев, Крузенштерн обращает внимание на сходство мужского и женского костюмов: «Одеяние баниосов и толмачей состояло из короткого верхнего платья с широкими рукавами и из узкого нижнего, длиною по самые пяты, которое подобно одежде европейских женщин <…>. Сие одеяние есть в Японии всеобщее» [4, с. 243-244].

Вместе с тем, в выборе материала, отличии повседневного от праздничного, в различии окраски проявляется сословное отличие костюма; помимо этого, существует выделение принадлежности к определенному роду одежда украшается гербами «величиной с императорский». Внимание исследователя привлекает несоответствие легкой одежды бедных японцев климатическими условиями, по его мнению, в таком костюме простой народ от холода «должен, конечно, терпеть <…> много в зимние месяцы» [4, с. 245].

Автор обращает внимание на детали прически: «крепко намазанные помадою, лоснящиеся волосы завязывают у самой головы на макушке в пучок, который наклоняется вперед» [4, с. 245]; Крузенштерн делает вывод и о больших временных затратах на изготовление такой прически.

Говоря о явлениях чужой культуры, Крузенштерн сравнивает ее со «своей», называя понятные русскому читателю вещи (императорский, женское платье и т.д.), чтобы ему было легче представить предмет описания.

Есть в дневнике Крузенштерна и упоминание о японском празднике Муссума-Мацури (31 марта и 1 апреля праздник девочек): он сделал наблюдение, что это свободный от работы день («Сколь ни маловажен предмет сего празднества, однако японцы, посвящая два дня сей детской забаве, должны почитать его великим») [4, с. 262] и понял, что это значимое событие в культуре Японии.

Согласно инструкции Румянцева, посольство должно было обратить особое внимание на торговлю Японии с Китаем и Ликейскими (в документе Лике) островами (в настоящее время префектура Окинава, острова Рюкю). Крузенштерн перечисляет актуальное состояние и предметы этой торговли, перечисляет предметы экспорта и импорта, говорит о сфере их применения, а также о времени прибытия торговых китайских кораблей: «Вывозимый китайцами из Японии товар состоит в некотором количестве красной меди, камфары, лакированных вещей, но большею частью в каракатицах, которые употребляются в Китае вместо лекарства, сверх того в некотором морском растении и сушеных раковинах, кои употребляются в пищу <…>. Китайцы имеют позволение присылать в Нагасаки двенадцать купеческих судов из Нингпо. Из оных пять приходят в июне, а отходят в октябре месяце; другие же семь приходят в декабре, а уходят в марте или апреле. Груз судов сих составляют по большей части сахар, чай, олово, слоновая кость и шелковые ткани» [4, с. 254-255].

Перечисление предметов торговли в контексте целостного произведения воспринимается не просто как язык документа, но как этнопоэтическая характеристика быта Японии, позволяет представить колорит восточной культуры и особенно восточного рынка.

Такой же деталью этнопоэтической картины становятся и описания блюд японской кухни (приводятся в дневнике Крузенштерна как возможный рацион моряков во время морского похода): «Оные (раковины аваби – прим. К. В.), как-то мы сами собою испытали, действительно вкусны и могут составлять надежную часть морской провизии потому, что не портятся чрез многие годы и смешанные с солониною делают похлебку вкусною и питательною» [4, с. 255]. Здесь также можно видеть процесс смыслового обогащения: документальные факты становятся элементами образа чужой культуры.

Важным для создания целостной картины чужой культуры в «Записках» становятся оценки автора, которые вносят характер субъективности, личностного взгляда на реалии незнакомого мира.

Так, Крузенштерн лично оценивает вкусовое качество вышеупомянутых сушёных раковин аваби, японского чая, которому отдает предпочтение перед китайским. В последнем случае Крузенштерн выступает с переоценкой популярного мнения: «Судя по собственному испытанию, полагаю я, что всё сообщенное от разных писателей о преимущественной доброте японского чаю слишком увеличено» [4, с. 255].

И.Ф. Крузенштерн делает наблюдения филологического характера. Так, он пытается проанализировать этимологию названия некоторых топонимов. Пишет о том, что курильцы называют остров Хоккайдо Иессо, а японцы Мацумай по имени княжества. По мнению Крузенштерна, вскоре имя Мацумай возобладает, когда японцы более плотность заселят эти острова. Он отдаёт предпочтение тем топонимам, которые используют коренное население. Так он использует на своих картах названия Сахалин и Ессо (названия остров Сахалина и Хоккайдо), так как они «заслуживают преимущество пред прочими» ввиду своей древности.

Профессиональные интересы определили то, что многие наблюдения Крузенштерн сделал о морском деле (описание порта). В тринадцатой главе сочинения Крузенштерн помещает развёрнутое описание Нагасакской гавани. В дневнике внесены записи о важных в профессиональном морском деле фактах: описание полного лунного затмения (что позволило более точно определить точную географическую долготу Нагасаки); географические координаты гавани, её структура (количество рейдов) и топография; предложены рекомендации последующим мореплавателям о правильном входе в Нагасакскую гавань. Автор описывает также японские суда разного предназначения, их оснастку, особенности постройки, отличительные знаки, флаги. В подобных описаниях приводится много фактических данных, используется морская терминология, профессиональная морская лексика.

Особое внимание автор уделяется японским кораблям. Заметно, что роскошь восточных судов произвела на него впечатление: описание отличается повышенной эмоциональностью (что проявляется в использовании эпитетов с оценочными значениями; прилагательных в превосходной степени, гипербол). «Судно сие превосходило величиною своею и богатым убранством все виденные мною прежде такого рода. Стены и перегородки кают на разные отделения покрыты были прекраснейшим лаком; лестницы сделаны из красного дерева и выполированы едва ли не лучше всякого лака; полы устланы японскими тонкими рогожами и драгоценными коврами; занавески пред дверьми из богатого штофа; по бортам всего судна развешаны в два ряда целые куски шелковых, разноцветных тканей» [4, с. 251-252].

В тексте проявляется подчеркнуто уважительное отношение автора к мореплавателям прошлого, как к учителям, продолжателем дела которых Крузенштерн себя ощущает (Лаперуза, Ванкувера, Бротона): «не упускал я никогда вносить в журнал широту и долготу каждого примечательного места. Так поступал Ванкувер, которому следовать в том обязан каждой мореплаватель» [4, с. 303]; «Лаперуз один был предшественником нашим в сем плавании; я желал к открытиям его присоединить и наши изыскания, которые и по сей одной причине могут уже быть достойными любопытства» [4, с. 272].

Крузенштерн подчеркивает, что многие уже открытые места требуют нового, современного описания, так как «средства к вернейшему определению мест в продолжении 160 лет усовершены несравненно» [4, с. 273].

Некоторые выводы делаются благодаря не эмпирическому наблюдению, а на основании косвенных признаков. Так Крузенштерн делает вывод об отсутствии огнестрельного оружия у японцев в заливе Анива из-за того, что они не показали: «Они бы не упустили показать нам оного, так как-то сделали они со своими копьями для возбуждения в нас к ним уважения» [4, с. 311].

Рассматривая сочинение Крузенштерна с точки зрения информационной, особенно ценным видятся описания Нагасакской гавани и торговли японцев с колониями – эта информация не встречается в описаниях его современников-мореплавателей.

Крузенштерн неоднократно обращается к трудам предшественников в исследовании Японии (Кемпфера, Шарлевуа и Тунберга), отсылает к ним читателя, когда требуется прояснения каких-то аспектов культуры Японии, или, когда не желает повторять то, что уже изложено в их трудах: «Кемпфер сообщает в окончании описания своего Японии, рецепт о составлении сего средства, доставленный ему одним из врачей японских» [4, с. 310].

Образ японцев, воплощенный на страницах «Путешествия», несет на себе печать негативной субъективной оценки; это вызвано неудачами русского посольства в Японии. Крузенштерн негативно отзывается о недомолвках и утаивании важной информации со стороны японских высокопоставленных лиц, обращает внимание на чрезмерный бюрократизм японской чиновничьей структуры, жалуется на затягивание переговоров.

Русская экспедиция возлагала большие надежды на переговоры, и члены русского посольства были уязвлены неудачей этого предприятия. В записках Крузенштерна это проявляется повышенной эмоциональностью в суждениях: «Оскорбительная предосторожность, с каковою поступают в Японии с иностранцами, довольно известна. Мы не могли надеяться, чтобы приняли нас благосклоннее, нежели других народов, но думая, что имеем с собою посланника, отправленного Монархом могущественной и соседственной нации сего столь боязливого в политических отношениях народа, с одними дружественными уверениями, ласкались не только некоторым исключительным приемом, но и большею свободою, которая могла бы долговременное наше в Нагасаки пребывание сделать приятным и небесполезным. Мы полагали, что шестимесячное наше бездействие вознаградится по крайней мере приобретением сведений о сем так мало известном государстве» [4, с. 230].

Собирательный портрет японцев, сделанный Крузенштерном, приобретает негативную окраску, автор акцентирует такие черты японского характера как неискренность, лицемерие, немотивированность действий. «Утвердительно полагать трудно, что бы такое побуждало губернаторов, коих поступки казались быть всегда честными, и кои наконец во многих случаях показывали свое добродушие, сообщать нам беспрестанно ложные известия» [4, с. 250].

Крузенштерн проявляет недоверие к представителям японской стороны и предполагает, что многие их слова и действия не более, чем дипломатическая игра и притворство. Так, удивившись слабым знаниям японцев в области естествознания («Известия об астрономических познаниях японцев, которые я приобрести старался, так недостаточны, что я не смею и упоминать об оных» [4, с. 257]), автор высказывает предположение, что, возможно, это просто обман, сокрытие информации об истинных знаниях. Так уличив своего переводчика и членов японского посольства в «крайнем невежестве в географии своего государства», автор комментирует: «может быть, сие с их стороны было притворно, дабы не сообщить нам о том сведений» [4, с. 240].

Одним из главных отрицательных качеств японцев Крузенштерн считает подобострастие; на что он неоднократно обращает внимание. «Как скоро долженствовал толмач что-либо перевести баниосу, то наперед вдруг повергался пред ним на колена и руки, и имея наклонную голову вздыхал с некоторым шипением, как будто желая вдохнуть в себя воздух, окружающий его повелителя» [4, с. 242].

Указывает Крузенштерн и на противоречивые нравы японского чиновничества – ограниченность власти провинциальных чиновников, несогласованность, нежелание брать на себя ответственность. Подобные действия затягивают пребывания посольства в Японии: «Изъявленная им (губернатором Мацумаэ – К.В.) боязнь, с каковою велел отмежевать нам место для прогулки в Кибаче, доказывает довольно ограниченность его власти» [4, с. 251]; «мы узнали после, что Кубо или светский император не хотел ни на что решиться в важном сем деле без согласия Даири» [4, с. 251]; «все их обещания в начале прибытия нашего были не что другое, как одни пустые слова» [4, с. 250].

Фрагменты, в которых описывается взаимодействие русского посольства с японским чиновничьим аппаратом выполнены в подчеркнуто эмоциональном тоне, присутствует экспрессивная лексика, субъективность: «Желание японского правительства сбыть нас с рук в начале апреля, обнаружено довольно прибыв-

шими к нам толмачами» [4, с. 261]; «нам отказали в сем (отвести корабль во внутреннюю гавань ради безопасности) не потому, что из Иеддо не прислано на то позволения, но приводили смеха достойную причину, что военный корабль со знатною на нём особою, каков посланник, не может стоять вместе с купеческими голландскими кораблями» [4, с. 249].

В данном случае японцы не отвечают прямым отказом на просьбу русских посланников, но находят незначительную («смешную» по мнению Крузенштерна) оговорку, чтобы ее не выполнять.

Но больше всего Крузенштерн иронизирует над тем формализмом, которого японцы придерживаются даже в мелочах. Так его удивление вызывает тот факт, что японцы собираются перенести огромное зеркало, подаренное императору, не по морю, а сухопутным путём на руках. При этом он приводит анекдотические (возможно, вымышленные) случаи проявления подобных ритуально-церемониальных действий и ранее: будто бы, ранее подобным образом (на руках) были перенесены: слон, которого прислал китайский император и китайская джонка, которая села на мель у восточных берегов Японии.

Ограничение свободы японским правительством также влияет на восприятие японского пространства: «мы не могли не только съезжать на берег, но и не имели даже позволения ездить на гребных судах своих около корабля в некоем расстоянии» [4, с. 234]; «японское правление простерло так далеко свое варварство, что запретило нам даже послать с голландцами, отходившими из Нагасаки в Батавию, письма и лишило тем желанного случая писать в свое Отечество» [4, с. 234]. Это побуждает воспринимать пребывание в Японии как «совершенное невольничество».

Неприятие пространства Японии приводит к тому, что Крузенштерн не скрывает радости, что покидает Японские острова: «Хотя я и не ожидал столь скорого отбытия нашего из Нагасаки, однако желал того вседушно, поелику опасался, чтобы нечаянное какое-либо неприятное препятствие не задержало нас долее в жестокой нашей неволе» [4, с. 270].

Вместе с тем Крузенштерн остается в своих записках беспристрастным ученым; общий негативное впечатление от неудачной экспедиции, не заслоняет от него положительных качеств японского характера. Так японцы восполнили все нужды российской экспедиции в материалах, необходимых для починки корабля, все просьбы о провизии были также исполнены: «все мои требования, в рассуждении материалов нужных для починки корабля, исполняемы были с точностью. Провизию доставляли не только с чрезвычайною поспешностью, но и всегда самую лучшую и притом каждой раз точно требуемое мною количество» [4, с. 238]. Особенно благожелательно к русским относится губернатор, который прислал овощи, табак и семена растений для высаживания их на Камчатке. Восхищается Крузенштерн японской опрятностью: «В рассуждении чистоты тела нельзя сделать им никакого упрека, невзирая на то, что они рубашек не употребляют, без коих не можем мы представить себе телесной опрятности. Судя по всему, нами примеченному, кажется, что наблюдение чистоты есть свойство, общее всем японцам и притом во всех состояниях» [4, с. 245-246].

Даже негодуя на ограничительные действия японского правительства, Крузенштерн тем не менее соглашается с теми требованиями, которые кажутся ему справедливыми: «Настояние японцев, чтоб не иметь вооруженных иностранных солдат в своем государстве, было, кажется, единственное только справедливое их от нас требование. Ибо между просвещеннейшими нациями Европы иностранные послы не имеют своего караула» [4, с. 233].

Заслуживает внимания не только образ японцев, появляющийся в «Путешествии», но и образ европейцев, которых встретил Крузенштерн в Нагасаки – встреча российских моряков с европейцами (голландцами) также является яркой иллюстрацией отношений в дальневосточном «фронтирном пространстве».

Голландцы участвовали во внешней политической жизни Японии, выступая если не посредниками, то советниками японских правящих кругов. Практически все исследователи российско-японских отношений начала XIX века пишут о том, что голландцы всеми способами пытались помешать успешному завершению посольства Резанова. На это указывают и японские источники, в частности, С. Накамура в труде «Японцы и русские: Из истории контактов» [8, с. 59]. Участники посольства в полной мере осознавали угрозу, исходящую от голландцев, так Резанов впоследствии отмечал, что некоторые переводчики были подкуплены голландцами [5, с. 84].

Голландцев Крузенштерн воспринимает едва ли не более негативно, чем японцев. Однако причина этого негативного восприятия не кроется в противодействии деятельности посольства. В первую очередь, исследователь высказывает возмущение тем, что голландцы не публиковали никаких документальных свидетельств о Японии, месте куда они единственные имели допуск, при этом, по утверждению Крузенштерна голландцы бы за эти публикации никак не преследовались и ничего бы от этих публикаций не потеряли, следовательно, причина заключается в другом. «Итак, чему приписать глубокое их молчание? Бесспорно, не благоусмотрительной, но самой мелочной и вовсе бесполезной политике, которая духу XVIII столетия

совсем противна, и республиканскому правлению не свойственна. <...> Что выиграли голландцы от ненавистного их хранения тайны?» [4, с. 231].

В этом фрагменте можно увидеть восприятие человека эпохи Просвещения, главная добродетель путешественника, по мнению которого заключается в распространение своих открытий.

С этого вопроса Крузенштерн начинает тринадцатую главу о Нагасаки и далее претензия к голландцам проходит лейтмотивом через весь текст о Японии, что показывает ту важность, которую придавал Крузенштерн свободному распространению информации как человек эпохи просвещения.

Так он ставит в вину голландцам то, что несмотря на двухсотлетнюю историю пребывания европейцев в Японии, они так и не удосужились оставить подробное описание гавани Нагасаки, что сам Крузенштерн далее исправляет. Такой поступок осуждается и противоречит представлениям о порядочности исследователя эпохи просвещения.

Обращает внимание автор и на определенную уступчивость и компромиссность голландцев в отношениях с японскими чиновниками, здесь также его заметки характеризуются повышенной эмоциональностью: «перед бадолжны они (голландцы) были все стоять пред баниосами несколько минут, наклонившись низко, к чему дано было им чрез толмачей следующее повеление: <…> господин обергофт, кланяйтесь перед баниосами. На сие покорное и унижительное приветствие не отвечали им ни малейшим знаком» [4, с. 240-241].

Чувство национальной гордости отчетливо слышится в словах Крузеенштена, когда он подчеркивает, что японцы не решились подобным образом обойтись с русскими: «Японцы не отваживались подвергнуть нас таковым уничижениям. Во второе посещение нас чиновниками, когда начал баниос говорить со мною, коснулся легонько один из толмачей, рукою спины моей; но как я, оглянувшись, посмотрел на него с видом негодования, то они и не отваживались уже более на таковые покушения» [4, с. 242].

Выводы

Приведенные примеры являются наглядным свидетельством того, как тонко и сложно формировалась геополитика в регионе. Опыт отношений с японцами и представителями другими государств в регионе в последующих событиях позволяет сопоставить современные знания о стране и источники двухсотлетней давности; позволяет увидеть, в чем мореплаватели прошлого были провидчески правы, а в чем ошибались, знакомясь с японской культурой.

А составленные Крузенштерном описания в свою очередь могут быть оценены как одни из первых геопоэтических описаний Японии, соединивших фактическое богатство деталей и яркую авторскую эмоциональность. Крузенштерн предоставил читателю большое количество ценной географической, этнографической и торговой информации о Японии. Можно сказать, что в контексте сочинения, которое носило, прежде всего, профессиональные задачи, складывались элементы и образного, личностно-творческого осмысления образа порубежной страны и ее народа.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01494, https://rscf.ru/project/23-28-01494/

Список источников

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Ленинград: Худ. Лит. Ленингр. отд-ние, 1977. 443 с.
2. Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26 – 36.
3. Забияко А.П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. 2001. Вып. 4. С. 19 – 28.
4. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804 и 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М.: Дрофа, 2007. 589 с.
5. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 381 с.
6. Местергази Е.Г. Документальное начало в литературе XX века: монография. М.: Флинта: Наука, 2006. 160 с.
7. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 150 с.
8. Накамура С. Японцы и русские: из истории контактов. М.: Прогресс, 1983. 303 с.
9. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251 – 253.
10. Панарина Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона // История и современность. 2015. № 1. С. 15 – 41.
11. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31 – 40.

12. Струкова Т.Г. Жанр морского романа и его модификации в английской литературе XIX-XX вв.: дис. ... док. филол. наук: 5.9.1. М., 1999. 38 с.
13. Тарасова В.М. Новороссийская маринистика как продолжение истории мировой литературной маринистики: константы национального характера: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.1. Краснодар, 2011. 26 с.
14. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 314 с.
15. Фэн Ишань. Образ родины в русской и китайской литературе дальневосточного фронтира 20-40-х гг. XX в.: дис. … канд. филол. наук: 5.9.1. М., 2023. 26 с.
16. Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений в XVII-XIX веках. М.: Наука, 1999. 255 с.

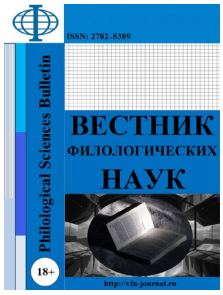
References

1. Ginzburg L.Ya. On psychological prose. Leningrad: Art. Lit. Leningrad Department, 1977. 443 p.
2. Zabiyako A.P. The Abroad as a Given of Human Existence. Questions of Philosophy. 2016. No. 11. P. 26 – 36.
3. Zabiyako A.P. Russians and Chinese: Meeting at the Boundary of Cultures. Historical Experience of the Development of the Far East. 2001. Iss. 4. P. 19 – 28.
4. Kruzenshtern I.F. Voyage Around the World in 1803, 1804 and 1805 and 1806 on the Ships Nadezhda and Neva. Moscow: Drofa, 2007. 589 p.
5. Kutakov L.N. Russia and Japan. Moscow: Nauka, 1988. 381 p.
6. Mestergazi E.G. Documentary origin in the literature of the 20th century: monograph. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 160 p.
7. Mikhalskaya N.P. The image of Russia in English fiction of the 9th-19th centuries. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 1995. 150 p.
8. Nakamura S. Japanese and Russians: from the history of contacts. Moscow: Progress, 1983. 303 p.
9. Oshchepkov A.R. Imagology. Knowledge. Understanding. Skill. 2010. No. 1. P. 251 – 253.
10. Panarina D.S. Border and frontier as a factor in regional development.History and modernity. 2015. No. 1. P. 15 – 41.
11. Papilova E.V. Imagology as a humanitarian discipline. Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Philological sciences. 2011. No. 4. P. 31 – 40.
12. Strukova T.G. The genre of the sea novel and its modifications in English literature of the XIX-XX centuries: diss. ... doc. philological sciences: 5.9.1. Moscow, 1999. 38 p.
13. Tarasova V.M. Novorossiysk marine studies as a continuation of the history of world literary marine studies: constants of national character: diss. ... candidate of philological sciences: 5.9.1. Krasnodar, 2011. 26 p.
14. Fainberg E.Ya. Russo-Japanese relations in 1697-1875. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1960. 314 p.
15. Feng Yishan. The Image of the Motherland in Russian and Chinese Literature of the Far Eastern Frontier in the 1920s-1940s: Diss. Cand. Philological Sciences: 5.9.1. Moscow, 2023. 26 p.
16. Cherevko K.E. The Emergence of Russo-Japanese Relations in the 17th-19th Centuries. Moscow: Nauka, 1999. 255 p.

Информация об авторах

Верещагина К.А., *старший преподаватель, кафедра русской филологии, Тихоокеанский государственный университет, kseniya.vereshchagina@mail.ru*

© Верещагина К.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 811

[1] ***Бабаева Г.Г.*** [1] ***Бакинский славянский университет (БСУ)***

Гендерные различия во фразеологии английского языка

Аннотация: *данная статья посвящена гендерным различиям в английской фразеологии и исследует, как эти различия отражают гендерные стереотипы и неравенства в обществе. Автор подчеркивает, что некоторые выражения и идиомы в английском языке формировались на основе исторических и культурных нормативных ролей, а также опираются на социальные ожидания и стереотипы, связанные с мужчинами и женщинами. Статья анализирует значения, приписываемые мужчинам и женщинам в фразеологических выражениях, а также изменение гендерных значений в различных контекстах. На разных языковых уровнях – синтаксическом, семантическом и межкультурном – представлены выражения, специфичные для гендера, что создает богатую информационную базу для изучения английской фразеологии с гендерной точки зрения. Исследование гендерных различий во фразеологии английского языка может быть интересным и полезным для понимания существующих стереотипов и неравенства полов в языке. Фразеология английского языка содержит выражения и идиомы, связанные с определенными гендерными стереотипами. Некоторые из этих выражений отражают исторические и культурные нормы, относящийся к определенным половым ролям.*

Ключевые слова: *фразеология английского языка, гендер, культура, мужское сознание, женское сознание*

Для цитирования: Бабаева Г.Г. Гендерные различия во фразеологии английского языка // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 24 – 32.

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 07 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] ***Babayeva G.G.*** [1] ***Baku Slavic University***

Gender differences in English phraseology

Abstract: *this article focuses on gender differences in English phraseology and examines how these differences reflect gender stereotypes and inequalities in society. The author emphasizes that certain expressions and idioms in the English language have been shaped by historical and cultural normative roles, as well as social expectations and stereotypes associated with men and women. The article analyzes meanings attributed to men and women in phraseological expressions and the shifts in gender meanings across various contexts. At different linguistic levels – syntactic, semantic, and intercultural – the article presents gender-specific expressions, creating a rich information base for studying English phraseology from a gender perspective. Research on gender differences in English phraseology may be interesting and useful for understanding existing gender stereotypes and inequalities in language. English phraseology contains expressions and idioms linked to specific gender stereotypes. Some of these expressions reflect historical and cultural norms related to particular gender roles.*

Keywords: *English phraseology, gender, culture, male consciousness, female consciousness*

For citation: Babayeva G.G. Gender differences in English phrazeology. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 24 – 32.

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: October 07, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Исследование гендерных различий в английской фразеологии актуально в связи с возрастающим интересом к теме гендера и его влияния на языковые структуры. Фразеологические единицы отражают не только культурные нормы, но и стереотипы, которые существуют в обществе относительно ролей мужчин и женщин. Это исследование помогает лучше понять, как исторические и культурные особенности, а также гендерные представления, закрепленные в языке, влияют на восприятие гендерной идентичности. Учитывая современные тенденции к инклюзивности и равенству, анализ гендерной составляющей английской фразеологии приобретает особое значение.

Цель данного исследования – выявить гендерные различия в фразеологии английского языка и проанализировать, как эти различия отражают гендерные стереотипы и социокультурные установки. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: систематизировать фразеологические выражения, связанные с гендером; проанализировать исторические и культурные корни гендерных стереотипов, отраженных в английской фразеологии; изучить изменения в использовании гендерно маркированных выражений в современном английском языке; провести контекстуальный анализ значений и оттенков, присущих гендерно ориентированным фразеологическим единицам.

Гендерные различия во фразеологии английского языка на синтаксическом уровне обычно не являются прямыми или основными. Фразеологические выражения в английском языке часто являются фиксированными последовательностями слов, имеющими определенное значение, и они могут использоваться как для мужского, так и для женского рода. Однако есть некоторые фразеологические обороты, которые содержать гендерные оттенки или отсылки.

Например, выражение “like a girl” (делать что-либо «как девочка») ранее использовалось в негативном контексте, чтобы указать на слабость или неумелость. Однако в последние годы оно стало объектом критики и переосмысления, и его можно теперь воспринимать как расширение прав и возможностей женщин и приверженность их силе и навыкам. «Такие фразы могут влиять на стереотипы и представления о ролях полов в обществе» [7, с. 77].

Гендерные различия во фразеологии английского языка отражают культурный контекст и социальные нормы, распространенные на протяжении истории языка. Во многих языках, включая английский, существуют фразеологические выражения, которые связаны с определенными стереотипами и ожиданиями относительно мужчин и женщин. Например, в некоторых фразеологических выражениях английского языка присутствуют стереотипы о мужской силе, решительности или агрессии, в то время как женский пол связан с уязвимостью, красотой или эмоциональностью (“Man up” – быть смелым; “Like a man” – как мужчина; “Throw like a girl” – кидать как девочка; “The weaker sex” – Слабый пол) [9, с. 204].

Эти стереотипы и представления о гендерных ролях отражены в различных идиомах, пословицах или фразах, используемых в английском языке. Однако стоит отметить, что язык и культура – это сложные и взаимосвязанные явления, и «обобщенные утверждения о гендерных различиях в фразеологии имеют много исключений и вариаций в зависимости от региона, социальной группы и других факторов» [6, с. 77-79]. Такие выражения отражают стереотипы и предрассудки, существующие в обществе относительно мужского и женского поведения. Они могут быть использованы как способ подчеркнуть различия между полами или описать поведение в контексте гендерных ролей. Однако в современном обществе все больше признается важность борьбы с сексистским языком и преодоление стереотипов, включая гендерные.

Гендерные различия в фразеологии английского языка проявляются в использовании определенных образов, метафор и идиом, которые связаны с мужскими или женскими стереотипами. Важно отметить, что эти образы и метафоры не всегда отражают реальность или являются объективными описаниями. Они могут быть связаны с социокультурными стереотипами и представлениями о мужчинах и женщинах, которые могут меняться в различных обществах и со временем.

Некоторые фразеологические выражения в английском языке имеют разные формы для мужского и женского рода. Например, “waitress” (официантка) и “waiter” (официант). “Stronger sex” (сильный пол)

относится к мужчинам, в то время как фраза “weaker sex” (слабый пол) используется для обозначения женщин.

Фразеологические выражения могут включать эпитеты или ассоциации, связанные с полом. Например, “battle of the sexes” (битва полов) указывает на конфликт или соперничество между мужчинами и женщинами. “Gentleman's agreement” (джентльменское соглашение) подразумевает соглашение, заключенное между мужчинами на основе доверия и чести. Подобные выражения отражают исторические или культурные представления о роли и поведении мужчин и женщин [5, с. 81].

Материалы и методы исследований

В данном исследовании использованы метод сравнительного анализа и метод культурно-семиотического анализа, что позволило выявить гендерные различия в английской фразеологии и изучить их связь с культурными и социальными стереотипами. В качестве материала для исследования привлекались англоязычные фразеологические словари, литература, а также источники периодической печати и интернет-ресурсы, содержащие гендерно окрашенные фразеологизмы и идиомы. Для точного понимания контекста были изучены примеры употребления фразеологизмов в литературных и медийных текстах, что позволило оценить их использование и влияние в реальных речевых ситуациях.

Результаты и обсуждения

В английском языке фразеологизмы можно разделить на типы, характеризующие гендерные особенности мужчин и женщин. Учитывая данный фатор, следует рассматривать эти фразеологизмы в нижеследующей классификации.

1. Фразеологизмы, связанные с образом мышления мужчин и женщин. Фразеологизмы английского языка, связанные с образом мышления женщин, обусловлены культурно-гендерными факторами. Язык является отражением культурных и социальных норм, поэтому некоторые фразеологические выражения отражают стереотипы и представления о женщинах в конкретной культуре. Например, фразеологизмы, связанные с эмоциональностью или интуицией, ассоциированы с женщинами в контексте западной культуры. Выражения такие как “women's intuition” (женская интуиция) или “emotional rollercoaster” (эмоциональные американские горки) употреблены для описания типичных особенностей мышления женщин (таблица 1).

Это лишь некоторые примеры фразеологизмов, связанных с образом мышления мужчин в английском языке. Эти фразы используются для описания особенностей женского и мужского мышления. Фразеологизмы, связанные с образом мышления женщин и мужчин, могут быть восприняты как стереотипы и негативные обобщения, поскольку отражают общие представления или мнения о полах [8, с. 110].

Гендерные стереотипы в фразеологизмах английского языка отражают различия в образе мышления мужчин и женщин не столько по причине объективных различий в их способностях и характеристиках, сколько из-за исторических и социокультурных факторов. Вот некоторые из возможных причин, объясняющих происхождение гендерных стереотипов в языке [3, с. 44]. В течение многих столетий в обществе присутствовали явные различия в ролях и обязанностях мужчин и женщин. Мужчинам традиционно приписывались качества, связанные с физической силой, властью и рациональностью, в то время как женщинам – качества, связанные с заботой, эмоциональностью и домашними обязанностями. Эти различия в ролях отразились и на языке, включая фразеологизмы.

2. Фразеологизмы, отражающие различия в социальных ролях мужчин и женщин. Гендерный анализ фразеологизмов английского языка, отражающих различия в социальных ролях мужчин и женщин, помогает исследовать, как язык отражает и поддерживает стереотипы и неравенства полов. Некоторые фразеологизмы могут быть связаны с традиционными социальными ролями, предполагая, что мужчины и женщины выполняют разные функции и имеют различные характеристики. Например, рассмотрим фразеологизм “man up” (будь мужчиной), который обычно используется для призыва мужчин к проявлению силы, мужества или решительности. Этот фразеологизм предполагает, что мужчины должны быть сильными и не проявлять слабость, в то время как женщинам такое требование не предъявляется. Аналогично, фразеологизм “like a girl” (как девочка) может использоваться в контексте унижения или уничижительного отношения к женщинам или презрительного отношения к мужчинам, предполагая, что женщины менее способны или слабее мужчин [1, с. 6] (таблица 2).

Таблица 1

Фразеологизмы, связанные с образом мышления мужчин и женщин.

Table 1

Phraseologisms related to the way of thinking of men and women.

Мужчина	Женщина
"Think like a man" – “думать как мужчина””, что означает принять логический и аналитический подход к решению проблемы. "Have a one-track mind" – “иметь узкое мышление”, что означает быть сосредоточенным только на одной вещи и не обращать внимания на другие аспекты. "Put on your thinking cap" – “надень свою шляпу мыслителя”, что означает сосредоточиться и начать серьезно думать. "Macho thinking" – мачо-мышление, что означает придерживаться традиционных мужских ролей и стереотипов. "Think outside the box" – “мыслить нестандартно”, что означает думать креативно и находить неожиданные решения. "A man with a plan" – “мужчина с планом”, что означает, что у него всегда есть четкие цели и стратегия для их достижения. "Men think with their wallets" – эта фраза подразумевает, что мужчины часто принимают решения, исходя из финансовых соображений или выгоды. "A man of few words" – «немногословный человек"это выражение описывает мужчину, который обычно говорит мало или не проявляет многоэмоциональности в общении. "Men don't cry" – данное выражение указывает на стереотип, согласно которому мужчины не должны показывать свои эмоции или плакать. "A man's mind is like a steel trap" – данное выражение описывает представление о том, что у мужчин часто есть острый и хорошо запоминающий ум. "A man's intuition" – это выражение указывает на идею, что мужчины также могут иметь интуитивное понимание или чувство вещей. "Men don't ask for directions" – данное выражение указывает на распространенное мнение о том, что мужчины обычно не спрашивают о помощи или указаниях, когда им нужно найти путь или местоположение.	“Women's intuition” – “женская интуиция”, подразумевающая, что женщины обладают особым чувством или способностью к пониманию или предвидению чего-либо. “Mother wit” – “материнская проницательность” или “здравый смысл”, которые связываются с женщинами, особенно матерями. “Mother knows best” – “мама знает лучше”, указывая на мнение или совет матери, считая его наилучшим. “Female logic” – “женская логика”, часто использованная для описания нелогичных или непредсказуемых мыслительных процессов женщин. “Feminine perspective” – “женская перспектива”, которая подразумевает, что женщины могут иметь уникальные взгляды или подходы к определенным вопросам или ситуациям. "Emotional reasoning" – “эмоциональное рассуждение” – эта фраза отсылает к идее, что женщины принимают решения и формируют свое мнение, исходя в основном из эмоциональных аспектов, а не логического анализа. “Emotional roller coaster” – “эмоциональная американская горка”, описывающая частые колебания эмоционального состояния женщин. "Women overthink things" – “женщины излишне размышляют о вещах” – этот фразеологизм описывает предполагаемую склонность женщин к чрезмерному анализу и размышлениям, особенно в контексте принятия решений. “Ladylike thinking” – “женственное мышление”, указывающее на особенности их манеры думать, выражать себя или подходить к проблемам. “Venusian thinking” – “венерианское мышление”, отсылает к романтическим, эмоциональным и интуитивным чертам, которые ассоциируются с богиней Венерой в древнеримской мифологии.

Гендерные стереотипы, отражающиеся в фразеологизмах английского языка и связанные с различиями в социальных ролях мужчин и женщин, имеют различные причины. Многие фразеологизмы в языке имеют свои корни в исторических периодах, когда мужчины и женщины выполняли разные социальные роли. Например, выражение «как кур воробей» (like a hen with a sparrow) подразумевает, что женщина беспокоится о своих детях или заботится о ком-то нежно, что отражает стереотип материнства.

Во многих обществах существовало разделение труда между мужчинами и женщинами, при котором каждый пол выполнял определенные функции. Это могло привести к формированию фразеологических выражений, отражающих соответствующие роли. Например, фраза "мужская работа" (a man's job) может указывать на работу, которая традиционно ассоциировалась с мужчинами, такую как строительство или автомеханика.

Таблица 2

Фразеологизмы, отражающие гендерные различия в социальной сфере.

Table 2

Phraseologisms reflecting gender differences in the social sphere.

Мужчина	Женщина
"Be a man" (Будь мужчиной) – используется для призыва к смелости, решительности и выносливости (Пример: "Don't cry, be a man and face your problems"). "Act like a man" (Вести себя как мужчина) – подразумевает, что мужчина должен проявлять стереотипные мужские черты, такие как силу, самообладание и решительность (Пример: "Stop being so emotional and act like a man"). "A man's job" (Мужская работа) – это выражение указывает на то, что определенные виды работы или задачи считаются типично мужскими и, возможно, несовместимыми с женскими ролями или способностями. "Be the breadwinner" (Быть кормильцем) – подразумевает, что мужчина должен быть основным источником дохода в семье (Пример: "In traditional gender roles, men were expected to be the breadwinners"). "To wear the pants" (носить брюки) – означает, что мужчина является главным принимающим решения в семье или отношениях. "To be a gentleman" (быть джентльменом) – указывает на мужчину, который обладает хорошими манерами, уважает женщин и ведет себя вежливо и галантно. "To be a man of his word" (быть мужчиной своего слова) – описывает мужчину, который всегда выполняет свои обещания и держит слово. "To be the head of the household" (быть главой семьи) – указывает на мужчину, который принимает основные решения в семье и обеспечивает ее руководство. "To be a provider" (быть обеспечителем) – описывает мужчину, который берет на себя ответственность за обеспечение материальных нужд своей семьи. "Wear the pants" (Носить штаны) – относится к идее, что мужчина должен быть главой семьи и принимать решения (Пример: "In their relationship, she wears the pants and makes all the important decisions.") "Man of the house" – мужчина, который является главой семьи и отвечает за принятие решений и обеспечение семьи. "Handyman" – «мужчина-мастер на все руки" мужчина, который умело ремонтирует и делает различные работы в доме. "Strong as an ox – сильный, мощный и выносливый, как бык.	Feminine touch – “женское прикосновение”, указывающее на то, что женщины обладают способностью к созданию уюта, комфорта или эстетического восприятия. "A woman's work is never done" – работа женщины никогда не заканчивается. Это фразеологизм отражает традиционное представление о том, что женщины часто занимаются домашними делами и уходом за семьей, и их работа никогда не заканчивается. "Throw like a girl" (Бросай, как девчонка") – это фраза, которая может использоваться для указания на то, что девочки или женщины не так сильны или умелы в выполнении физических действий, особенно связанных с силой или ловкостью. "Behind every great man, there's a great woman" – За каждым великим мужчиной стоит великая женщина". Это выражение подразумевает, что успех мужчины часто зависит от поддержки и вклада его партнера-женщины. "A woman's place is in the home" – место женщины в доме. Этот фразеологизм отражает стереотипное представление о роли женщины как домохозяйки и заботливой матери. "Motherhood and apple pie" – материнство и яблочный пирог. Это выражение используется для обозначения традиционных ценностей и идеалов женской роли, связанных с материнством и семейной заботой. "Wear the pants" (носить штаны) – указывает на женщину, которая принимает решения и контролирует ситуацию, обладает властью и авторитетом. "The fairer sex" (более справедливый пол) – устойчивое выражение, которое обычно используется для описания женщин или указания на их превосходство в качестве. "Behind every great man there's a great woman" (за каждым великим мужчиной стоит великая женщина) – указывает на важную роль женщины в поддержке и вдохновении мужчины на достижение успеха. "A woman's place is in the home" (место женщины дома) – выражение, которое в прошлом акцентировало важность женской роли в семье и было связано с ожиданиями относительно домашних обязанностей женщины. "Women and children first" (женщины и дети первыми) – фраза, которая выражает приоритет женщин и детей в ситуациях опасности или приоритетных обстоятельствах.

Гендерные стереотипы могут быть укоренены в культурных нормах и ожиданиях, которые формируются в обществе. Эти нормы могут отразиться в языке и фразеологизмах. Например, выражение «слабая поло-

вина человечества» (the weaker sex) подразумевает стереотип о женщинах как физически более слабых и уязвимых [1, с. 5].

Фразеологические выражения отражают стереотипы и предубеждения, которые существуют в обществе относительно мужчин и женщин. Эти стереотипы могут быть усилены или укреплены через язык. Например, выражение «мужской шовинизм» (male chauvinism) относится к представлению о мужчинах как превосходящих или пренебрегающих женщинами.

Важно отметить, что эти фразеологические выражения могут быть исторически условными и необязательно отражать современные взгляды на гендерные роли и равенство. Они представляют исторический и культурный контекст, в котором они возникли, и могут использоваться как показатель культурных изменений и прогресса в обществе [2, с. 16].

3. Фразеологизмы, отражающие различия в экономических возможностях мужчин и женщин. Гендерные стереотипы, отражающие различия в экономических возможностях мужчин и женщин, могут быть причиной наличия соответствующих фразеологизмов в английском языке. Исторически женщины сталкивались с ограничениями и дискриминацией в доступе к образованию, профессиям и ресурсам, что привело к формированию гендерных неравенств. Фразеологизмы, связанные с экономикой и финансами, могут содержать языковые конструкции, подчеркивающие предполагаемую роль мужчин и женщин в обществе. Некоторые из них усиливают стереотипы о мужчинах как основных предпринимателях и лидерах, а женщинах – как домохозяйках, прислуге или зависимых от мужчин (таблица 3).

Таблица 3

Фразеологизмы, отражающие различия в экономических возможностях мужчин и женщин.

Table 3

Phraseologisms reflecting differences in economic opportunities of men and women.

Мужчина	Женщина
"Breadwinner" – это выражение относится к человеку, который зарабатывает основной доход в семье. Обычно этот термин используется в контексте мужчин, которые традиционно рассматриваются как главные кормильцы семьи. "Old boys' network" – сеть связей и привилегий, которые обеспечивают взаимопомощь и продвижение мужчин, особенно в престижных профессиях или бизнесе (Пример использования: "The old boys' network can make it difficult for women to advance in the legal field"). "Boys' club" – закрытое сообщество, где мужчины доминируют и принимают ключевые решения, ограничивая доступ женщин к возможностям и преимуществам (Пример использования: "It's hard for women to break into the boys' club in the finance industry").	"The glass ceiling" (стеклянный потолок) – это фраза, которая описывает невидимые преграды или ограничения, с которыми женщины сталкиваются при продвижении по карьерной лестнице. "The gender pay gap" (гендерный разрыв в заработной плате) – это выражение относится к неравенству в оплате труда между мужчинами и женщинами, где женщины, как правило, зарабатывают меньше за ту же работу или должность. "Double burden" – двойная нагрузка, с которой женщины сталкиваются, балансируя между работой и семейными обязанностями. "Working mother" – это выражение относится к женщине, которая имеет работу и одновременно заботится о своих детях. Оно отражает дополнительные трудности и ограничения, с которыми сталкиваются многие женщины в совмещении карьеры и материнства. "Mompreneur" (мама-предприниматель) – термин, указывающий на женщин-предпринимателей, которые балансируют между предпринимательством и материнством. "Pink-collar jobs" (работа "розового воротничка") – этот термин относится к работам, которые традиционно ассоциируются с женщинами, таким как медсестры, учителя, секретари и другие. Он указывает на то, что эти профессии обычно менее оплачиваемы и менее престижны, чем те, которые традиционно связывают с мужчинами. "Second shift" (вторая смена) – это выражение относится к дополнительной нагрузке на домашние обязанности и заботу о детях, с которыми женщины часто сталкиваются после работы.

Гендерные стереотипы в фразеологизмах английского языка, отражающих различия в экономических возможностях мужчин и женщин, имеют свои исторические корни. В течение длительного времени во многих обществах существовали явные различия в ролях мужчин и женщин, включая их роли в экономике. В традиционных обществах мужчины, как правило, выполняли функции заработка семейного достатка, в то время как женщины были связаны с домашними обязанностями и уходом за детьми. Эти различия в ролях и возможностях привели к формированию стереотипов, которые со временем проникли в язык и стали отражаться в фразеологизмах.

Некоторые фразеологизмы могут содержать стереотипы, связанные с представлением о «мужской» и «женской» работе, а также с доходами и экономическими возможностями. Например, фраза “breadwinner” (кормильца) традиционно ассоциировалась с мужчиной, который зарабатывает большую часть семейного бюджета, тогда как “housewife” (домохозяйка) подразумевала женщину, занимающуюся домашними делами. Эти стереотипы и отражающие их фразеологизмы могут продолжать существовать и в современном языке, хотя социальные и экономические изменения в обществе стали менять восприятие ролей мужчин и женщин. Некоторые фразеологизмы могут быть остатками прошлого, сохраняющими устойчивость в языке, несмотря на изменения в реальности. Однако в современном обществе существуют активные усилия по борьбе с гендерными стереотипами и их отражением в лексиконе. Многие осознают несправедливость и неправильность этих стереотипов и работают над их преодолением [4, с. 183].

4. Фразеологизмы, отражающие различия в политических ролях мужчин и женщин. В английском языке существует ряд фразеологизмов, которые могут отражать различия в политических ролях мужчин и женщин. В английском языке политические фразеологизмы в большей степени отражают политическую терминологию и идеологии, нежели гендерные различия. Однако, в зависимости от контекста и использования, некоторые фразеологизмы могут содержать гендерно-специфические аспекты (таблица 4).

Таблица 4

Фразеологизмы, отражающие гендерные различия в политике.

Table 4

Phraseologisms reflecting gender differences in politics.

Мужчина	Женщина
"The man behind the curtain" (человек за занавеской) – это выражение, которое относится к скрытым силам или лицам, управляющим политической сценой из тени. Оно может использоваться для указания на мужчин, занимающих высокие политические должности, которые фактически определяют политические решения, в то время как женщины могут оказываться на второстепенных ролях или не получать заслуженного признания. "Old boys' network" (сеть старых друзей) – это фраза, которая описывает неформальные связи и преимущества, которыми мужчины, занимающие влиятельные политические должности, могут пользоваться, чтобы поддерживать свое положение и исключать женщин из политической сферы. "Double standard" (двойные стандарты) – это фраза, которая указывает на различия в оценке действий и поведения мужчин и женщин в политике. Она подчеркивает неравенство и неправедность в отношении политических ролей мужчин и женщин. "First gentleman" (первый джентльмен) – данный термин используется для описания мужа женщины-лидера, например, президента или премьер-министра, подчеркивая его вторичность по сравнению с женой в политическом контексте. "The man in the street" (обычный человек) – эта фраза часто используется для описания типичного гражданина, и в большинстве случаев предполагается, что это мужчина. Она может отражать предположение о том, что мужчины играют более активную роль в политической сфере. “The boys in the backroom” (парни в задней комнате) – это выражение описывает закулисные политические сделки и принятие решений внутри группы влиятельных мужчин без участия женщин.	"Glass ceiling" (стеклянный потолок) – это фраза, которая отражает невидимые преграды и ограничения, с которыми сталкиваются женщины при стремлении занять высокие политические должности или достичь успеха в политике. "Token woman" (женщина-значок) – это фраза, которая описывает ситуацию, когда одна женщина назначается или приглашается на политическую должность или в комитет, чтобы создать иллюзию гендерного равенства, не обеспечивая настоящей политической силы и влияния для женщин. "Iron lady" (железная леди) – это фраза, которая относится к женщинам-политикам с сильным характером и авторитетным стилем лидерства. Она может использоваться как положительное описание женщин, преодолевающих преграды и достигающих успеха в политике, но также может подчеркивать некоторые отрицательные аспекты их власти. "Mommy track" (мамин путь) – это фраза, которая описывает ситуацию, когда женщина вступает в материнство и делает выбор в пользу семьи, откладывая или замедляя свою карьеру в политике. "The first lady" (первая леди) – данная фраза относится к супруге президента или высокопоставленного политического деятеля. В контексте политики она обычно используется для описания жены мужчины, занимающего высокий пост, что подчеркивает традиционную роль женщины как поддержки и сопровождения своего мужа в политической сфере. "Behind every great man, there's a great woman" (за каждым великим мужчиной стоит великая женщина) – данный фразеологизм подчеркивает важность женщины в поддержке и успехе мужчины в политике. Он может отражать стереотип о женщине как вторичном игроке в политической арене.

Эти фразеологизмы отражают некоторые стереотипы и реалии политической сферы, связанные с полом, и могут использоваться для обсуждения и анализа политических ролей мужчин и женщин. Однако следует помнить, что политическая сфера и социальные роли постоянно меняются, и эти фразы могут варьироваться в своем использовании и восприятии в разных контекстах и обществах [1, с. 10]. Важно отметить, что эти фразы отражают определенные стереотипы и представления, которые могут не соответствовать реальности политической ситуации в современном мире. Сегодня все больше женщин занимают высокие политические посты и ведут активную политическую деятельность.

Выводы

В английской фразеологии гендерные различия обычно не являются принципиальными. Фразеологические выражения, идиомы и пословицы, в целом, используются без прямого упоминания пола. Они основаны на исторических, культурных и языковых конвенциях, которые развивались в течение длительного времени. Однако есть некоторые исключения, где гендерные различия могут проявляться.

Важно отметить, что фразеология может отражать исторические социокультурные нормы, связанные с гендерными стереотипами и неравенством. Однако со временем эти стереотипы и нормы меняются, и фразеологические выражения подвергаются эволюции или переосмыслению.

Хотя гендерные различия в фразеологии английского языка могут присутствовать в некоторых выражениях, общая тенденция свидетельствует о смещении к более нейтральному и инклюзивному использованию языка.

Список источников

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках. М., 1984. 16 с.
2. Васюк В.В. Концепт «женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка. М., 2002. 21 с.
3. Вахрамеева А.С. Гендерно-ориентированные высказывания в современном английском языке (на материале женской прозы). Санкт-Петербург, 2009. 19 с.
4. Гасанова Т.И., Габибова К.А. К вопросу о включении пословиц и поговорок во фразеологический состав языка на материале азербайджанского и английского языков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 182 – 186.
5. Долгова Т.В., Сафронова А.И. Гендерные стереотипы в английских фразеологических единицах // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 12 (67). С. 79 – 83.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 380 с.
7. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурного изучения. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2015. 376 с.
8. Кормильцева А.Л., Тарасова Ф.Х. Гендерно-маркированные паремии, кодирующие женский интеллект // В мире научных открытий. 2014. № 5 (53). С. 107 – 113.
9. Николаева А.В. Сравнительный анализ структурно-семантических особенностей гендерных фразеологических единиц в английском и русском языках // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 203 – 210.

References

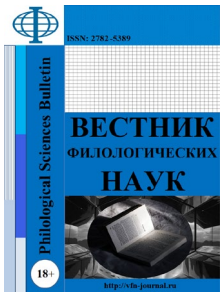
1. Arsentyeva E.F. Comparative analysis of phraseological units expressing a person's character in English and Russian. Moscow, 1984. 16 p.
2. Vasyuk V.V. The concept of "woman" in the statics and dynamics of English phraseology. Moscow, 2002. 21 p.
3. Vakhrameeva A.S. Gender-oriented statements in modern English (based on women's prose). St. Petersburg, 2009. 19 p.
4. Gasanova T.I., Gabibova K.A. On the issue of including proverbs and sayings in the phraseological composition of the language based on the material of the Azerbaijani and English languages. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2019. No. 2. P. 182 – 186.
5. Dolgova T.V., Safronova A.I. Gender stereotypes in English phraseological units. In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies. 2016. No. 12 (67). P. 79 – 83.
6. Kunin A.V. Course of phraseology of the modern English language. Dubna: Phoenix+, 2005. 380 p.
7. Zykova I.V. Conceptual sphere of culture and phraseology: theory and methods of linguocultural study. Moscow: URSS: LENAND, 2015. 376 p.

8. Kormiltseva A.L., Tarasova F.Kh. Gender-marked paremias encoding female intelligence. In the world of scientific discoveries. 2014. No. 5 (53). P. 107 – 113.
9. Nikolaeva A.V. Comparative analysis of structural and semantic features of gender phraseological units in English and Russian. Humanities and social sciences. 2020. No. 6. P. 203 – 210.

Информация об авторах

Бабаева Г.Г., *доктор филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Бакинский славянский университет (БСУ), gunasha79@mail.ru*

© Бабаева Г.Г., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'276.12

[1] Володина О.В.

[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Способы вербализации экспрессии в публицистических текстах современных англоязычных и немецкоязычных изданий

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы вербализации категории экспрессивности в текстах СМИ. Рассмотрены разноуровневые средства интродукции данной категории в английском и немецком медиадискурсе, проведен сопоставительный анализ выявленных языковых средств. Актуальность статьи обусловлена необходимостью анализа эффективных средств выражения субъективного авторского отношения к предмету статьи с целью воздействия на читательскую аудиторию в современном публицистическом тексте. Исследование предполагает использование дискриптивного метода, сравнительного метода, методов квантитативного анализа.*

Ключевые слова*: категория экспрессивности, оценочность, лингвистические средства манифистации экспрессии*

Для цитирования: Володина О.В. Способы вербализации экспрессии в публицистических текстах современных англоязычных и немецкоязычных изданий // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 33 – 38.

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 07 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] Volodina O.V.

[1] Rostov State University of Economics (RINE)

Means of verbalization of expressivity in the texts of modern English and German publications

Abstract*: the article discusses the issues of verbalization of the category of expressivity in media texts. The multi-level means of introduction of this category in English and German media discourse are considered, a comparative analysis of the identified language means is carried out. The relevance of the article is due to the need to analyze effective means of expressing the author's subjective attitude to the subject of the article in order to influence readers. The research involves the use of a descriptive method, a comparative method, and methods of quantitative analysis.*

Keywords: *category of expressivity, expressivity, linguistic means of manifesting expressivity*

For citation: Volodina O.V. Means of verbalization of expressivity in the texts of modern English and German publications. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 33 – 38.

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: October 07, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Современные СМИ занимают важное место в жизни общества, формируя общественное мнение, предлагая оценку политической и экономической ситуации в стране и мире в целом, динамично и своевременно отражая не только происходящие события, но и те настроения и чувства, которые доминируют в обществе в определенный момент жизни социума.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей репрезентации эмоциональной сферы людей, принадлежащих к разным этносам, что позволит адекватно представить их при переводе на другие языки.

Целью настоящего исследования явилось выявление и анализ специфики лингвистических средств выражения экспрессии в английском и немецком языках.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила выборка из текстов СМИ англоязычных и немецкоязычных изданий, предметом исследования выступили средства репрезентации экспрессии в текстах СМИ на английском и немецком языках, размещенные на сайтах изданий http://www.nytimes.com, http://www.economist.com, http://www.theguardian.com, http://www.newsweek.com, http://www.independent.co.uk, https://www.welt.de, https://www.stern.de, https://www.spiegel.de, https://www.faz.net, https://www.nzz.de. Общее число проанализированных примеров – 438 отрывков. Анализу подверглись тексты за период с 2022 г. по 2024 г.

Теоретическую базу исследования составляют работы О.В. Александровой, В.К. Вилюнас, В.Н. Гридина, Т.Г. Добросклонской, Л.Ю. Карицкой, А.А. Кибрик, М. Монтгомери, Н.А. Синтоцкой, С.И. Сметаниной, Г.Я.Солганика, С.Л. Фесенко, А.К. Фефиловой, Г.Т. Хухуни, Д.Н. Шмелева.

Для проведения исследования применяются методы эмпирического исследования, методы теоретического познания, метод сплошной выборки языковых единиц при формировании базы исследования, методы квантитативного анализа.

Результаты и обсуждения

Исследователи отмечают, что выбор конкретных языковых средств «влияет на структуру мышления и, следовательно, на процесс восприятия и воспроизведения действительности» [4, с. 488]. Средства массовой информации оказывают мощное воздействие на все сферы нашей жизни, никогда не оставаясь индифферентными по отношению к тому, что освещают. Тексты печатных СМИ, а также интернет-версий популярных изданий выходят на первый план благодаря огромной аудитории, многообразным средствам предоставления информации и воздействия на публику. СМИ не только предоставляют аудитории подачу фактов, но и комментируют их, оценивают, интерпретируют [2]. Именно в СМИ наиболее отчетливо «проявляется воздействующая функция языка, обеспечивающая коммуникацию без коммуникативных неудач» [4, с. 486].

К основным характеристикам текстов СМИ относят следующие:

- медийность,
- массовость,
- интегративность,
- доступность [7].

Важной особенностью текстов СМИ является лингвокультурная составляющая, а также национально-историческая компонента, экспрессивная и оценочная маркированность, что важно для выполнения таких функций как информационная и воздействующая, функция формирование необходимых установок у аудитории.

СМИ выступают своеобразным посредником между обществом и политиками, экономистами, учеными, организациями и т.д. В целом тексты различных СМИ включают лингвистические компоненты информативного, аргументативного, сравнительно-оценивающего высказывания [6]. Авторы текстов СМИ влияют на формирование общественного мнения, так как именно от них население получает информацию о ситуации в обществе, стране, мире, прогнозах, новых тенденциях и т.д. Таким образом, средства массовой коммуникации становятся практически единственным средством общения экономистов, бизнесменов, министров, аналитиков и масс [9]. Эти экстралингвистические факторы обусловливают особенности языка СМИ.

Тексты СМИ несут субъективный отпечаток, используя средства прямого или косвенного воздействия на аудиторию. Общей чертой для всех СМИ является обращение к массовой аудитории, доступность многим людям и распространение информации [11].

Для СМИ характерно обилие стилистически окрашенной лексики, под которой понимаются лексические единицы, способные вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста высказывания [3]. В статьях широко используются различные клише: устойчивые сочетания, которые утратили свою образность, обороты, указывающие на источник сообщения, политические клише и штампы [1].

Страна выпуска газет и журналов и ее языковые особенности во многом определяет стилистическую окраску текстов СМИ [5]. Тем самым, их немаловажной характерной чертой является национально-культурная специфика. Тексты СМИ возникает не в абстрактной сфере, а в конкретных жизненных условиях, в условиях определенной социальной, политической и экономической ситуации, в рамках конкретной национальной культуры.

Вопросами изучения категории экспрессивности занимались такие исследователи как И.Р. Гальперин, Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Б. Зотова, В.А. Маслова, И.В. Арнольд, Э.С. Азнаурова, А. Вежбицкая, В.Г. Гак и другие. Экспрессивность как лингвистическая категория рассматривается как одна из функций языка как такового (Р.О. Якобсон, А.А. Реформатский), в контексте стилистики (И.В. Арнольд, Э.С. Азнаурова, Ю.М. Скребнев), как сложный семантический феномен (Н.А. Лукьянова, А. Вежбицкая, В.Г. Гак), как категорию прагматики (А.А. Мецлер, Л.А. Киселева, И.П. Ромашова). Анализ данных подходов к определению понятия категории экспрессивности позволяет сделать вывод, что они дополняют друг друга, базируясь на экспрессивной семантике языковых единиц., что категория экспрессивности должна рассматриваться как сложное явление, в состав которого входят различные составляющие.

Одним из центральных понятий в рамках исследования экспрессивности является понятие нормы, что позволяет рассматривать данную категорию как выражение «субъективного отношения к предмету речи, нарушающее стандартные представления о нем либо за счет возможностей системы языка, либо за счет нарушения языковых норм, достигающееся особым выбором средств различных уровней, который способствует наиболее полному воплощению замысла автора и – одновременно – наиболее точному его пониманию реципиентом речи» [10, с. 81]. В лингвистике категория экспрессивности представляется как широкое понятие, которое охватывает такие категории как эмотивность, эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность. Экспрессивность представляет собой лингвистическая универсалию, которая присуща всем языкам, однако для нее характерно национальное своеобразие, т.к. в разных языках эта категория имеет свои способы и средства выражения на разных уровнях языка [12].

Изучению средств вербализации экспрессии посвящены научные исследования Н.С. Болотновой, А.А. Трубчениновой, В.И. Шаховского, Т.В. Шкварцовой и других. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка, поэтому большинство исследователей полагают целесообразным рассматривать их в зависимости от отнесенности к тому или иному языковому уровню. Б. Тошович разделяет все средства манифестации экспрессии на фонетические, морфологические, лексические, синтаксические, грамматические, графические, стилистические [13].

Анализ фактического материала как на английском, так и на немецком языках позволил выделить среди фонетических средств выражения экспрессии в текстах СМИ такие как ассонанс, аллитерация, анафора, эпифора, контрактура, ономатопея. В 67% выявленных примеров использования фонетических средств, использованных авторами для усиления эмфазы, интонационные контуры представлены графически с помощью шрифтовых выделений и пунктуации – отдельно и в комбинации: курсив, жирный шрифт, написание заглавных букв и умножение букв. В текстах СМИ на немецком языке наибольшую частотность в группе фонетических средств выражения экспрессии обнаружили звукоподражание (19% от общего числа проанализированных примеров) и фонетическая анафора (11% от общего числа проанализированных примеров) представленные в тексах заглавными буквами, в то время как в английском языке в проанализированных примерах преобладали эпифора (13% от общего числа проанализированных примеров) и ономатопея (10% от общего числа проанализированных примеров), выраженные курсивом и заглавными буквами.

К группе морфологических средств вербализации экспрессивности мы отнесли случаи использования авторами текстов ласкательных и уничижительных аффиксов и префиксов. В англоязычной прессе были выделены такие префиксы как super-, hyper-, over-, которые были отмечены и в текстах СМИ на немецком языке. Суффиксы -ish, -ster, -y, -ie, -o, -eroo, -ino и ряд других чаще используются для выражения отрицательной авторской оценки.

Следует отметить тот факт, что фонетические и морфологические средства выразительности в текстах анализируемых СМИ характеризуются относительно низкой частотностью их применения.

Наиболее обширна в текстах СМИ представлена группа лексических средств вербализации экспрессии. Т.В. Шкварцова отмечает, что вербализация данной категории «предполагает, прежде всего, использование особых средств выражения: эмоционально-положительной и эмоционально-отрицательной лексики - глаголов эмоционального состояния и отношения, существительных и прилагательных-аффективов, наречий, сложных существительных, прецедентных имен, словосочетаний и целых высказываний» [14, с. 52]. К данной группе мы также отнесли многозначные слова, прямое значение которых стилистически нейтрально, но приобретают яркую оценочность и окраску в определенном контексте.

Анализ выделенных лексических средств выражения экспрессии позволяет обозначить разницу в частотности их использования в немецких и англоязычных СМИ. В текстах СМИ на немецком языке наибольшую частотность в группе лексических средств выражения экспрессии обнаружили существительные и сложные существительные (41% от общего числа проанализированных примеров), в частности единицы сниженной лексики, просторечные выражения, сленг, что позволяет придать тексам СМИ фамильярную тональность, которая задает характер эмоционально-экспрессивного содержания текста. В текстах СМИ на английском языке наибольшую частотность в группе лексических средств выражения экспрессии обнаружили прецедентные имена (28% от общего числа проанализированных примеров), глаголы эмоционального состояния и отношения (31% от общего числа проанализированных примеров), прилагательные-аффективы (44% от общего числа проанализированных примеров).

И в немецком, и в английском языках для текстов СМИ при вербализации экспрессии отмечены примеры использования неологизмов и окказионализмов. Они характеризуются злободневностью, обозначают процессы, объекты и явления в общественной, политической, культурной, экономической жизни современного сообщества. Для оказания воздействия на читательскую аудиторию, привлечения внимания авторы текстов «порождают новые единицы, обладающие высокой репликативностью в медийной среде, за счёт чего словообразовательные практики приобретают выраженный соревновательный характер» [8, с. 57]. Неологизмы воспринимаются читательской аудиторией как экспрессивные средства языка, что позволяет достичь определенной выразительности текста; новые слова позволяют избежать возможных повторений и заштампованности речи. Использование единиц сниженной лексики, просторечных выражений, сленга позволяет придать тексам СМИ фамильярную тональность, которая задает характер эмоционально-экспрессивного содержания текста. Будучи приметой манеры речевого поведения, фамильярность проявляется в намеренном отклонении от норм статусно-ориентированного общения.

Особое место среди лексических средств выражения экспрессии в текстах СМИ занимают усилительные и ограничительные частицы (12% в английском языке и 7% в немецком языке соответственно), местоимения (4% в английском языке и 3% в немецком языке), количественные наречия (8% в английском языке и 7% в немецком языке), суперлятивы (6% в английском языке и 3% в немецком языке).

Экспрессия и оценочная эмоциональность в текстах СМИ зачастую достигаются благодаря использованию различных стилистических приемов. Прежде всего это эпитеты, гиперболы, литоты, метафоры (включая, развернутые и лексикализованные), образные сравнения, эвфемизмы, иносказания, интертекстовые включения, аллюзия, метонимия и т.п.

Самым высокочастотным тропом является метафора (21%). Другими часто встречающимися стилистическими приемами в текстах СМИ для репрезентации экспрессии являются: аллюзия и ирония (15% и 11%), метонимия (10%), эпитеты (22%), гипербола (12%), каламбуры (5%) и другие. Насыщенность многоплановыми стилистическими тропами представляет собой яркую характерную черту языка современных средств массовой информации.

В современных текстах СМИ преобладает информация субъективного характера, поэтому лексико-стилистические экспрессивные средства часто превалируют над информационным контентом.

Синтаксические средства выражения экспрессии в текстах СМИ динамичны и нацелены на то, чтобы передать конкретную коммуникативную ситуацию. В первую очередь это связано с тем, что синтаксис имеет сильную взаимосвязь с интонационным оформлением предложения. Экспрессивность синтаксиса опирается на экспрессивность единиц других уровней и является экспрессивной только в случае, если экспрессией обладают ее компоненты, относящиеся к разным уровням. Синтаксические средства выражения экспрессии в проанализированных примерах включают такие конструкции, которые образуются с намеренным нарушением основных синтаксических норм для придания выразительности (повторы, инверсии, параллельные синтаксические конструкции), риторические вопросы, восклицательные и вопросительные предложения.

Выводы

Результаты проведенного исследования показали, что в современных публицистических текстах как англоязычных, так и немецкоязычных СМИ экспрессивность наиболее ярко выражена на лексико - семантическом уровне. Экспрессивность публицистических текстов достигается с помощью: использования прецедентных имен собственных, глаголов эмоционального состояния и отношения, оценочных прилагательных, метафор, окказионализмов, аллюзий. Фонетические и морфологические средства выражения экспрессии в текстах СМИ характеризуются относительно низкой частотностью их применения, при этом синтаксические средства обнаруживают способность выражения экспрессии в комбинации с экспрессивностью единиц других уровней.

Список источников

1. Аксенова Ю.Ю., Прокопьева С.О. Способы выражения экспрессии в газетных заголовках // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 4. С. 113 – 118. URL: https://web.snauka.ru/issues/2020/04/92218 (дата обращения: 06.08.2024).

2. Бурдужа А.В., Леденёва В.В. Политический эвфемизм как средство экспрессии в языке СМИ // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8. № 1 (26). С. 35 – 40.

3. Винокурова И.Ж. Функции стилистически маркированной лексики в языке СМИ // МНКО. 2022. № 5 (60). С. 78 – 84. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-stilisticheski-markirovannoy-leksiki-v-yazyke-smi (дата обращения: 22.08.2024).

4. Волошина Т.Г., Зуева Е.А., Нерубенко Н.В., Фисунова Н.В. Грамматические средства выражения эмоционально-экспрессивного компонента в текстах англоязычных СМИ // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2021. № 40 (4). С. 486 – 496. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalno-ekspressivnogo-komponenta-v-tekstah-angloyazychnyh-smi (дата обращения: 15.08.2024).

5. Гибова А.А. Функции языковых приемов экспрессии в медиатекстах современных СМИ // Филологические этюды. 2024. № 27. С. 202 – 206.

6. Зубарева Н.П., Ефимова И.А. Экспрессивные языковые средства в журнальных статьях // Филологический аспект. 2019. № 5 (49). С. 34 – 41. URL: https://scipress.ru/philology/articles/ekspressivnye-yazykovye-sredstva-v-hurnalnykh-statyakh.html (дата обращения: 06.08.2024).

7. Казак М.Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-mediateksty-problemy-identifikatsii-delimitatsii-tipologii (дата обращения: 01.09.2024).

8. Кобенко Ю.В. Неизвестная очевидная трихотомия: роль логики в глоттогонии // Вестник ТГПУ. 2019. № 7 (204). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neizvestnaya-ochevidnaya-trihotomiya-rol-logiki-v-glottogonii (дата обращения: 21.08.2024).

9. Ловянникова В.В., Колиева И.Г., Демидович Е.С. Экспрессивность немецкого публицистического текста на синтаксическом уровне // СИСП. 2020. № 4. С. 138 – 144. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnost-nemetskogo-publitsisticheskogo-teksta-na-sintaksicheskom-urovne (дата обращения: 01.09.2024).

10. Лядащева Е.Д. Особенности англоязычных текстов СМИ экономического содержания // Lingua-Universum. 2023. № 3. С. 79 – 82.

11. Николаева Е.А. Семантически противоречивые высказывания в заголовках новостных медиатекстов: нарушение логической однородности // Научный аспект. 2023. Т. 10. № 4. С. 1161 – 1164.

12. Селезнева Н.Е., Барская О.В. Языковые средства выразительности в англоязычных военных публикациях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 15 – 22. URL: https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-15-22 (дата обращения: 11.09.2024).

13. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2021. 557 с.

14. Шкварцова Т.В. Вербализация положительных эмоций в современном публицистическом тексте // Отечественная филология. 2017. № 4. С. 67 – 72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-polozhitelnyh-emotsiy-v-sovremennom-publitsisticheskom-tekste (дата обращения: 23.09.2024).

References

1. Aksenova Yu.Yu., Prokopyeva S.O. Ways of Expressing Expression in Newspaper Headlines. Modern Scientific Research and Innovation. 2020. No. 4. P. 113 – 118. URL: https://web.snauka.ru/issues/2020/04/92218 (date of access: 06.08.2024).

2. Burduzha A.V., Ledeneva V.V. Political Euphemism as a Means of Expression in the Language of the Media. Volga Pedagogical Bulletin. 2020. Vol. 8. No. 1 (26). P. 35 – 40.

3. Vinokurova I.Zh. Functions of Stylistic Marked Vocabulary in the Language of the Media. MNKO. 2022. No. 5 (60). P. 78 – 84. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-stilisticheski-markirovannoy-leksiki-v-yazyke-smi (date of access: 22.08.2024).

4. Voloshina T.G., Zueva E.A., Nerubenko N.V., Fisunova N.V. Grammatical means of expressing the emotional-expressive component in the texts of English-language media. Issues of Journalism, Pedagogy and Linguistics. 2021. No. 40 (4). P. 486 – 496. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalno-ekspressivnogo-komponenta-v-tekstah-angloyazychnyh-smi (date of access: 15.08.2024).

5. Gibova A.A. Functions of linguistic expression techniques in media texts of modern media. Philological studies. 2024. No. 27. P. 202 – 206.

6. Zubareva N.P., Efimova I.A. Expressive language means in journal articles. Philological aspect. 2019. No. 5 (49). P. 34 – 41. URL: https://scipress.ru/philology/articles/ekspressivnye-yazykovye-sredstva-v-hurnalnykh-statyakh.html (date of access: 06.08.2024).

7. Kazak M.Yu. Modern media texts: problems of identification, delimitation, typology. Medialinguistics. 2014. No. 1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-mediateksty-problemy-identifikatsii-delimitatsii-tipologii (date of access: 01.09.2024).

8. Kobenko Yu.V. Unknown obvious trichotomy: the role of logic in glottogony. Bulletin of TSPU. 2019. No. 7 (204). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neizvestnaya-ochevidnaya-trihotomiya-rol-logiki-v-glottogonii (date of access: 21.08.2024).

9. Lovyannikova V.V., Kolieva I.G., Demidovich E.S. Expressiveness of German journalistic text at the syntactic level. SISP. 2020. No. 4. P. 138 – 144. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnost-nemetskogo-publitsisticheskogo-teksta-na-sintaksicheskom-urovne (date of access: 01.09.2024).

10. Lyadashcheva E.D. Features of English-language media texts of economic content. Lingua-Universum. 2023. No. 3. P. 79 – 82.

11. Nikolaeva E.A. Semantically contradictory statements in the headlines of news media texts: violation of logical homogeneity. Scientific aspect. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 1161 – 1164.

12. Selezneva N.E., Barskaya O.V. Language means of expressiveness in English-language military publications. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2022. Iss. 1 (219). P. 15 – 22. URL: https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-15-22 (date of access: 11.09.2024).

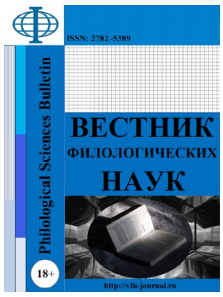
13. Tosovic B. Expressive syntax of the verb in Russian and Serbian/Croatian languages. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2021. 557 p.

14. Shkvartsova T.V. Verbalization of positive emotions in a modern journalistic text. Domestic Philology. 2017. No. 4. P. 67 – 72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-polozhitelnyh-emotsiy-v-sovremennom-publitsisticheskom-tekste (date of access: 23.09.2024).

Информация об авторах

Володина О.В., *кандидат филологических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), sirotinetsov@mail.ru*

© Володина О.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 81,25

[1] Леонова Е.Н., [1] Шевченко А.А. ***[1] Тихоокеанский государственный университет***

Способы перевода социумно-прецедентных феноменов в анимационном сериале

Аннотация: *данная статья посвящена рассмотрению понятия социумно-прецедентных феноменов, а также подбору и анализу адекватных способов перевода социумно-прецедентных феноменов в анимационном телесериале. Проблема перевода прецедентных феноменов в современных англоязычных сериалах является актуальной в наше время. Исследование обусловлено растущей популярностью сериалов, как вида предпочтительного досуга и продукта массового производства, и возникшей потребностью в их адекватном переводе.*

Сложности перевода прецедентных феноменов, обусловлены содержанием особенностей их соотнесенности с определенной культурой или социумом, аллюзий и социокультурных оттенков. Изучение способов перевода прецедентных феноменов имеет важное значение для эффективности решений переводчика, так как от них зависит не только качество перевода смыслового содержания, но и эмоциональной окраски высказывания.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, социумно-прецедентный феномен, классификация, способы перевода*

Для цитирования: Леонова Е.Н., Шевченко А.А. Способы перевода социумно-прецедентных феноменов в анимационном сериале // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 39 – 44.

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] Leonova E.N., [1] Shevchenko A.A. ***[1] Pacific National University***

Methods of translation of socially precedent phenomena in animated series

Abstract: *this article is devoted to the study of the concept of socially precedent phenomena, as well as the selection and analysis of adequate ways of translation of socially precedent phenomena. The issue of translation of precedent phenomena in modern English language series is acute nowadays. The research is prompt by the growing popularity of modern TV shows as a form of preferred leisure activity and the need for their adequate translation.*

The difficulties of translating of precedent phenomena are caused by their cultural and social background. The study of methods of translating precedent phenomena is important for the efficiency of translator's decisions, as they determine not only the quality of translation of semantic content, but also the emotional coloring of the utterance.

Keywords: *socially precedent phenomena, precedent phenomena, classification, translation methods*

For citation: Leonova E.N., Shevchenko A.A. Methods of translation of socially precedent phenomena in animated series. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 39 – 44.

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: October 09, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Социумно-прецедентные феномены – это глубоко укоренившиеся элементы культуры, которые формируются в процессе взаимодействия людей и групп в определенных контекстах. Исследование данных феноменов имеет особое значение, поскольку их перевод представляет собой сложную задачу, требующую глубокого понимания исходной и целевой культур. Неправильное толкование или недостаточное внимание к контексту может привести к искажению смысла и потере ценности информации. Это, в свою очередь, снижает эффективность восприятия информации реципиентом и искажает культурную идентичность и уникальность текста.

Принято считать, что с выступления Ю.Н. Караулова началось более глубокое изучение теории прецедентности, а его исследования значительно повлияли на дальнейшее изучение данного феномена. Ю.Н. Караулов дает определение, согласно которому, данный феномен является «текстом, значимым для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющим сверхличностный характер, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». Это означает, что прецедентные феномены могут быть неотъемлемой частью для структуры языковой личности не только в когнитивном аспекте, но и в эмоциональном. Более того, они выходят за рамки простого индивидуального опыта и приобретают значение, применимое и для других людей. Частое обращение к такому тексту в речи или обсуждениях означает, что он играет важную роль в формировании некого ментального пространства языковой личности, так как может повлиять на ее взгляды, убеждения и оценки жизненных событий. Однако, языковая единица может носить прецедентный характер в зависимости от информационной среды, то есть окружения, в котором находится реципиент, а также от знаний, которыми он обладает [4, с. 216].

Материалы и методы исследований

Для проведения анализа способов перевода социумно-прецедентных феноменов в анимационном сериале было использовано несколько этапов и методов. Основой исследования послужили теоретические работы Ю.Н. Караулова, Р.З. Назаровой, М.В. Золотарева, Д.В. Гудкова, а также классификации переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова. В рамках исследования был применен метод качественного контент-анализа, направленный на выявление и анализ прецедентных феноменов и методов их перевода.

Для оценки и систематизации прецедентных феноменов использовалась классификация Ю.Е. Прохорова, выделяющая уровни языковой личности, включая социумно-прецедентный уровень. Анализ переводов проводился на материале сериала «Rick and Morty», где переводческие трансформации сравнивались с оригинальными выражениями для выявления их соответствия и эффективности передачи смысла.

Были изучены примеры использования лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций, предложенных В.Н. Комиссаровым, а также их сочетание с дополнительными приемами, такими как калькирование, модуляция, транслитерация и описательный перевод. Примеры из эпизодов сериала анализировались с точки зрения контекста и восприятия целевой аудиторией, что позволило оценить, насколько выбранные стратегии перевода сохраняют культурные и эмоциональные аспекты оригинала.

Результаты и обсуждения

По определению, данному в работе Р.З. Назаровой и М.В. Золотарева, прецедентные феномены представляют собой целостные единицы коммуникации, которые отсылают к прошлым явлениям реальности и имеют важное значение для отдельных языковых личностей или даже для лингвокультурного сообщества в целом [7, с. 22].

Н.В. Смыкунова определяет прецедентные феномены, как единицы дискурса, которые постоянно присутствуют в речи и являются общеизвестными для всех членов национально-лингвокультурной группы. Они имеют общий минимально значимый коннотативный инвариант восприятия, который можно понять без дополнительной расшифровки [9, с. 52].

Рассматривая употребление прецедентного феномена, обратимся к работам Д.В. Гудкова, в которых он выделяет два основных способа, подчеркивая денотативное (интенсиональное, т.е. несущее свой первичный, изначальный смысл, выполняя функции имени собственного) и коннотативное (экстенсиональное; несет не прямое значение, а скорее метафорическое) употребление [1-3].

Исходя из соотнесенности прецедентного феномена с исходным текстом, можно выделить его видовые разновидности (т.е. гипонимы), такие как:

1) прецедентный текст;
2) прецедентное имя;
3) прецедентная ситуация;
4) прецедентное высказывание.

Исследуя прецедентные феномены, Ю.Е. Прохоров в своей классификации делит их (согласно уровням языковой личности) на четыре уровня (автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный, универсально-прецедентный), в число которых входит ключевое понятие нашего исследования – социумно-прецедентный феномен.

На социумно-прецедентном уровне языковая личность определяется как представитель конкретной социальной общности (конфессиональной, профессиональной и др.). Благодаря знаниям, которыми обладает языковая личность, социумно-прецедентные феномены являются понятными и знакомыми представителям определенного социума, независимо от национальной культуры. Например, к таким феноменам относятся профессиональные термины (врачебные и др.), возрастные понятия (т.е. феномены, знакомые определенной возрастной группе. К примеру, молодежные феномены, не знакомые старшим поколениям) и т.д. [8].

Однако немаловажно отметить, что не существует универсальной классификации переводческих трансформаций, которую было бы возможно применить к любому социумно-прецедентному феномену, поскольку на выбор того или иного способа перевода влияет контекст, в котором был использован феномен, реципиент, а также вид, в котором представлен феномен (будь то слово, словосочетание, предложение в целом и др.).

В данной статье предлагается проанализировать переводческие трансформации, примененные автором при переводе социумно-прецедентных феноменов в анимационном сериале “Rick and Morty”.

Анализ и определение релевантных способов перевода социумно-прецедентных феноменов осуществляется на основе наиболее полной и авторитетной классификации, данной В.Н. Комиссаровым, в которой он разделил переводческие трансформации на три основные группы (лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации), а также выделил технические приёмы перевода [6].

Summer: You're Zuckerberging me!?

Саммер: Ты меня что, цукербергишь?!

В данном примере рассматривается прецедентная ситуация, выраженная лексическим окказионализмом «Zuckerberging», который был образован с помощью вербализации (отглаголивания), то есть от имени собственного Zuckerberg (Цукерберг), был создан глагол. Этот окказионализм отсылает к прецедентному имени Марк Цукерберг, который является основателем и генеральным директором Facebook (социальной сети, которой владеет компания Meta), а также к ситуации, когда Марк Цукерберг исключил из управления компании Эдуардо Саверина (одного из соучредителей, который внес большой вклад в развитие упомянутой соц. сети, однако все лавры и успех компании присуждаются Цукербергу), а также лишил его значительной части своей доли в компании. Согласно определениям, данным рассматриваемому феномену в онлайн словаре Urban Dictionary, «Zuckerberging» означает ситуацию, в которой произошел акт присвоения и использования чужой интеллектуальной собственности; создание компании группой лиц и устранение одним из соучредителей своих партнеров на пике успеха компании для достижения полной власти [5, 10].

Имя Марк Цукерберг относится к универсально-прецедентным феноменам, а ситуация, о которой идет речь, является социумно-прецедентным феноменом, так как известна людям, близким к сфере компьютерных и информационных технологий.

При его интерпретации переводчик воспользовался приемом транслитерации. Однако, использование такого способа является не совсем удачным, поскольку он может быть не известен носителям языка перевода, а значит не вызовет у них определенной реакции, ожидаемой авторами. Наиболее подходящим является использование описательного способа перевода, благодаря которому, становится возможным передать смысл выражения, не существующего в языке перевода. Например, «Ты как Цукерберг, хочешь отжать мою часть компании?».

Рассмотрим еще пример:

Rick: The moment you decide to come back, I flip a switch, and the clone's job is done. It feels no pain, it regrets nothing, and has zero chance of going "Blade Runner."

Рик: Как только решишь вернуться, я дерну рычаг и клона как не бывало. Он не почувствует боль, ни о чем не пожалеет и точно не станет как в «Бегущем по лезвию».

Выделенная часть является прецедентной ситуацией, отсылающей к событиям фильма "Blade Runner" («Бегущий по лезвию»).

Данная ситуация относится к социумно-прецедентным, потому что она известна большинству людей, предпочитающих фильмы, снятые в таких жанрах, как научная фантастика, нео-нуарный триллер-антиутопия и киберпанк.

При переводе анализируемого выражения была использована такая трансформация, как модуляция, с помощью которой слова и фразы в исходном языке, были заменены на единицы в целевом языке, с сохранением логических связей между ними. Предположительно, переводчик применил данный способ, поскольку он позволяет подобрать наиболее удачные эквиваленты в языке перевода и избежать чрезвычайно длинного высказывания. Например, используя синтаксическое уподобление, выражение станет длиннее, что не желательно в переводе кино-текста: «не имеет ни малейшего шанса стать как в «Бегущим по лезвию». Название фильма было переведено с помощью калькирования. Однако данный перевод не совсем удачен, поскольку в таком случае реципиент может не понять отсылку к фильму, о котором говорит один из героев, что, в свою очередь, приведет к потере эмоционального эффекта, предусмотренного авторами, на зрителя. Таким образом, предлагается следующий перевод: «Он не почувствует боль, ни о чем не пожалеет и точно не попытается сбежать и стать человеком, как в «Бегущем по лезвию»». Данный перевод выполнен не только с использованием упомянутых выше трансформаций, но также с применением описательности, благодаря чему реципиент без особых усилий поймет смысл высказывания.

Rick: He basically threw a tantrum to announce he was quitting Twitter.

Morty: Nobody quits Twitter.

Рик: Закатил такую тираду, как будто уходит из Твиттера.

Морти: Из Твиттера не уходят.

В данном случае прецедентным феноменом является ситуация, связанная с уходом пользователей из Твиттера (в настоящее время называется «X», заблокирован на территории РФ). Причина заключается в том, что Илон Маск, став главным акционером компании и получив бразды правления, ввел свои порядки, изменил политику компании и сама социальная сеть также потерпела изменения. Многие пользователи и сотрудники недовольны подобными преобразованиями, а потому громко заявляют о своем уходе из соц. сети. Однако, некоторые все равно возвращаются, так как найти соц. сеть, которая смогла бы полностью заменить Твиттер, достаточно сложно.

Анализируемую ситуацию можно отнести к социумно-прецедентным, поскольку она охватывает людей, интересующихся политикой в области информационных технологий и являющихся пользователями данной социальной сети.

Переводчик, интерпретируя первую реплику, а именно, часть, в которую включен рассматриваемый феномен, воспользовался способами калькирования, модуляции, а также транслитерации, при переводе названия социальной сети, которое, по большому счету, является устоявшимся в языке перевода. При работе со второй репликой, использованы те же трансформации, однако было опущено местоимение, что делает предложение безличным, и применен такой способ, как перемещение. В оригинальном предложении использована аллитерация, что придает предложению некую эмоциональную окраску, которая была полностью утеряна в официальном переводе. Также можно предложить иной перевод, например, «Рик: Произнес пламенную речь о своем уходе из Твиттера.»; «Морти: Да никуда он не уйдет! Твиттер - это по любви».

Jerry: So we're swapping bodies?

Rick: No, that would be "Freaky Friday ", which is the ceiling of your grasp of consciousness.

Джерри: Мы что, поменяемся телами?

Рик: Нет, тогда получится «Чумовая пятница», а это потолок твоей способности к осознанию.

Между Риком и Джерри возник спор, в результате которого Рик решил провести эксперимент и поменяться телами с Джерри. Пока он подготавливал оборудование, объяснял своему зятю, что все не так просто и обмен телами не означает, что перемещается только сознание, перемещается еще и мозг. Однако, все пошло не по плану.

Случай из упомянутого фильма («Чумовая пятница»), в котором мать и дочь поменялись телами представлен в роли прецедентной ситуации. Сюжет фильма строится на том, что мать и дочь поменявшись телами, вынуждены прожить некоторое время в телах друг друга. Это приводит к тому, что недопонимания между ними разрешаются, поскольку в процессе они узнают друг друга получше. Подобная идея прослеживается и в данном эпизоде несмотря на то, что это отрицается одним из персонажей.

Обозначенная ситуация является социумно-прецедентной, так как представленный фильм известен определенному поколению людей, которые на момент выпуска фильма и пика его популярности были подростками, а значит, данный феномен не будет понятен современному реципиенту.

При переводе используется прием синтаксического уподобления, то есть синтаксическая структура оригинала преобразована в аналогичную в целевом языке. Стоит отметить, что перевод названия фильма является устоявшимся.

Тем не менее, учитывая, что анализируемая ситуация относится к социумно-прецедентным, выбранный переводчиком способ интерпретации не совсем удачен. Подходящей трансформацией послужит описательный перевод, использование которого позволит реципиенту без обращения к другим источникам понять суть высказывания. Например, «Нет, тогда получится такая же неразбериха, как в том самом фильме про обмен телами…».

Выводы

В результате проведенного анализа переводческих трансформаций, примененных для передачи социумно-прецедентных феноменов в анимационном сериале «Rick and Morty», были выявлены основные приемы и подходы, используемые переводчиками для сохранения смысловой и культурной целостности оригинала. Исследование показало, что точность и уместность передачи прецедентных феноменов зависят от выбора адекватных трансформаций, которые учитывают специфику исходной и целевой культур, а также уровень осведомленности аудитории. Подводя итоги данному исследованию, следует отметить, что не всегда в плане социумно-прецедентных феноменов возможен эквивалентный перевод. Иногда следует от него отказаться, чтобы сделать происходящее на экране понятным для широкой публики.

Таким образом, успешный перевод социумно-прецедентных феноменов требует комплексного подхода, сочетающего глубокое понимание культурных особенностей, знание лексических и грамматических трансформаций и учет эмоционального фона, заложенного в оригинале. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать разработке более универсальных подходов и методик перевода, которые помогут переводчикам эффективно работать с подобными феноменами в различных медийных и литературных контекстах.

Список источников

1. Ведерников Р.Д., Харитонова Е.В. Особенности передачи имплицитного смысла прецедентных имен в переводе. Рецензент. 2024. С. 24.

2. Ветрова Д.Е., Шагеева А.А., Храмушина Ж.А. Передача прецедентных феноменов при переводе (на материале англоязычных и русскоязычных печатных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-1 (81). С. 73 – 76.

3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

5. Киселева Д.С., Воскресенская Е.Г. Прецедентные феномены в англоязычном креолизованном тексте и способы их передачи на русский язык // Дайджест-2015. 2015. С. 59 – 67.

6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник // М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

7. Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2. С. 17 – 23.

8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

9. Смыкунова Н.В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному: дис. … канд. пед. наук.: 5.9.6. М., 2003. 52 с.

10. Urban Dictionary: электронный словарь. URL: https://www.urbandictionary.com/ (дата обращения: 30.05.24).

References

1. Vedernikov R.D., Kharitonova E.V. Features of the transmission of the implicit meaning of precedent names in translation. Reviewer. 2024. 24 p.

2. Vetrova D.E., Shageeva A.A., Khramushina Zh.A. Transfer of precedent phenomena in translation (based on English-language and Russian-language print media). Philological sciences. Theory and practice. 2018. No. 3-1 (81). P. 73 – 76.

3. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication. Moscow: ITDGK "Gnosis", 2003. 288 p.

4. Karaulov Yu.N. Russian language and language personality. Moscow: LKI Publishing House, 2010. 264 p.

5. Kiseleva D.S., Voskresenskaya E.G. Precedent phenomena in English-language creolized text and ways of their transfer into Russian. Digest-2015. 2015. P. 59 – 67.

6. Komissarov V.N. Translation Theory (linguistic aspects): Textbook. M.: Higher School, 1990. 253 p.

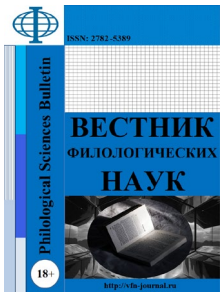
7. Nazarova R.Z., Zolotarev M.V. Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena. Bulletin of Saratov University. New series. Series Philology. Journalism. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 17 – 23.
8. Prokhorov Yu.E. Reality. Text. Discourse. M.: Flinta: Nauka, 2009. 224 p.
9. Smykunova N.V. Precedent phenomena in speech communication of the Russian linguistic personality and the process of teaching Russian as a foreign language: diss. ... candidate of ped. sciences: 5.9.6. M., 2003. 52 p.
10. Urban Dictionary: electronic dictionary. URL: https://www.urbandictionary.com/ (date of access: 30.05.24).

Информация об авторах

Леонова Е.Н., *кандидат педагогических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск*

Шевченко А.А., *Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск*

© Леонова Е.Н., Шевченко А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'42

[1] ***Нармания Т.С.***

[1] ***Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)***

Особенности трансляции англоязычных интернет-мемов в русскоязычную языковую и культурную среду

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы трансляции и выявления степени возможной интеграции англоязыных креолизированных мемов в русскоязычную языковую среду. Материалом исследования послужили интернет-мемы (англоязычные и русскоязычные), отобранные методом сплошной выборки, встречающиеся в интернет – пространстве. Методология исследования представлена обзором научных работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов, заниающихся разработкой упомянутых выше вопросов. В процессе работы был проведен лингвокультурологический анализ имеющихся поликодовых элементов, проведен стилистичсекий анализ встречающихся в них языковых средств. Выявлены способы трансляции языкового материала и степень возможной интеграции в русскоязычную культурную и языковую среду. Из исследования выявлено, что англоязычные креолизированные мемы могут бытьуспешно транслируемы в русскоязычную среду, однако не все элементы мемов могут быть полностью интегрированы из-за различий в культуре и языке. Особое внимание было уделено переводу шуток, игр слов и аллюзий, так как именно эти элементы часто составляют основу мемов. Таким образом, исследование позволяет понять процессы адаптации и трансляции культурных элементов в различные языковые среды, а также выявить специфику восприятия и адаптации англоязычных мемов в русскоязычной интернет-культуре.*

Ключевые слова: *интернет-дискурс, креолизированный мем, кросс-коммуникация, языковая игра, культурная интеграция, языковая интерграция*

Для цитирования: Нармания Т.С. Особенности трансляции англоязычных интернет-мемов в русскоязычную языковую и культурную среду // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 45 – 51.

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] ***Narmaniya T.S.***

[1] ***Rostov State University of Economics (RSUE)***

Specific features of translation of English internet memes into Russian linguistic and cultural environment

Abstract: *this article is devoted to gender differences in English phraseology and explores how these differences reflect gender stereotypes and inequalities in society. The author emphasizes that some expressions and idioms in the English language were formed on the basis of historical and cultural normative roles, as well as based on social expectations and stereotypes associated with men and women. The article analyzes the meanings attributed to men and women in phraseological expressions, as well as the change in gender meanings in various contexts. Gender–specific expressions are presented at different language levels – syntactic, semantic and intercultural, which creates a rich information base for studying English phraseology from a gender perspective. The study of gender*

differences in the phraseology of the English language can be interesting and useful for understanding existing stereotypes and gender inequality in the language. The phraseology of the English language contains expressions and idioms associated with certain gender stereotypes. Some of these expressions reflect historical and cultural norms relating to certain gender roles.

***Key words**: Internet discourse, creolized meme, cross-communication, language game, cultural integration, language integration*

For citation: Narmaniya T.S. Specific features of translation of English - language internet memes into Russian - language linguistic and cultural environment. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 45 – 51.

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: October 09, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы заключается в том, что в настоящее время все большая часть повседневного и делового общения производится посредством интернет-коммуникации. Глобальная сеть Интернет выступает связующим звеном в процессе общения, в том числе международного, позволяя представителям различных народов и культур взаимодействовать друг с другом, невзирая на значительное расстояние, пролегающее между агентами коммуникации. Такой вид взаимодействия в отечественной лингвистике имеет несколько названий: виртуальный дискурс (О.В. Лутовинова), компьютерный дискурс (Кондрашев П.И.), сетевой дискурс (Ковальская Л.Г.), интернет-дискурс (Ахренова Н.А.) и др.

В рамках нашего исследования мы будем использовать понятие интернет-дискурс. В современной лингвистике нет одного общепринятого определения, применяемого к данному феномену, по отношению к которому мы имеем множество различных атрибуций. Так, например, в своих исследованиях А.А. Ушаков приводит следующее определение – «Интернет-дискурс как особый новый тип речи, в рамках которого формируются и развиваются «самобытные коммуникативные жанры» [8, с. 170]. При этом основной языковой чертой коммуникации в глобальной сети является синтез письменной и устной речи» [6, с. 78]. В свою очередь Е.С. Юртаева дает более узкое определение, что «Интернет-дискурс – это речевая ситуация (текст), погруженная в ситуацию общения в пределах пространства всемирной паутины» [9, с. 312].

Говоря о интернет-дискурсе, невозможно не принять во внимание особенности, отличающие этот вид коммуникации от других видов. Так, например, Ахренова Н.А. в своей научной статье «Интернет-дискурс как гипертекст» выделяет основные характеристики этого стиля:

1. гипертекстуальность;
2. интерактивность (в интернете всё связано, создано на основе законов обратной связи, когда информация получается, обрабатывается и пользователь мгновенно получает отклик на свой запрос или действие;
3. виртуальность («эфемерность», «не материальность» пространства, в котором существует интернет-дискурс, которое часто противопоставляется пространству реальному);
4. анонимность, особенно характерная для начальных годов становления интернет-коммуникации и интернет-дискурса [2, с. 4].

Отличительной особенностью данного типа коммуникации являются абсолютно новые, неиспользованные прежде условия взаимодействия людей, которые в большей степени проявляются на языковом уровне.

Существование виртуальной реальности возможно только при условии постоянного воздействия человека, направленного на его развитие и продвижение. Следовательно, «…бесспорным является и тот факт, что оно само по себе является плодом реального, живого, человеческого мышления, воплощённого в тексте, который совмещает в себе не только вербальное высказывание, но и различные лингвокреативные поликодовые элементы, способствующие высокой степени креолизации текстов».

В рамках нашего исследования, мы проводим анализ таких поликодовых элементов как интернет-мемы. Мемы представляют собой многослойные коммуникативные конструкции, которые включают в себя различные структурные элементы, такие как текст, изображение и контекст. Анализ структуры данных сообщений позволяет лучше понять, как они функционируют и каким образом они создаются и интерпретируются [1, с. 67].

В процессе развития нового вида коммуникации, данное понятие все чаще стало ассоциироваться с виртуальным общением в сети Интернет. «Интернет-мемы представляют собой феномен, который непрерывно пронизывает современное информационное пространство и культуру, оказывая заметное влияние на общественное сознание, коммуникацию и даже формирование индивидуальной и коллективной иден-

тичности» [5, с. 182]. В контексте динамичного развития технологий и медиа-среды, интернет-мемы становятся важным исследовательским объектом, который требует более глубокого понимания и анализа.

Актуальность исследования данной темы обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, интернет-мемы являются важным элементом современной цифровой культуры, они активно взаимодействуют с пользовательскими платформами социальных медиа, веб-сайтами, онлайн-играми и другими онлайн-ресурсами. Этот феномен выступает важной частью коммуникации в интернете и оказывает влияние на формирование сетевых сообществ и культурных практик [10, с. 143].

В современном мире мемы выступают важнейшим элементов кросс-коммуникации в мировой паутине.

В связи с тем, что английский язык является языком межкультурного общения, большое количество интернет-мемов имеют в качестве языка оригинала именно его, таким образом эти образцы интернет-творчества, элементы интернет-культуры - мемы, выступают в качестве универсального средства общения и отражают процессы глобализации культурного и информационного контента.

В процессе распространения эти лингвокреативные поликодовые элементы проникают из одной культуры в другую.

Один из уникальных аспектов мемов - это их способность к переходу из одной культурной среды в другую. Этот явление иногда называют "кросс-культурной мемификацией". Примером такого мема может служить "NPC Wojak", который был создан в англоязычной интернет-среде, но быстро стал популярным в русскоязычных сообществах. Этот мем олицетворяет стандартизированный образ, лишенный индивидуальности, и был успешно адаптирован для выражения схожих идей в разных культурных контекстах.

Целью нашего исследования - проанализировать способы и приемы трансляции языкового материала в интернет-мемах, в другую языковую среду в процессе интеграции.

Материалы и методы исследований

Материалом данного исследования выступили англоязычные и русскоязычные креолизированные мемы на различные темы, которые были опубликованы в социальных сетях («ВКонтакте», «ОК»), а также в каналах известных мессенджеров («WhatsApp», «Telegram») (дата обращения: 15.01.2024). 215 мемов были отобраны методом сплошной выборки.

В работе были использованы: 1. Метод лингвокультурологического анализа, заключающийся в лингвистическом анализе фактов и информации, происходящих из ментальной культуры людей (традиции, обычаи, верования, знания и т.д.). 2. Метод стилистического анализа, который заключается в изучении стилистических особеностей текста. 3. Статистические методы анализа данных.

Результаты и обсуждения

Аспект переводимости англоязычных-мемов, рассматривался целым рядом известных лингвистов, среди которых, интересно мнение таких ученых, как Е.Ю. Пишкова, которая предполагает, что «популярный языковой мем – легко транслировать из одной языковой или культурной среды в другую». В рамках данного исследования, нами был проведен анализ большого количества англоязычных мемов, что позволило нам сделать вывод о том, что перевод некоторых мемов не вызывает трудностей у интернет-пользователей, что позволяет беспрепятственно и с полным сохранением стилистических особенностей внедрить мем в другую культуру [5, с. 183].

Подтверждением того факта может служить история создания и внедрения некоторых мемов. 21 июля 2023 года стал днем, отмеченным двумя значительными кинопремьерами - фильмами "Барби" в режиссуре Греты Гервиг и "Оппенгеймер" Кристофера Нолана. Этот совпадающий день выхода вызвал интерес пользователей сети и стимулировал обсуждение, сравнение и объединение двух различных кинематографических произведений. Фильм "Барби" представляет собой фантастическую комедию с элементами сатиры. Главная героиня переживает трансформацию из идеальной куклы в реального человека, что позволяет зрителям рассмотреть критику стереотипов красоты и идеальной жизни, налагаемых обществом. Эстетика фильма характеризуется яркими цветами и розово-зефирным миром, что создает контраст с тематикой другого фильма.

"Оппенгеймер" представляет собой байопик, рассказывающий о жизни Роберта Оппенгеймера, ученого, игравшего ключевую роль в разработке атомной бомбы во времена Второй мировой войны. Этот фильм привносит мрачную и серьезную эстетику, характерную для режиссера Кристофера Нолана, и освещает исторические события, связанные с разработкой ядерного оружия.

Общая дата выхода фильмов, несмотря на их различную тематику и эстетику, побудила пользователей сети к сравнению и объединению двух киновселенных. В интернете появились мемы, изображающие ядерные взрывы в розовых тонах и персонажей из мира Барби в мрачных обстановках. Этот феномен стал известен как "Barbenheimer", и его разные вариации, такие как "Барбигеймер", "Барбингеймер" или "Барбенгей-

мер", активно обсуждались фанатами обоих фильмов (рис. 1).

Ключевыми элементами являются яркий контраст между двумя образами и подпись "me at the cinema watching barbie and oppenheimer in the same night".

Рис. 1. «Барби и Оппенгеймер».
Fig. 1. "Barbie and Oppenheimer".

Этот контраст создает комический эффект. Мем отражает социокультурный контекст современной кинематографии, где фильмы различных жанров и стилей могут выходить в один и тот же день, и зритель может переживать разные эмоции и настроения, переключаясь между ними.

Русская адаптация данного мема не вызвала переводческих трудностей, так как комический эффект в данном случае достигается не при помощи, например, языковой игры, а при помощи сопроводительного изображения. В русской версии языковой элемент был передан следующим образом: «(Я,) когда посмотрел Барби и Оппенгеймера за один вечер».

Из этого следует заключить, что если комический эффект достигается не языковыми средствами, а другими (картинкой, музыкой, гивкой), то его трансляция не вызывает сложностей (рис. 2).

Рис. 2. «Барби и Оппенгеймер».
Fig. 2. "Barbie and Oppenheimer".

Значительную трудность при переводе представляют мемы, комический эффект которых достигается за счет языковых средств, в том числе языковой игры.

В узком смысле языковая игра рассматривается как обыгрывание формы речи и свободное отношение к ней, как реализация поэтической функции языка, как приѐм, активизирующий осмысление и восприятие языковой формы путѐм разрушения понятийных и языковых шаблонов и порождения нового смысла [4, с. 175].

Аналогичным образом В.З. Санников называет языковой игрой всякое намеренно необычное использование языка и рассматривает ее как одну из форм лингвистического эксперимента. Языковая игра характеризуется преднамеренной установкой на отклонение от правил, определяющей ее эмоционально - интеллектуальное воздействие. Нестандартные употребления лингвистических средств представляют собой не ошибки, а специфические операции над знаниями с целью намеренного осложнения коммуникативного процесса [7, с. 102].

Разнообразные языковые средства служат для реализации языковой игры на графическом, фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексикосемантическом, лексико-стилистическом и фразеологическом уровнях языка.

В данном примере (рис. 3) панчлайн мема заключается в использовании лексической единицы «Kant», которая, благодаря сопроводительному изображению, позволяет реципиенту с легкостью дешифровать данную культурную отсылку на известного немецкого философа Иммануиила Канта (Immanuel Kant). Однако, в данном примере также присутствует языковая игра, при полном прочтении мы получаем «I WANT TO STOP PHILOSOPHIZING BUT I KANT», где «KANT» имеет схожий акустический образ с модальным глаголом «can» в отрицательной форме - «can't» [kɑːnt]. В переводе мы получаем – «Я хочу перестать философствовать, но не могу» или «Я хочу перестать философствовать, но я Кант». При трансляции оказывается невозможным сохранить стилистический прием, следовательно, комизм мема невозможно транслировать без потерь.

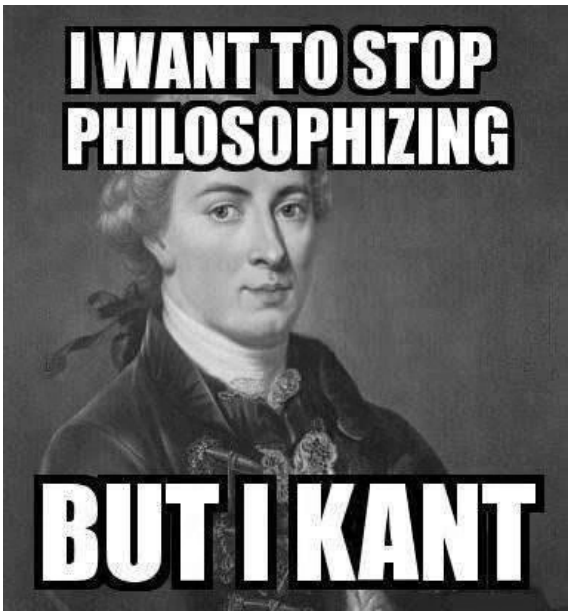


Рис. 3. «Я Кант».
Fig. 3. “I Kant.”

Одним из самых распространенных приемов, встречающихся в нашей подборке, является языковая игра на словообразовательном уровне. В приведенном выше примере (рис. 4) мы можем наблюдать прием контаминации, который заключается в слиянии слов или их частей. Результаты такого слияния называются окказионализмы, трансляция которых вызывает значительные трудности, и в большинстве случаев является невозможной.

В приведенных выше примерах, комическая составляющая заключена именно в языковой репрезентации, в то время как иллюстрация носит второстепенный характер. Основная цель иллюстративной составляющей – помощь в процессе визуализации, используемой языковой игры, и усиление комического эффекта.

Креолизированные мемы такого типа являются непереводимыми, их невозможно передать ни одним из способов, следовательно, их интеграция невозможна.

Проанализировав 215 интернет-мемов из нашей выборки, мы получили следующие результаты (рис. 5).

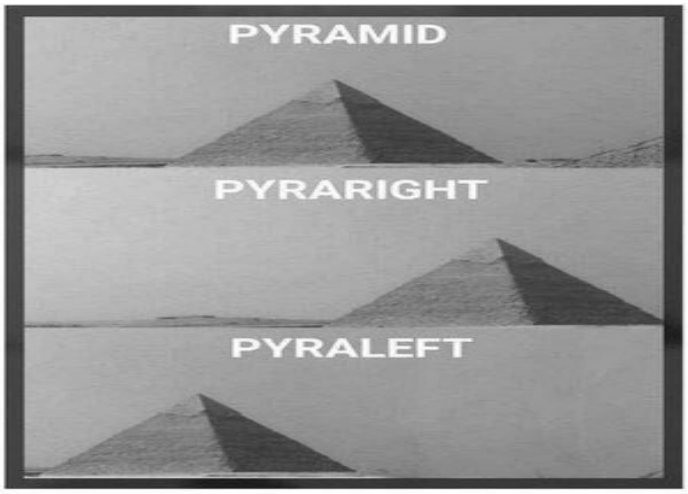


Рис. 4. «Pyramid».
Fig. 4. "Pyramid".

Из личной подборки англоязычных мемов около одной трети не вызвали затруднение при переводе, так как комический эффект достигался неязыковыми средствами, оставшиеся мемы вызвали большие затруднения, и оказались непереводимыми в большинстве случаев, т.к. передача языковой игры с одного языка на другой, зачастую невозможна.

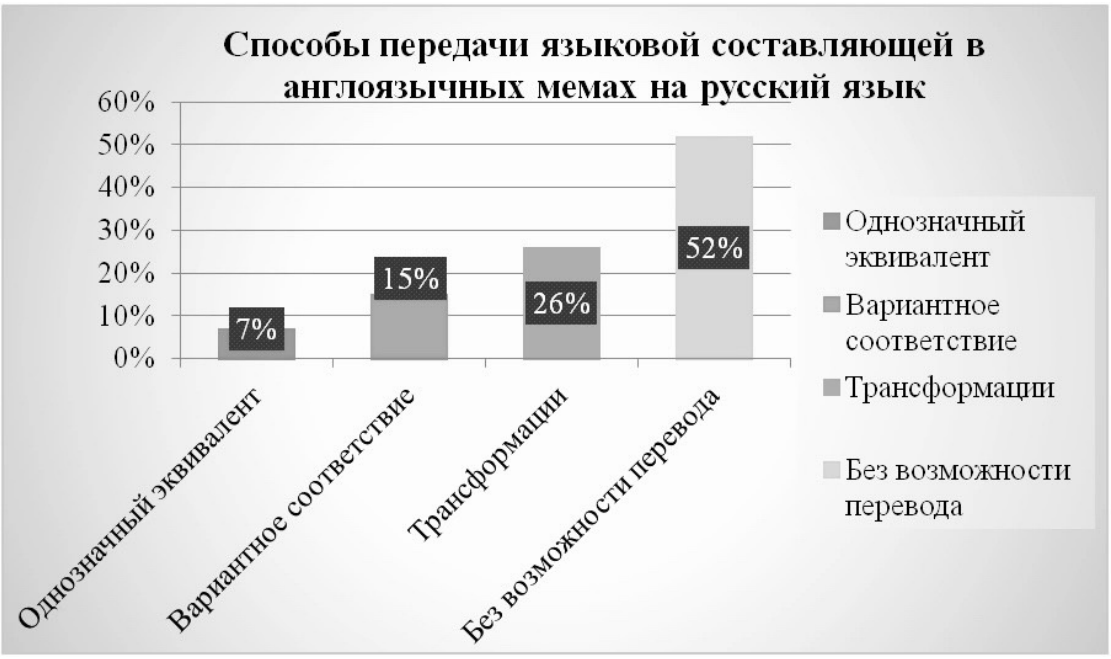


Рис. 5. Способы передачи языковой игры в мемах.
Fig. 5. Methods of conveying language play in memes.

Выводы

Опираясь на результаты, полученные в ходе нашего исследования, мы можем заключить, что процесс трансляции англоязычных мемов в русскоязычную лингвокультуру, возможен, если панчлайн мема заключается не в языковой составляющей.

В свою очередь, интеграция креолизированных мемов, включающих языковую игру, более затруднительна, т.к. качественная передача языковой игры требует высокого уровня мастерства переводчика, и, следовательно, большего времени для создания адекватного эквивалента, что невозможно, учитывая тот факт, что основными особенностями такого способа интернет-комммуникации выступают вирусность и реплицируемость, которые требуют быстрой адаптации для последующей кросс-культурной интеграции. Из это-

го мы можем заключить, что такого типа интернет-мемы с высокой степенью вероятности будут «вытеснены» более легко передаваемыми поликодовыми элементами.

Однако это не значит, что все мемы, где прием языковой игрой создает комический эффект, остаются ограниченными рамками языка создания и его культуры.

Процесс интеграции происходит в нелингвистическом ключе. Идея или, мы можем назвать ее клише (шаблон), беспрепятственно преодолевает межкультурные границы, и языковая составляющая заполняется лингвистическими элементами принимающей культуры.

Список источников

1. Александрова Е.М. Креолизованный мем как новая форма бытования языковых анекдотов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-2 (74). С. 65 – 69.
2. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как гипертекст // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 4.
3. Земская Е.А. Языковая игра. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест // отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука: Флинта, 1983. 280 с.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: общ. вопр. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
5. Пишкова Е.Ю., Смирнова М. Интернет-мемы: коммуникативный и транслатологический аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (136). С. 180 – 187.
6. Руденко Е.С., Бачиева Р.И. Языковая игра как проблема перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 78 – 85.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 541 с.
8. Ушаков А.А. Интернет-дискурс как особый тип речи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 4. С. 170 – 174.
9. Юртаева Е.С. Характеристики виртуальной языковой личности в коммуникативном пространстве Интернет-дискурса // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2016. С. 307 – 312.
10. Ягодкина М.В. Мемы в интернет-коммуникации // Art logos. 2019. № 2 (7). С. 142 – 151.

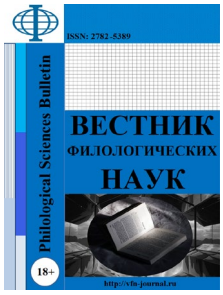
References

1. Aleksandrova E.M. Creolized meme as a new form of existence of linguistic jokes. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 8-2 (74). P. 65 – 69.
2. Akhrenova N.A. Internet discourse as hypertext. Bulletin of Moscow State Regional University. 2016. No. 3. 4 p.
3. Zemskaya E.A. Language game. Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture. ed. E.A. Zemskaya. Moscow: Science: Flinta, 1983. 280 p.
4. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Shiryaev E.N. Russian colloquial speech: general issues. Word formation. Syntax. M.: Nauka, 1981. 276 p.
5. Pishkova E.Yu., Smirnova M. Internet memes: communicative and translatological aspects. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2019. No. 3 (136). P. 180 – 187.
6. Rudenko E.S., Bachieva R.I. Language game as a translation problem. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2020. No. 2. P. 78 – 85.
7. Sannikov V.Z. Russian language in the mirror of the language game. M.: Language of Russian culture, 1999. 541 p.
8. Ushakov A.A. Internet discourse as a special type of speech. Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2010. No. 4. P. 170 – 174.
9. Yurtaeva E.S. Characteristics of a Virtual Linguistic Personality in the Communicative Space of Internet Discourse. Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication. 2016. P. 307 – 312.
10. Yagodkina M.V. Memes in Internet Communication. Art Logos. 2019. No. 2 (7). P. 142 – 151.

Информация об авторах

Нармания Т.С., *Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), narmaniyats@yandex.ru*

© Нармания Т.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.1

[1] ***Кириченко Ю.С.***

[1] ***Белгородский государственный национальный исследовательский университет***

Лексико-семантические маркеры фольклоризации в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина

Аннотация*: статья посвящена проблеме идиостилевой специфики взаимодействия фольклорной традиции в контексте литературного творчества региональных поэтов второй половины XX века, творчество которых нечасто является объектом лингвистических, в том числе лингвокультурологических исследований. В статье исследуются поэмы псковитянина Игоря Григорьева «Обитель» и белгородца Игоря Чернухина «Бел-город», в которых наглядно показано стремление авторов к сохранению и трансляции культурной памяти, национальной специфики языка, запечатленной в языке деревни. Поэты, исходя из особенностей творческого замысла, активно включают в пространство поэм лексические маркеры внелитературных языковых форм и элементы языка фольклора, которые могут быть охарактеризованы с точки зрения ключевых стилевых черт фольклорной традиции. К таковым также относится обобщенность, проявляющаяся на различных уровнях организации исследуемых нами текстов. Данная черта наиболее ярко и широко воплощается на лексико-семантическом уровне. Это связано со спецификой фольклорного слова, которое наследует предельно обобщенный взгляд на мир, характерный для традиционного народного сознания. Стремление охватить все стороны бытия в их целостности, а не в форме иерархической системы, приводит к появлению лексем с размытыми семантическими границами, способных объединять различные феномены действительности. Подобные механизмы реализации обобщенности в фольклорном дискурсе рассматриваются как важный объект современных лингвокультурологических исследований. Их изучение позволяет реконструировать особенности традиционного народного мировоззрения, запечатленного в языке. Более того, ориентация на народность является важным индивидуально-авторской художественной картины мира, а потому дополняет представление об этнокультурном мировоззрении автора текста.*

Ключевые слова: *фольклоризация, стилевые фольклорные черты, обобщенность, нестабильный семантический объем лексической единицы*

Для цитирования: Кириченко Ю.С. Лексико-семантические маркеры фольклоризации в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 52 – 60.

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] ***Kirichenko Yu.S.***

[1] ***Belgorod State National Research University***

Lexico-semantic markers of folklorization in the poems of I. Grigoriev and I. Chernukhin

Abstract: *the article is devoted to the problem of idiostyle specifics of the interaction of folklore tradition in the context of literary creativity of regional poets of the second half of the 20th century, whose work is rarely the object of linguistic, including linguistic and cultural studies. The article examines the poems of Pskov resident Igor Grigoriev "The Monastery" and Belgorod resident Igor Chernukhin "Bel-gorod", which clearly show the desire of*

the authors to preserve and broadcast cultural memory, national specifics of the language, imprinted in the language of the village. Poets, based on the features of the creative idea, actively include in the space of poems lexical markers of non-literary linguistic forms and elements of the language of folklore, which can be characterized in terms of key stylistic features of the folklore tradition. These also include generality, which manifests itself at various levels of the organization of the texts we study. This feature is most vividly and widely embodied at the lexical and semantic level. This is due to the specifics of the folklore word, which inherits an extremely generalized view of the world, characteristic of traditional folk consciousness. The desire to cover all sides of existence in their entirety, and not in the form of a hierarchical system, leads to the appearance of lexemes with blurred semantic boundaries, capable of combining various phenomena of reality. Such mechanisms of generalization realization in folklore discourse are considered as an important object of modern linguistic and cultural studies. Their study makes it possible to reconstruct the features of the traditional folk worldview imprinted in the language. Moreover, the orientation towards nationality is an important individual author's artistic picture of the world, and therefore complements the idea of the ethnocultural worldview of the author of the text.

***Keywords**: folklorization, stylistic folklore features, generalization, unstable semantic volume of a lexical unit*

For citation: Kirichenko Yu.S. Lexico-semantic markers of folklorization in the poems of I. Grigoriev and I. Chernukhin. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 52 – 60.

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: October 09, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Фрагменты бытования устной народной традиции неизменно находят свое отражение в художественных текстах, поскольку корнями восходят к временам формирования национальной идентичности и духовности. И центром сохранения связи зачастую выступает деревня и ее языковая специфика, как справедливо отмечает исследователь Л.Г. Самотик: «Русская деревня связана с сохранением архетипа национальной культуры, национального языка» [12, с. 236].

Действительно, народная разговорная традиция, сохраненная в своем первозданном виде, является надежным способом преумножения и передачи из поколения в поколение богатейшего речевого наследия народа, в том числе – устно-поэтическая традиция, поскольку в фольклорных текстах, пословицах, поговорках, сказках и былинах аккумулированы многовековой жизненный опыт, мудрость, мировоззрение и ценности, составляющие основу национального самосознания. Следует отметить, что фольклор – явление только этнокультурное, но и регионально маркированное. В произведениях устного народного творчества отражается живая речь носителей местных говоррв, что позволяет рассматривать народную разговорную стихию широко – синтезируя фольклоризмы и диалектизмы в единый корпус лексических средств, служищих источником для языка художественной литературы.

Именно поэтому обращение писателей и поэтов к фольклорным истокам, введение в художественную ткань произведений лексических элементов устного народного творчества, слов диалектного языка служит действенным средством сохранения и трансляции культурной памяти, национальной специфики. Через этот диалог «высокой» литературы и «народной» культуры происходит обогащение и взаимопроникновение традиций, что позволяет современному читателю ощутить глубинную связь времен, прикоснуться к вечным духовным константам.

Материалы и методы исследований

В отечественной литературе известно немало писателей, родившихся и долгое время живших в деревне или имевших тесную связь с малыми городами и селами. Такие авторы сопрягали свой творческий путь с художественной переработкой и адаптацией народно-языковой традиции в литературных произведениях, черпая материал из многовековых запасов устного народного творчества.

Современная лингвистическая наука располагает солидной эмпирической базой и концептуальным аппаратом для всестороннего изучения механизмов взаимодействия фольклорной и художественной речи. В трудах Е.Б. Артеменко, З.К. Тарланова, О.А. Черепановой, А.П. Евгеньевой отчетливо прослеживается мысль о формах и способах проникновения фольклорного языка в пространство литературной речи.

Однако потенциал современной литературы в плане ее связи с народно-речевой тралицией не исчерпан и требует более пристального рассмотрения. Среди писателей, чей творческий путь был неразрывно связан с народно-речевой стихией, – Игорь Николаевич Григорьев, участник Великой Отечественной войны, разведчик-партизан и командир плюсских подпольщиков, а также поэт, переводчик, создатель и первый пред-

седатель Псковского отделения Союза писателей, «для которого народная речь была той языковой колыбелью, где созревала языковая личность будущего писателя и поэта» [7, с. 27], пишущего, по словам литературного критика Аркадия Эльяшевича, «на языке отцов и дедов». Однако «в употреблении старинных слов и слов псковского диалекта у него нет нарочитости, и, может быть, поэтому лексика его произведений не оставляет впечатления архаичности или стилизации. Читая стихи Игоря Григорьева, думаешь об удивительном совпадении языковых средств с поэтической темой» [16, с. 290].

Обращение к творчеству Игоря Григорьева вполне объяснимо экстралингвистически – с точки зрения его биографии и жизненного опыта. Поэт с детства был погружен в самобытную диалектную среду, родившись и выросши на хуторе возле деревни Ситовичи Псковской области. Впоследствии, работая промысловым охотником в костромской глухомани, фотографом на Вологодчине и геологом на Байкале, И. Григорьев постоянно находился в тесном контакте с народной речевой стихией. Неслучайно основным источником своего творчества автор считал образность и самобытность современного деревенского говора, разделяя точку зрения Федора Абрамова, большого пропагандиста народно-разговорного, диалектного слова в художественном тексте, подлинного певца деревни: «Язык современной деревни – яркий, сочный, забористый и задиристый. <…> Когда я приезжаю в деревню, я буквально омываюсь в живых родниках речи» [1, с. 450].

Еще одна значимая фигура в аспекте изучения бытования народной языковой стихии в художественном тексте – поэт Игорь Чернухин, уроженец села Томаровка Белгородской области. Много лет он трудился редактором в Белгородском книжном издательстве, был одним из организаторов местного отделения Союза писателей, возглавлял областную писательскую организацию. Творческий и жизненный путь Игоря Чернухина был в большей степени связан с городской средой, нежели с деревенской. Тем не менее, будучи тонким знатоком фольклора и литературы, он сумел отразить в своей поэзии подлинно народное, этнокультурное мировосприятие.

Язык художественных произведений этих авторов до сих пор остается малоисследованной областью. Поэтому изучение специфики функционирования народно-речевых элементов в поэзии Игоря Григорьева и Игоря Чернухина представляется весьма актуальной и перспективной задачей, способной существенно обогатить наши представления о механизмах взаимодействия литературы и фольклорно-диалектной традиции в современной словесности.

Результаты и обсуждения

Процесс отбора авторами инструментов и стратегий использования элементов, репрезентирующих народную языковую специфику, а также их включение в художественный текст мы называем фольклоризацией, которая, согласно положениям М.А. Венгранович, направлена на лингвистическое выражение «экстралингвистической основы фольклорной языковой традиции (фольклорный тип сознания, фольклорная разновидность коммуникации, коллективный характер творческого процесса, фольклорная речедеятельностная макросфера)» [3], «где диалектически сплавлены его образующие, т.е. и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответствующих диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема русского языка…» [9, с. 69].

При анализе фольклорных текстов, в частности поэм, необходимо учитывать их диалектическое единство, включающее как собственно текстовые, так и экстралингвистические аспекты. Данная комплексная методология предполагает, что структура фольклорного произведения детерминирована внетекстовыми факторами, которые выступают в качестве основных стилеобразующих характеристик для данного типа речи и находят свое эксплицитное выражение на уровне языковых единиц текста.

Иными словами, фольклорный текст рассматривается как результат взаимодействия и взаимообусловленности лингвистических и экстралингвистических параметров. К последним относятся исторические, культурные, этнографические, ментальные составляющие традиционной народной картины мира, определяющие специфику мировосприятия, ценностные ориентиры и нормативные установки коллективного сознания.

Данная методологическая позиция позволяет выявить механизмы отражения в языке фольклорного произведения глубинных пластов народной культуры, реконструировать ключевые концепты и архетипы, стоящие за текстовыми формами. Это, в свою очередь, открывает перспективы комплексного лингвокультурологического анализа фольклорных текстов.

Наиболее яркая стилевая черта фольклорной традиции – обобщенность – формируется под влиянием экстралингвистических факторов и напрямую связана с коллективным характером творческого процесса. В первую очередь, данная черта проявляется на лексико-семантическом уровне. Это обусловлено самой спецификой фольклорного слова, которое наследует предельно обобщенный взгляд на жизнь, характерный для традиционного народного сознания. При таком подходе мышление стремится охватить все стороны бытия, не выстраивая их в иерархичную систему, а представляя в виде целостного комплекса, где различные реа-

лии жизни объединяются по разнообразным основаниям. Все это на языковом уровне проявляется в виде обобщенной семантической структуры фольклорного слова и обусловливает такие материальные формы обобщенности, как диффузность, нестабильность семантики языковых единиц.

Проявления обобщенности мы наблюдаем в поэмах «Обитель» И. Григорьева и «Бел-город» И. Чернухина на лексико-семантическом уровне, особенно в сфере фольклорной ономастики, где имя собственное нередко проявляет обобщенную природу. В работах Т.Н. Кондратьевой отмечается, что собственное имя представляет собой уникальную языковую категорию, сочетающую в себе крайнюю конкретность и высокую степень абстрактности. С одной стороны, собственное имя является наиболее конкретным номинативным средством, выполняющим функцию индивидуализации и идентификации объекта. Оно непосредственно указывает на единичный, уникальный денотат. С другой стороны, в процессе языковой эволюции собственные имена способны трансформироваться в символы, образы и даже нарицательные понятия. Именно в этом проявляется их абстрактный, обобщающий характер.

Подвижность границ имени собственного наблюдается в поэме И. Григорьева «Обитель». Причина этой гибкости – в большем внимании к коллективному началу, нежели личному, на что указывал В.Н. Топоров: «…грань между именем собственным и апеллятивом… зависит от того, что для данной общественной структуры важнее – личная идентификация или коллективная, что является исходным, какова ориентация – от личного к коллективному или наоборот» [14, с. 375]. Освоение имени собственного равняется освоению сферы смысла, формирующегося в пространстве самой поэмы.

Так, в тексте поэмы И. Григорьева обобщенность выявляется в семантике имени Михей, движущейся от указания на конкретного человека – уполномоченного комитета заготовок сельскохозяйственных продуктов, жесткого, бессердечного, каждое упоминание или появление которого сопровождается ассоциациями из мира животных-хищников:

«Как чибис в коршуньих когтях,
Как пескаришка в щучьей пасти,
Не уберегся от напасти
Рыбак… в Михеевых сетях» [5, с. 25];
«– Михеюшка, не погуби!
Ой, куманек, помилосердствуй:
Ведь человек же ты – не зверствуй!» [5, с. 50];
«Михей рычал: – Какого беса
Приперлась в Губино она?» [5, с. 55];

Или преступного мира:

«В избе Михей возник, как тать»; [5, с. 24];
«К ним кум Михей, уполкомзаг,
Стучался в двери оголтело» [5, с. 49];
«Михей стоял – без малахая,
Зато с наганом па боку» [5, с. 51];
«Не поминаючи того,
Что обижал Михей бабенок» [5, с. 57];

А потому не снискавшего уважения и сопереживания от земляков:

«Горела весело и рьяно,
Да-да, Михеева изба» [5, с. 61].

Поскольку фольклорные имена собственные отличаются «стереоскопичностью» семантики, когда имя выступает не только как индивидуализирующее средство, но и как знак общекультурного значения, фольклорный антропоним или топоним приобретает символическое звучание, становясь «сгустком» представлений:

«Кто – свой, кто – из чужих краёв
Ура-старатели парада.
Что страшно: много михеёв
Уверены, что так и надо» [5, с. 53];
«И все полохались вокруг:
Опять князьки, как в давнем-давно?
– Как им, михеям, сходит с рук
Свое? И наше? И державно?» [5, с. 52].

Как отмечают исследователи, прием расширения семантического объема личного имени за счет наращивания дополнительных коннотаций и ассоциаций является одним из ключевых механизмов, задействован-

ных в процессе художественной трансформации фольклорной ономастики. Л.Б. Савенкова дополняет, что данный процесс основан на «процедуре аналогизирования», когда «ассоциативные связи переносятся с одного объекта номинации на другой» [11, с. 196]. В результате происходит актуализация различных семантических пластов, стоящих за ономастической единицей. В результате имя собственное начинает функционировать как многозначный культурный знак, репрезентирующий устойчивые смыслы фольклорной традиции. Г.В. Калиберова справедливо отмечает, что «функциональная нагруженность фольклорного имени в художественном тексте способствует развертыванию семантики, ее раскрытию в соответствии с авторским замыслом и эстетическими установками».

В поэме И. Чернухина обобщенность формируется через усиление диффузности семантики имени Егорий. Как отмечает Т.А. Агапкина, в фольклорной традиции имя святого Георгия (Егорий) в целом характеризуется поливалентностью смысловых оттенков, являясь «аккумулятором» разнородных культурных кодов [2, с. 133]. При переносе образа Егория в художественный текст актуализируются те смысловые грани, которые, во-первых, связаны с трудовой деятельностью персонажа, его мастерством и умениями:

«Стук да стук…
да перестук…
Лебединой песней
Выплывает из-под рук
Город в поднебесье.
Стали башни высоки!
А по ним в придачу
Деревянные коньки,
Раскрасавцы скачут.
А топор… несёт топор
Звон над Белогорьем…
– Да куда ты прёшь, Егор?
– Отдохни, Егорий!
<…>
Эк коньки твои летят
В небе на просторе!
Чудеса… Спасибо, брат!
За тебя, Егорий!..
<…>
Слышь, Егор, в честь Маслова
Сотвори конёк,
Чтоб глядел с достоинством
С крепостной стены» [15].

Однако семантическая разветвленность данного антропонима растет – Егорий предстает и как воин-защитник, победитель дракона:

«– Что ты машешь, сатана,
Саблею поганой?..
Окрещу тебя бревном
Со смолой кипящей,
Угощу тебя огнём.
Нехристь, настоящим» [15];
«Для себя же рубит.
– Уходи, Егор –
Беда!
– Пусть артель уходит!
…Он упал
Крутой и злой,
Боль слилась с досадой…» [15].

В подобных случаях фольклорное имя выступает в качестве культурного кода, апеллирующего к архетипическим структурам народного сознания, что позволяет автору выразить глубинные пласты национальной картины мира. Механизм «разрастания» семантического поля фольклорного имени в художественном

тексте опирается на принцип поступательного метонимического переноса: сначала имя Егор становится определяющим для его детей («Молодец Егоров сын!..»), а затем – для всех потомков-тружеников:

«А топор… Несёт топор
Звон над Белогорие,
Кто сказал – один Егор?..
Много их – Егориев!» [15].

Традиционный фольклорный смысл, «аккумулированный» в ономастической единице, становится ключевым звеном, обеспечивающим органичную связь литературного произведения с народной культурной традицией и раскрывающим глубинные пласты авторского художественного мышления.

Одной из значимых черт обобщенности является нестабильный семантический объем колоративов – прилагательных, имеющих особое символическое значение для устной поэтической традиции. Так, Н.И. Толстой выделяет три основных цвета, наиболее значимых для традиционной культуры: белый, черный и красный [13]. Эти цвета выступают в фольклоре в качестве знаков-символов, имеющих определенные культурные значения и функции. В.В. Колесов подчеркивает, что эта триада «белый – черный – красный» является ключевой для архаического мировосприятия, воплощая космическую оппозицию «света» и «тьмы», «жизни» и «смерти» [8, с. 197]. Как следствие, обращение к фольклорной цветовой символике становится важным средством репрезентации национальной картины мира в поэтических текстах.

Прямое денотативное значение колоронима белый наблюдается нечасто, как и указание посредством этого цветообозначения на время суток:

«Муж с женой целуются
Среди бела дня» [15];
«Не за белыми горами –
меловыми кручами» [15];
«У родника – пребело-бело –
Цвела черемуха, как храм» [5, с. 38];
«Неслышно ли какого чуда:
К примеру, сажа не бела?» [5, с. 48].

В традиционных контекстах прилагательное белый выступает также маркером положительного, благодатного начала, ассоциируясь с божественным, священным, чистым. Данное значение эксплицируется в устойчивом фольклорном образе «белый свет»: «И все же белый свет мне бел, / А черный мрак и с линзой черен» [5, с. 72].

Как отмечает Н.И. Толстой, оппозиция «светлое/темное» является одной из ключевых в традиционном славянском мировоззрении, лежащем в основе фольклорной картины мира [13, с. 33]. Прилагательное белый в этом контексте выступает маркером положительного, благодатного начала, ассоциируясь с божественным, священным, неоскверненным. Подтверждение этому можно найти в исследованиях Л.Н. Виноградовой, которая указывает, что «белый цвет у славян символизирует чистоту, святость, божественную благодать, свет, небесное и небесно-духовное» [4, с. 117]. Именно поэтому данная лексема сохраняет устойчивую связь с архетипическими представлениями о гармоничном мироустройстве, актуализируясь в описании города:

«Белый город – песня в горле,
Будто в клетке горлица…» [15];
«Матушку чугунную (Расступись молва!)
Белу граду юному
Жалует Москва» [15];
«…Да перестук
С белых крыш слетает» [15].

В фольклорной картине мира устойчивая ассоциация света, белого цвета с представлениями о красоте и гармонии обусловливает появление характерных словосочетаний с упоминанием частей тела (белы руки, бело лицо), в которых реализуется новое значение – «правильный, соответствующий идеальной норме». В народном сознании представления о прекрасном неразрывно связаны с идеей «правильности», соответствия гармоничному, совершенному образцу. Белый цвет в этом контексте выступает маркером красоты, идеальности, божественной благодати.

Несмотря на преобладающие положительные ассоциации прилагательного белый в фольклорной картине мира, связанные с представлениями о свете, чистоте и гармонии, в некоторых контекстах актуализируются и отрицательные коннотации данной лексемы. В отдельных употреблениях колоратив белый может приобретать значение, связанное с несчастьем, горем, утратой. Подобные семантические сдвиги обуслов-

лены влиянием архаичных мифологических представлений, в которых белый цвет наделялся амбивалентными значениями, включающими как положительные, так и негативные смыслы:

«Вся наша жизнь теперь бела,
Изжиты риги и овраги…» [5, с. 19];
«Восстала, белая как снег,
Жена российского солдата…» [5, с. 44];

«Была Фотинья в этот раз –
Как птица белая, как птица…» [5, с. 47].

Следовательно, прилагательное белый в фольклорном дискурсе может иметь значения, связанные как с физическим цветом предмета, так и с символическими коннотациями, отражающими представления о святости, чистоте, благодати. Одновременно это слово может приобретать ярко выраженные оценочные значения, передающие нормативные представления о красоте, гармонии, и даже трансформироваться в обобщающие понятия, маркирующие возвышенное, превосходное.

Нестабильность семантического объема обнаруживает и прилагательное красный, в смысловом наполнении которого отправной точкой также является цветообозначение:

«Слегка косит, с косой, худа,
В наряде невозможно красном» [5, с. 14];
«И хохотал истошно кто-то,
И красный кочет клекотал» [5, с. 62];
«От снегирей красна опушка:
За вьюгой – к нам, в сугробах – цвесть!» [5: 31].

В традиционной картине мира прилагательное красный устойчиво ассоциируется с состоянием гармонии в природе. Так, в строках «К нам аист опустился с ели. / Гудели пчелы. Красный час!» [5, с. 46] лексема красный используется для характеристики вечера – но с позиций эмоционального отношения. Здесь она выступает маркером сакральной, идеальной красоты, пронизывающей окружающий мир и гармонизирующей его.

Кроме того, данная символика красного цвета как маркера природной идиллии прослеживается и в топонимии, где гидронимы такого типа, как речка Красная, выступают в качестве устойчивых образов-символов: «Погуляем / На речке Красной» [Чернухин «Бел-город»]. Подобная семантическая нагруженность цветообозначений в фольклорной традиции связана с архетипическими представлениями о гармоничном устройстве мира, где свет, тепло и жизненная сила ассоциируются с красным цветом.

К базовому символическому значению прилагательного красный как маркера красоты, гармонии в фольклорной картине мира впоследствии прибавляется дополнительная сема 'богатство, изобилие'. Так, в устойчивом поэтическом образе «красны дары» данная лексема актуализирует семантику изобилия, плодородия: «…а по садам красны дары» [5, с. 32]. Подобное расширение семантики цветообозначения красный связано с архаичными представлениями славян о солярной символике, где красный цвет ассоциирован с жизненной силой, плодородием, богатством.

Ещё один аспект семантики прилагательного красный обусловлен его устойчивой связью в фольклорном сознании с символикой крови, жертвы и войны. Красный цвет выступает маркером военных действий, сражений, кровопролития в поэме И. Чернухина «Бел-город»: «…стрел горящих красный дождь», «ночь красна… и кровь красна».

Прилагательное чёрный в фольклорной картине мира наделяется устойчивым комплексом символических значений, связанных с представлениями о демоническом, хтоническом, негативном начале. Согласно исследованиям Н.И. Толстого, чёрный в традиционном сознании маркирует сферу зла, трагедии, горя [13]. Он ассоциируется с потусторонним, потемками, ночью: ««И все же белый свет мне бел, / А черный мрак и с линзой черен» [15], «Ходит по двору / Чёрный мужик» [15], «Мимо чёрных погостов…» [15].

В некоторых речевых ситуациях лексема чёрный выступает в качестве знака-символа врага, смерти, несчастья и опасности. Например, в следующих примерах чёрный ассоциируется с мраком, страхом и враждебными силами:

«Я погасила б черный день...» [15];
«Не светлу радость – черен страх
Сочат из сумерек и тины» [15];
«– Эх, тебя бы, чёрный хан.
На костер, собака!» [15].

Данные семантические трансформации объясняются глубинной связью чёрного цвета с архаическими представлениями об опасности, непроглядной темноте, о хтонических, демонических началах, что нашло продолжение в традиционном славянском мировоззрении. Чёрный выступает антиподом сакрального белого, символизируя опасные, разрушительные силы, нарушающие гармонию мироздания.

Таким образом, цветообозначения в фольклорном сознании выступают не просто как элементы чувственно-предметной реальности, но как знаки-символы, несущие определенные культурные коннотации, что обусловливает их высокую семантическую значимость в поэтическом дискурсе в контексте стремления к художественному обобщению.

Выводы

В целом, как показывает анализ фактического материала, семантический объём фольклорного слова отличается «открытостью его границ», то есть отходом от устойчивости и четкости семантических границ слов в кодифицированном литературном языке. Это связано с тем, что в традиционном сознании слово воспринималось не столько как обозначение предмета или явления, сколько как символически нагруженный знак, несущий определенную культурную информацию. Как подчеркивал В.В. Колесов, фольклорные лексемы «совмещают в себе признаки денотата и коннотата, предметного значения и символического смысла» [8, с. 194]. В силу этого фольклорное слово обладает свойством синкретизма, совмещая в себе рациональные и иррациональные, предметные и символические значения. Поэтому значение слова в фольклорном тексте обусловлено не столько объективными свойствами обозначаемого, сколько архетипическими представлениями, культурными установками, ценностными ориентирами народного сознания. Данная особенность детерминирует возможность фольклорного слова расширять и углублять контекст: будучи включенным в художественный текст, оно выступает не только маркером стремления автора к фольклоризации текста, но и источником новых смысловых приращений.

Список источников

1. Абрамов Ф.А. Чем живем-кормимся. Л., 1986. 528 с.
2. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 814 с.
3. Венгранович М.А. Стилистика фольклорного текста: учебное пособие. Тольятти: ТГУ, 2011. 266 с.
4. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 431 с.
5. Григорьев И.Н. Обитель. Поэма. Л.: Издательство Ленинград, 1990. 96 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Дрофа, 2007. 814 с.
7. Кириченко Ю.С. О функциональных и семантических особенностях диалектизмов в текстах художественных произведений (на материале поэмы И. Григорьева «Обитель») // Казанский вестник молодых учёных. 2018. Т. 2. № 4 (7). С. 27 – 29.
8. Колесов В.В. Язык города. М.: Высш. шк., 1991. 190 с.
9. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66 – 78.
10. Русские словари личных собственных имен как ономастический источник. Пособие по спецкурсу "Рус. лексикография" / Казан. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1969. 62 с.
11. Савенкова Л.В. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический. Аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.
12. Самотик Л.Г. Диалектизмы как показатель народной духовности // Творчество В.П. Астафьева как воплощение регионального национального самосознания. Красноярск, 2016. С. 232 – 257.
13. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
14. Топоров В.Н. Из теоретической ономастики // Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. М: Языки славянской культуры, 2024. Т. 1. 816 с.
15. Чернухин И.А. Бел-город. Поэма // Запах огня: книга избранных стихотворений [Электронный ресурс]. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. URL: http://literabel.ru/books/igor-chernuxin/1959-bel-gorod-poema-.html (дата обращения: 10.04.2024).
16. Эльяшевич А.П. Игорь Григорьев. Поэты. Стихи. Поэзия. Л., 1966. С. 272 – 291.

References

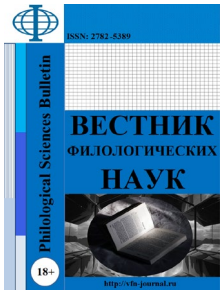
1. Abramov F.A. How We Live and Feed. L., 1986. 528 p.

2. Agapkina T.A. Mythopoetic Foundations of the Slavic Folk Calendar. Spring-Summer Cycle. M.: Indrik, 2002. 814 p.
3. Vengranovich M.A. Stylistics of Folklore Text: Study Guide. Tolyatti: TSU, 2011. 266 p.
4. Vinogradova L.N. Folk Demonology and Mythical-Ritual Tradition of the Slavs. M.: Indrik, 2000. 431 p.
5. Grigoriev I.N. Abode. Poem. L.: Leningrad Publishing House, 1990. 96 p.
6. Dahl V.I. Proverbs of the Russian People. M.: Drofa, 2007. 814 p.
7. Kirichenko Yu.S. On the functional and semantic features of dialectisms in the texts of works of art (based on the poem "Abode" by I. Grigoriev). Kazan Bulletin of Young Scientists. 2018. Vol. 2. No. 4 (7). P. 27 – 29.
8. Kolesov V.V. Language of the city. M.: Higher. school, 1991. 190 p.
9. Ossovetsky I.A. On the language of Russian traditional folklore. Questions of linguistics. 1975. No. 5. P. 66 – 78.
10. Russian dictionaries of personal proper names as an onomastic source. Manual for the special course "Russian lexicography". Kazan. Order of the Red Banner of Labor State University named after V.I. Ulyanov-Lenin. Kazan, 1969. 62 p.
11. Savenkova L.V. Russian paremiology: semantic and linguacultural. Aspects. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 2002. 240 p.
12. Samotik L.G. Dialectisms as an indicator of folk spirituality. The work of V.P. Astafiev as the embodiment of regional national self-awareness. Krasnoyarsk, 2016. P. 232 – 257.
13. Tolstoy N.I. Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow: Indrik, 1995. 509 p.
14. Toporov V.N. From theoretical onomastics. Studies in etymology and semantics: in 3 volumes. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2024. Vol. 1. 816 p.
15. Chernukhin I.A. Belgorod. Poem. The Smell of Fire: A Book of Selected Poems [Electronic resource]. Belgorod: KONSTANTA, 2014. URL: http://literabel.ru/books/igor-chernuxin/1959-bel-gorod-poema-.html (date of access: 10.04.2024).
16. Elyashevich A.P. Igor Grigoriev. Poets. Poems. Poetry. Leningrad, 1966. P. 272 – 291.

Информация об авторах

Кириченко Ю.С., *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, kirichenko19921@mail.ru*

© Кириченко Ю.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81`33

[1] ***Палеха Е.С.*** [1] ***Казанский (Приволжский) федеральный университет***

К вопросу о психолого-лингвистической судебной экспертизе художественных текстов

Аннотация: *в статье рассматриваются некоторые особенности лингво- и психологокриминалистического анализа непублицистических текстов – художественных, фольклорных, – связанные с практикой судебных и досудебных исследований текстов так называемой экстремистской направленности. Показано, с какими сложностями сталкиваются эксперты гуманитарных специальностей (прежде всего лингвисты, психологи, социологи, религиоведы) и какие факторы, обусловленные жанрово-стилистической природой текстов, следует учитывать. Приводятся примеры из личной практики автора, а также публично обсуждаемые кейсы экспертной оценки текстов различных художественных жанров. Исследователь исходит из позиции, что смыслы, вкладываемые авторами в тексты, и восприятие таковых адресатом или неадресным читателем могут отличаться, что связано с принципиальной неуправляемостью процессом чтения и смыслопорождения, условностью транслируемой автором произведения картины мира и диалогичной природой чтения, смысловосприятия. Отмечается, что сложность исследования текстов подобного рода обусловлена изначальной невозможностью определить соотношение вымысла, художественной включенности сознания автора и фактологического объективированного поля.*

В ходе исследования применялись методы теоретического анализа и обобщения результатов завершённых открытых исследований в области психолого-лингвистической экспертизы текстов художественных жанров; метод конкретизации; метод комплексного психолингвистического анализа текста; метод анализа процессов порождения смысла; методы криминалистической оценки авторских приемов и произведений в целом; метод наблюдения за процессом восприятия читателями художественных текстов.

Сделан вывод о необходимости создания отдельной методики криминалистического анализа текстов непублицистической природы, которая учтет указанные моменты и даст экспертам-практикам валидный инструмент оценки текстов подобного рода. Статья предназначена для практикующих судебных экспертов – психологов, лингвистов, религиоведов, а также для представителей гуманитарных специальностей, работающих с тексами; для педагогов и работников сферы образования; для криминалистов.

Ключевые слова: *психологическая криминалистика и лингвокриминалистика, художественная картина мира, неофольклор, вымысел, механизмы воздействия, восприятие текста*

Для цитирования: Палеха Е.С. К вопросу о психолого-лингвистической судебной экспертизе художественных текстов // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 61 – 69.

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] ***Palekha E.S.*** [1] ***Kazan (Volga Region) Federal University***

To the question of psychological and linguistic forensic study of nonfiction texts

Abstract: *the article deals with some features of linguistic and psychological forensic analysis of non-publicistic texts – fiction, folklore – related to the practice of judicial and pre-trial investigations of texts of so-called extremist*

orientation. It shows what difficulties experts of humanitarian specialties (primarily linguists, psychologists, sociologists, religious studies) face and what factors, caused by the genre and stylistic nature of texts, should be taken into account. Examples from the author's personal practice are given, as well as publicly discussed cases of expert evaluation of texts of various artistic genres. The researcher proceeds from the position that the meanings put into texts by authors and the perception of such meanings by the addressee or non-addressee reader may differ, which is connected with the fundamental uncontrollability of the process of reading and meaning-making, the conventionality of the world picture broadcast by the author of the work and the dialogical nature of reading and meaning-perception. It is noted that the complexity of the study of texts of this kind is due to the initial impossibility to determine the ratio of fiction, artistic inclusion of the author's consciousness and factual objectified field.

In the course of the research we applied methods of theoretical analysis and generalization of the results of completed open research in the field of psychological and linguistic expertise of texts of artistic genres; method of concretization; method of complex psycholinguistic analysis of the text; method of analysis of the processes of meaning generation; methods of forensic evaluation of author's techniques and works in general; method of observation of the process of readers' perception of artistic texts.

It is concluded that it is necessary to create a separate methodology of forensic analysis of texts of non-publicistic nature, which will take into account these points and give expert practitioners a valid tool for evaluating texts of this kind. The article is intended for practicing forensic experts – psychologists, linguists, religious studies, as well as for representatives of humanitarian specialties working with texts; for teachers and educators; for criminalists.

Keywords: *psychological forensics and linguocriminalistics, artistic picture of the world, neofolklore, fiction, mechanisms of influence, text perception*

For citation: Palekha E.S. To the question of psychological and linguistic forensic study of nonfiction texts. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 61 – 69.

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: October 09, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

Лингвокриминалистика и криминалистическая психология – прикладные науки, которые занимаются разработкой средств, методов и критериев описания спорных текстов разной смысловой направленности в целях оказания помощи органам следствия, судьям в процессе вынесения решения по делу. Чаще всего под указанную категорию попадают тексты так называемой экстремистской направленности, пропаганды запрещенных к распространению на территории РФ идеологий, тексты с выраженным оскорбительным языковым потенциалом, реклама и публикации, способные нанести урон деловой репутации лица, его чести и достоинству. В данной статье мы предлагаем рассмотреть один из наиболее сложных спорных вопросов, касающийся рассмотрения текстов художественной формы бытования, – на сегодняшний день он не имеет разрешения и вызывает споры в кругах экспертов-лингвистов и экспертов-психологов.

Причина, обусловливающая сложность рассмотрения подобных текстов в качестве объектов экспертного анализа, связана с тем, что они, как правило, транслируют фрагменты вымышленных, авторских картин мира, насыщенных художественными реалиями и смыслами, культурно маркированными аллюзиями и – реже – фольклорными концептами.

Отдельные исследователи-лингвисты выступают с идеей условной «неприкосновенности» художественных и фольклорных текстов (о последних, стоит отметить, речь идет гораздо реже, мы условно относим эти тексты к группе художественных, но коллективно-авторских / неавторских и фиксирующих вымышленную картину мира) в ракурсе анализа их на наличие признаков спорных текстов экстремистской направленности или пропаганды какой-либо идеологии. Однако чаще звучат требования соблюдения особого подхода к указанной группе речевых продуктов и осторожного использования методик, созданных, как правило, для анализа текстов СМИ, которые, в отличие от авторских или неавторских художественных текстов, ориентируются на реальную (или выдаваемую за реальную в случай так называемых фейков) картину мира.

В публицистической текстовой модели концепция текста открыто выражена в позиции автора, который одновременно выступает в роли повествователя и объективатора текстовой реальности. В художественных произведениях авторский замысел выражается во всей многоярусной системе образов, композиционных решений и стилистических ходов, образующих всю архитектонику произведения. Более того, по замечанию ученого, лингвиста-эксперта Г.С. Иваненко, высказывания, содержащиеся в таком тексте, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции и, соответственно, информации, получаемой

реципиентом. Фикциональность текста, построенного по художественной модели, не позволяет отождествлять позицию авторов и повествователей и приводит к трансформации на концептуальном уровне направленности текстовых коннотаций. Художественная обобщенность образов, в отличие от публицистической, препятствует осуществлению конкретизации отдельных аспектов смысла и референции их с законодательными текстами, содержащими конкретные признаки запретительных норм [8, с. 201]. В связи с чем экспертно значимым становится рассмотрение реализации декодируемых признаков сценария, смоделированного художественного (авторского) пространства, которое не может быть механически соотнесено с плоскостью реальной действительности (как в случае с анализом текстов СМИ), а, следовательно, не может отражать напрямую диагностические признаки спорных текстов, верифицируемые в суде.

Посещая конференции и научные семинары, между тем, мы не раз встречали у коллег мысль о неправомерности обвинений в экстремизме по отношению к авторам текстов, построенных по принципам художественной картины мира, в принципе. Данный тезис еще не приобрел статус концептуального постулата в гуманитарной криминалистике и криминалистической психологии, однако имеющийся материал уже свидетельствует о необходимости в ходе экспертного исследования учитывать признаки художественного текста, влияющие на декодировку смысла произведения в аспекте его квалификации относительно соблюдения, например, антиэкстремистского законодательства или свода законов, запрещающих пропаганду фашистских идей, идей нетрадиционных семейных ценностей, пропаганды наркотиков и т.д.

Одной из причин, служащей обоснованием для такой позиции, является обсуждение критериев художественности, которые сами по себе весьма далеки от целей и задач экспертной практики и не ведут к решению поставленных перед судебным экспертом вопросов. Другой причиной становится констатация отсутствия непосредственной связи между художественной коммуникацией и жизнедеятельностью человека, установка на отражение нереальной действительности и реализация прежде всего эстетической текстовой функции. Наконец, именно художественные тексты характеризуются имплицитностью содержания и имеют установку на неоднозначность восприятия, о чем еще в прошлом веке говорили многие филологи, ставшие классиками (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Н.М. Шанский и др.).

Следует, между тем, признать роль таких текстов в развитии критического мышления человека, его культурного бэкграунда и психологической прозорливости за счет умения проводить аналогии между поступками героев и людей из своего окружения, саморефлексии – в конечном счете все это развивает сознательную сферу. Об этом, например, писал Ю.А. Шрейдер: «Подлинная поэзия, подлинная литература служат не описанию жизни в готовых смысловых клише и не целенаправленному воспитанию читателя, но пробуждению сознания» [16, с. 74].

М.М. Бахтин делал акцент на ценностно-смысловой стороне художественного произведения, которая и отвечала за порождение субъективного смысла, который рождается в диалоге читателя и писателя как глашатая тех самых высших ценностей: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [6, с. 368].

Целью настоящей статьи является стремление автора рассмотреть проблему гуманитарной экспертной (судебной) оценки текстов, имеющих художественную природу, и соотносящихся с категориями искусства боле, чем с категориями реальности; осветить сложности, возникающие в ходе криминалистического анализа текстов вымышленной природы и «темными» зонами, с которыми сталкивается эксперт-психолог или эксперт-лингвист.

Материалы и методы исследований

Для решения указанных задач применялись методы теоретического анализа и обобщения результатов завершённых открытых исследований в области психолого-лингвистической экспертизы текстов художественных жанров; метод конкретизации; метод комплексного психолингвистического анализа текста; метод анализа процессов порождения смысла; методы криминалистической оценки авторских приемов и произведений в целом; метод наблюдения за процессом восприятия читателями художественных текстов.

Результаты и обсуждения

Из недавних кейсов можно привести судебный процесс по делу Евгении Беркович и Светланы Петрийчук, которые внесены в список экстремистов и террористов и сейчас проходят в качестве обвиняемых по статье об оправдании терроризма из-за постановки спектакля «Финист Ясный Сокол». Согласно данным СМИ, показы спектакля проходили в Москве, Петербурге и Екатеринбурге с 2020 по 2022 годы. В 2022 году спектакль получил премию «Золотая маска» за работу драматурга и художника по костюмам [18].

Оставим в стороне правовую сторону вопроса – разбирательство идет. В ходе расследования по делу было проведено две экспертизы – одна «деструкторологическая», которую в итоге суд отклонил ввиду отсутствия такой науки, как деструкторология; вторая – лингвистическая, на которой и базируется обвинение.

Газета «Коммерсант» приводила фрагменты экспертизы: так, в ней указывается, что в спектакле намеренно создан «романтический образ террориста», а его «исключительность» и «несовместимость с обыденным миром» делает «образ интересным и привлекательным для девушек и женщин». Также были выявлены и описаны текстовые признаки лейтмотива «дискриминации» русских мужчин. В качестве доказательства наличия такового мотива, как свидетельствуют упомянутые СМИ, в заключении приводится реплика одного из персонажей пьесы: «Наши мужчины лучше всего умеют делать три вещи – критиковать, давать советы и навешивать чувство вины».

Оставим в стороне объективную сторону вопроса, качество проведенного исследования – ни к тексту пьес, ни к тексту исследования доступа на сегодняшний день нет, да и таковой задачи перед нами не стоит. Отметим лишь некоторые существенные моменты, которые свидетельствуют, на наш взгляд о наличии значимых сложностях, противоречиях, сопровождающих анализ художественных текстов, которые следует учитывать.

По данным портала Афиша Daily, в материалах дела фигурирует квалификация спектакля как «документального произведения» («Причиной стал документальный спектакль “Финист Ясный Сокол”»; «Спектакль «Финист Ясный Сокол», из-за которого были задержаны Беркович и драматург Светлана Петрийчук, – документальный») [13]. Авторы статьи в «Петербургском театральном журнале» отмечают, что пьеса основывается на «протоколах допросов, смонтированных с инструкциями для новообращенных мусульманок, как правильно носить хиджаб или как приготовить торт халяль», реальные интервью и личный опыт авторов [14], при этом жанр определяется как авторами, так и обсуждающими как пьеса, то есть «литературное произведение, предназначенное для сценического исполнения» [12].

Отметим, что направление документальной прозы все же предполагает некоторую степень авторской обработки исходного материала, и тем самым такая проза отличается от текстов, размещаемых в исторических энциклопедиях, например, или журналистских репортажах.

Хотя другой известный российский кейс – издание «Слово пацана» (автор Р. Гараев) [7] в этом отношении анализировать проще (напомним, что издание также подвергалось критике из-за воспринятой некоторой группой читателей установка на «романтизацию криминальной среды»): оно более литературно-документально, поскольку строится на цитировании воспоминаний участников событий тех лет и включает минимальную авторскую обработку текста – фактор художественности нивелирован.

И все же следует брать во внимание тот факт, что, если произведение имеет статус художественного жанра (роман, повесть, рассказ, пьеса), оно строится по законам художественной условности и не может напрямую соотноситься с бытовой или исторической реальностью, даже если таковая, по мнению адресата, «фотографически» отражена в архитектонике произведения. Об этом, к примеру, писали в своих работах Е.Н. Ковтун [9], О.В. Шапошникова [15].

Примечательно, что оппозиционный новостной ресурс «BBC Russia» в одном из материалов, посвященных разбирательству, определяет жанр сценария постановки «Финист Ясный Сокол» как «фольклорная сказка» [18]. Справедливости ради, отметим, что пьеса – авторское произведение, не фольклорное; к фольклору оно имеет явную отсылку на уровне образов (что следует из названия) и, очевидно, сюжета (ретроспективная аллюзия). Номинема «сказка» подчеркивает установку на вымысел, условную картину мира. Как видим, конфликт поддерживается на уровне диагностических определений в текстах СМИ.

Сложность исследования подобного рода текстов обусловлена изначальной невозможностью определить соотношение вымысла, художественной включенности сознания автора и фактологического объективированного поля.

Указанное жанровое противоречие поддерживается также ключевыми смыслами, которые транслируются, по мнению эксперта, проводившего исследование («пропаганда терроризма»), некоторых обозревателей (С. Щенникова, В. Туник, интернет-издание «Национальный курс»: «В постановке оправдывается терроризм и экстремизм, героизируются боевики ИГИЛ. Создатели этого спектакля стараются оправдать жен террористов и вызвать у публики к ним жалость» [17]) и рефлексии авторов произведения. Так, в СМИ мелькают следующие формулировки: «Я поставила спектакль с целью профилактики терроризма», Беркович настаивает, что «не испытывала чувство единства с участниками террористических организаций и не разделяла религиозные убеждения, хоть как-то связанные с оправданием терроризма» [18].

Соотнести реальные деятельностные психологические мотивы авторов произведения и смыслы, которые в итоге считываются читателем в поле однозначных выводов не представляется возможным, поскольку при восприятии художественного произведения значительное место отводится сознанию воспринимающего. М.М. Бахтин, постулируя диалогичность писательского творчества, говорил и о гипотетическом наличии бесконечного множества прочтения одного и того же произведения [5].

Сложность данного кейса заключается именно в художественной «упаковке» транслируемых смыслов. Если бы подобные идеи или сходное эмоциональное отношение авторы высказывали в публицистическом поле, то подход к их оцениванию был бы более однозначным и жестким. Примером второго варианта может стать кейс писателя Бориса Акунина, которого Росфинмониторинг внёс в свой реестр террористов и экстремистов» именно за политико-исторические высказывания в публичном пространстве, а не за творческое осмысление картины мира писателя и ее отражение в его художественных произведениях.

Сама же аллюзивность текста пьесы-сказки «Финист Ясный Сокол» вряд ли в рассматриваемом случае играет какую-либо значимую роль, кроме усиления, фиксации на сюжетном уровне жанровой отнесенности произведения. Фольклорные тексты в экспертной практике в принципе большая редкость, и нам не встречались объемные исследовательские работы по данному научно-методическому лингвокриминалистическому или психолого-лингвистическому направлению.

Однако и в нашей экспертной практике подобные тексты – и художественные, и околофольклорные, неофольклорные – встречаются не так часто. И каждый раз при проведении исследования мы стакиваемся с рядом сложностей, особенно если оно проводится комплексно – не только как лингвистическое, но психологическое или даже религиоведческое, поскольку специалисты этих гуманитарных специальностей склонны не учитывать жанрово-стилистическую маркировку текста и особенность его природы.

Рассмотрим один показательный пример из практики. Объектом комплексного лингво-психолого-религиоведческого исследования являлись три печатных издания, предназначенные для детей возрастной категории 0-6 лет издательства UMMA LAND, с названиями, идентичными фольклорным («Репка», «Теремок», «Колобок»), однако существенно отличающиеся как в плане сюжетных ходов, стилистики, формы произведения, так и смысловой направленности и моделируемой произведениями картины мира. Произведения даны в авторской обработке и получили явный религиозный (исламский) уклон [1-3].

Сложность криминалистического анализа, помимо смешанной фольклорно-художественной формы, заключалась еще и в том, что запрос имел двойную направленность: первая группа вопросов предлагала установить отсутствие или наличие признаков спорных тексов экстремистской направленности (негативные оценки группе, гиперидентичность, призывы, разжигание вражды), вторая предлагала рассматривать издания как систему воздействия на читателя-ребенка и как «недопустимую» форму обращения с наследием русской культуры. Таким образом, идентичный объект исследования получил разные предметы исследования.

Книги имеют сходное визуально-графическое и текстовое оформление и могут быть рассмотрены как серия изданий, на обложках указана возрастная маркировка 0+, имя автора (Алина Аматуллах) и сделана помета «islamic remake» (перевод с англ. «исламская версия / вариация»).

Вид коммуникации согласно коммуникативным целям: познавательная (рассказывается о нормах поведения, воссоздается картина мира), суггестивная (демонстрируется, как надо; формируется религиозная картина мира), с элементами ритуальной (приводятся фразы-обращения к Богу на арабском языке). Адресат: дети в возрасте 0-6 лет, их родители. Стиль речи – художественный (поэтический вариант). Контекст – религиозно-нравственный (ислам). Стратегическая цель материалов изданий – оказать рационально-эмоциональное воздействие на юных читателей, сформировать их мировидение, привить им нравственно-поведенческие основы, воспитать в религиозном ключе.

Важно учесть и тот факт, что тексты всех трех изданий оформлены в поэтической форме, которая считается более суггестивной; автором использованы разнообразные изобразительно-выразительные средства художественного стиля. Форма воздействия, отобранные автором речевые средства соотнесены с адресатом изданий и воспитательными задачами. Как справедливо указывают исследователи художественных текстов Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин, такой текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей (детей в исследуемом случае) [4, с. 286].

Жанр – детские сказки, наставления. Назвать такие переработки фольклорными текстами уже нельзя: от первичных архетипических текстов в них сохранилась лишь самая общая сюжетная линия. Представленные на анализ сказки можно рассматривать как самостоятельные авторские, использующие отсылки к народным сюжетам. Сюжетные рисунки их имеют существенные отступления. Так, при изложении сказки «Колобок» главной герой (Колобок) не сталкивается со злом (Лисой), его не съедают; точно так же в сказке «Теремок» убран кульминационный момент, маркированный негативной оценочностью – Медведь не разрушает теремок, а сразу предлагает строить новый большой дом [1-3]:

«Медведь: Залезай ко мне на спину. / Я тебе хочу помочь, / Чтоб лисице не попался, / Не провел в лесу ты ночь» (сказка «Колобок»).

Медведь: «Пусть решением для нас / Станет джамаат-намаз. / После сделаем дуа, / Чтоб решились все дела» (сказка «Теремок»).

«Звери выстроились в ряд, / За имамом все стоят. / Вслух Коран они читают / И Аллаха поминают» (сказка «Теремок»).

Примечательно, что и в сказке «Репка» изменен финал: вытащить репку героям помогает не сила единства усилий, а молитва Всевышнему. Поэтому и помощи, и прощения нужно просить у Аллаха [2]:

«У Аллаха мощь и сила! – / Вдруг их мысль озарила. – / Чтобы нам помог Аллах, / Скажем дружно “БисмиЛлях”!» (сказка «Репка»).

Друг за друга все схватились, / И к Аллаху обратились. / Вслух сказали: «БисмиЛлях!» / Репку вытянули – ах! (сказка «Репка»).

С точки зрения законов сказочного сюжета такие сюжетные новшества разрушают классическую структуру сказки – они приобрели более прямой назидательно-нравственный смысл и теперь представляют идеализированную картину мира, поэтому образы, олицетворяющие сказочное зло, нивелированы или сведены к минимальному упоминанию.

Негативная оценка в сказках традиционно присваивается группе «Они». В исследуемых контекстах все сказочные герои, представители группы «Мы» являются представителями сообщества мусульман: они используют исламские религиозные формулы (алейкум ассалям, астагфируЛлах, бисмиЛлях); Медведь в сказке «Теремок» называется «имамом» (он проводит групповое дуа, чтение Корана). Возможно, такое позиционирование героя как имама слишком прямо и неестественно вводит религиозный контекст – однако таково видение автора. Важно, что группа «Они» не верифицируется по религиозному основанию. В представленных изданиях только в сказке «Колобок» фигурирует отрицательный сказочный персонаж, его оценка имплицитна и косвенна, не распространяется на группу и не содержит каких-либо признаков спорных текстов – Лисица выступает олицетворением возможной опасности, что вполне вписывается в традиции сказочных нравоучений. Однако в самом сюжете Лиса так и не появляется. Оценка становится основой для речевой цели – воспитание религиозной нравственности, послушания.

Группа «Мы» (мусульмане) получает положительную имплицитную оценку (в варианте «хорошо быть мусульманином – Аллах помогает мусульманам»), однако не имеет признаков превосходства группы над другими подобными группами. Например, Заяц в сказке «Колобок» наставляет сбежавшего из дома героя:

Заяц: «Все мы делаем ошибки, / Но Аллах прощает нас… Если будет страшно очень / – Помни, что Аллах с тобой!» (сказка «Колобок»).

В целом сказочный контекст вводит достаточное количество призывных конструкций, которые носят характер нравоучений, директив, наставлений старших младшим [1-3]:

Заяц: «Если будет страшно очень / – Помни, что Аллах с тобой!» (сказка «Колобок»).

Герои: «У Аллаха мощь и сила! – / Вдруг их мысль озарила. – / Чтобы нам помог Аллах, Скажем дружно “БисмиЛлях”!» (сказка «Репка»).

«Все мы делаем ошибки, / Но Аллах прощает нас. / Главное же – всё исправить, / Так давай начнём сейчас!» (сказка «Колобок»).

«Попросить прощения нужно, / Сказать «астагфируЛлах», / Устранить свои ошибки – / Милует тогда Аллах» (сказка «Колобок»).

Явно и однозначно выраженная религиозная направленность текстов книг находит выражение на нескольких уровнях:

А) на уровне лексического наполнения (ассаляму алейкум, баракят, дуа, бисмиллях, имам, Аллах, Ма шаа Аллах, мусульмане и под.),

Б) семантики сказанного, смысла видоизмененного сюжета, его назидательной апологетики (тексты наставляют младшее поколение жить в религиозной догме, религиозной картине мира, где репка растет не только благодаря законам природы и труду садовода-отца, но и потому что на то воля Аллаха – Ведь Аллах так приказал; Урожай же даст Аллах!),

В) формируемой текстами языковой и культурной картины мира на основе базовых фреймов и концептов (трудолюбие, послушание Аллаху, взаимовыручка, необходимость чтения молитвы, важность верования в жизни человека, уважение родителей, награда Аллаха за праведное поведение, почитание канонов гостеприимства и под.).

Ключевыми концептами формируемой языковой картины мира становятся: 1) общечеловеческие нравственные ценности – трудолюбие, умение ждать, уважение родителей, почитание канонов гостеприимства и взаимопомощи и др., 2) религиозные нормы – послушание Аллаху, необходимость чтения молитвы перед важным делом, страх прогневать Аллаха, община мусульман как ценность, важность верования в жизни

человека, важность чтения Корана и совершения дуа, награда Аллаха за праведное поведение, баракят (милость Аллаха), дуа, важность покаяния.

В одном из обращений граждан, которое и послужили импульсом для назначения исследования сказок, указывается, что «такое обращение с русскими фольклорными текстами недопустимо». Однако в художественной литературе отсылки к чужим текстам используются как художественные приемы: аллюзия, прецедентный текст, игра с сюжетом, фанфикшен, ретеллинг, мэшап, гипертекст – таких приемов обращения к чужому тексту достаточно много, они описаны в литературоведческой научной литературе и зачастую рассматриваются как способ обогащения авторского текста, включение его в значимый культурный контекст (см., например, [11]).

Поскольку представленные на исследование сказки авторские, то они приобрели назидательно-нравственный смысл и представляют более идеализированную религиозную картину мира, а образы, олицетворяющие сказочное зло, нивелированы или сведены к минимальному упоминанию. Зато важное место отводится такому «персонажу», как Бог (Аллах). Таким образом, автор сказок-римейков нивелирует традиционное значимое для сказочной картины мира противопоставление групп «Мы» (Добро, Свои) и «Они» (Зло, Чужие) и выносит на первый план значимость религии, веры в Аллаха в жизни человека, что усваиваться некритически мыслящим адресатом сказок.

Такой вариант подачи сюжета следует расценивать как авторский способ вольной художественной обработки, переосмысления исходного материала русского фольклора. Оценить его правомерность, уместность средствами лингвистической или психологической науки, текстового анализа нельзя. Однако экспертиза художественных текстов до сих пор остается спорным вопросом в гуманитарной криминалистике. Уже упоминавшаяся нами Г.С. Иваненко считает, что современный автор волен использовать наследие своей культуры, однако он «может и исказить смысл источника для реализации своих прагматических целей» [8, с. 202]. В анализируемом случае изменена ценностная система исходного текста и включены элементы религиозной пропаганды – судить, насколько это правомерно с научной точки зрения не представляется возможным.

Таким образом, в ходе анализа не были выявлены признаки, соответствующие диагностическим комплексам методик выявления текстовых смыслов экстремистской направленности [10].

Выводы

Представленное исследование сказок в очередной раз обнажило ряд проблем, которые есть в современной лингвокриминалистике и психологической криминалистике – связаны они с анализом непублицистических текстов, моделирующих художественную (вымышленную) картину мира, построенную на авторском миропонимании законов мироздания. На сегодняшний день у исследователей, специалистов, работающих в этом направлении, нет инструментов для валидной оценки степени объективированности, документальной фактологичности таких текстов, равно как нет методов анализа, позволяющих однозначно верифицировать мотив, который двигал авторов в процессе создания того или иного произведения. Обусловлено это сложной семиотической природой художественного текста, особенными, диалогическими отношениями автора и адресата, синергией первичных и вторичных смыслов, активированных в пространстве произведения и моделью условного мира, которая строится автором исходя из данных объективной реальности и личностных представлений о ней. Кроме того, важно учесть и тот факт, что в современной педагогической науке не имеется средств, позволяющих управлять чтением как процессом смыслообразования и формировать основные компоненты и механизмы читательской деятельности. Это значит, что управлять тем, как конкретный читатель воспримет художественное произведение невозможно. Доподлинно известно только, что эти новые смыслы, извлеченные из прочитанного, синестезируются с уже имеющейся индивидуальной картиной мира личности читающего, освоенными им в юные годы ценностями и представлениями о нравственности, красоте и смысле жизни.

Перспективным направлением криминологической гуманитаристики видится создание специализированной методики по работе с текстами художественной природы.

Список источников

1. Аматуллах А. Колобок (islamic remake). Казань: Umma Land, 2024. 13 с.
2. Аматуллах А. Репка, или сказка о дружной семье (islamic remake). Казань: Umma Land, 2024. 11 с.
3. Аматуллах А. Теремок (islamic remake). Казань: Umma Land, 2024. 11 с.
4. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта, 2006. 496 с.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.
7. Гараев Р. Слово пацана. М.: Individuum, 2021. 624 с.

8. Иваненко Г.С. Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 200 – 203.

9. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 408 с.

10. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011. 326 с.

11. Лунькова Л.Н. Интертекстуальные свойства вторичного текста // Иностранные языки в школе. 2019. № 2 (49). С. 20 – 34.

12. Русова Н.Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. М.: Флинта, Наука, 2004. URL: https://literaturologiya.academic.ru/558/ (дата обращения: 29.08.2024).

13. Смородинова Е. Задержали театральную режиссерку Евгению Беркович. Главное, что о ней нужно знать // Афиша Daily. 4 мая 2023 г. URL: https://daily.afisha.ru/culture/25552-segodnya-zaderzhali-teatralnogo-rezhissyora-evgeniyu-berkovich-glavnoe-chto-o-ney-nuzhno-znat/ (дата обращения: 29.08.2024).

14. «Финист Ясный Сокол» Светланы Петрийчук и Евгении Беркович: экспертное мнение профессионалов. 6 мая 2023 г. // Петербургский театральный журнал. URL: https://ptj.spb.ru/blog/finist-yasnyj-sokol-mnenie-professionalov/ (дата обращения: 29.08.2024).

15. Шапошникова О.В. Об условности в искусстве // Филология. 1977. Вып. 5. С. 7 – 25.

16. Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. Смысл и предпосылки ценностного выбора. М.: Эдиториал УРСС, 2010. 208 с.

17. Щенникова С., Туник В. Как «Финист ясный сокол» стал террористом. 26.05.2021. URL: https://www.n-kurs.ru/articles/articles/kak-finist-yasnyy-sokol-stal-terroristom (дата обращения: 29.08.2024).

18. «Я поставила спектакль с целью профилактики терроризма». Начался суд над Женей Беркович и Светланой Петрийчук // BBC Россия. 20 мая 2024 г. URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cv22lmr32gko (дата обращения: 29.08.2024).

References

1. Amatullah A. Kolobok (islamic remake). Kazan: Umma Land, 2024. 13 p.

2. Amatullah A. Turnip, or the Tale of a Friendly Family (islamic remake). Kazan: Umma Land, 2024. 11 p.

3. Amatullah A. Teremok (islamic remake). Kazan: Umma Land, 2024. 11 p.

4. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. Linguistic Analysis of the Fiction Text. Theory and Practice. Moscow: Flinta, 2006. 496 p.

5. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Sov. Rossiya, 1979. 320 p.

6. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. M.: Iskusstvo, 1979. 445 p.

7. Garayev R. The Word of a Boy. M.: Individuum, 2021. 624 p.

8. Ivanenko G.S. Forensic Linguistic Expertise: Specifics of the Analysis of a Fiction Text in the Aspect of Legislation on Extremism. Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2014. Vol. 20. No. 6. P. 200 – 203.

9. Kovtun E.N. Fiction in the Literature of the Twentieth Century. M.: Vysshaya Shkola, 2008. 408 p.

10. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Expertise of Texts in Cases Related to Counteracting Extremism. M., 2011. 326 p.

11. Lunkova L.N. Intertextual properties of secondary text. Foreign languages at school. 2019. No. 2 (49). P. 20 – 34.

12. Rusova N.Yu. Terminological dictionary-thesaurus on literary criticism. From allegory to iambic. M.: Flinta, Nauka, 2004. URL: https://literaturologiya.academic.ru/558/ (date of access: 29.08.2024).

13. Smorodinova E. Theater director Evgenia Berkovich was detained. The main thing you need to know about her. Afisha Daily. May 4, 2023. URL: https://daily.afisha.ru/culture/25552-segodnya-zaderzhali-teatralnogo-rezhissyora-evgeniyu-berkovich-glavnoe-chto-o-ney-nuzhno-znat/ (date of access: 29.08.2024).

14. "Finist the Clear Falcon" by Svetlana Petriychuk and Evgenia Berkovich: expert opinion of professionals. May 6, 2023. St. Petersburg Theater Journal. URL: https://ptj.spb.ru/blog/finist-yasnyj-sokol-mnenie-professionalov/ (date of access: 29.08.2024).

15. Shaposhnikova O.V. On Conventionality in Art. Philology. 1977. Iss. 5. P. 7 – 25.

16. Shreider Yu.A. The Values We Choose. The Meaning and Prerequisites of Value Choice. Moscow: Editorial URSS, 2010. 208 p.

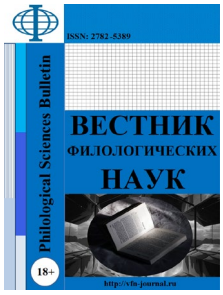
17. Shchennikova S., Tunik V. How "Finist the Bright Falcon" Became a Terrorist. 26.05.2021. URL: https://www.n-kurs.ru/articles/articles/kak-finist-yasnyy-sokol-stal-terroristom (date of access: 29.08.2024).

18. “I staged a play for the purpose of preventing terrorism.” The trial of Zhenya Berkovich and Svetlana Petriychuk has begun. BBC Russia. May 20, 2024. URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cv22lmr32gko (date of access: 29.08.2024).

Информация об авторах

Палеха Е.С., *кандидат филологических наук, доцент, научно-экспертная лаборатория экспертиз социогуманитарного профиля, Казанский (Приволжский) федерального университета, katerina.paleha@gmail.com*

© Палеха Е.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2024, Том 4, № 10 / 2024, Vol. 4, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 371.3:378: 811.161.1

[1] ***Петрова С.А.***

[1] ***РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (филиал)***

Ресурсы медиапространства в процессе обучения русскому языку как иностранному

Аннотация: *в данной работе рассматривается возможность использования электронных текстов в качестве лингвострановедческого и учебного материала при обучении русскому языку как иностранному. В качестве таких произведений предлагаются биографии русских авторов на сайте Культура.РФ, представленные в жанре лонгрида, активно развивающейся в современном медиапространстве форме. В связи с необходимостью изучения стилистических особенностей русского языка иностранными обучающимися в данном случае обращаться можно не только к повестке дня, представленной в медийной сфере, но также и к различным другим медиа материалам, несущим в себе культурологическое содержание. Это не только представляет возможность показать учащимся замечательные примеры образцовой речи или ключевые особенности публицистического стиля, но и создаёт положительную мотивацию, и активизирует познавательный интерес у обучающихся. В статье рассматривается в качестве примера биография Александра Сергеевича Пушкина, представленная в форме лонгрида на обозначенном ранее сайте. Приводятся языковые особенности, которые присущи публицистическому стилю современного русского языка, и также приводятся варианты возможных заданий и упражнений для студентов-инофонов. Упражнения могут быть направлены на собственно языковые аспекты: лексику, морфологию, синтаксис и т.д. А также на семантические и лингвострановедческие вопросы. Уровень студентов предполагается не ниже А2, допустимы также и творческие задания. Развитие медиапространства даёт разные возможности для обучения русскому язык как иностранному в целом. Обучающиеся получают отличную возможность включения в систему культуры изучаемого иностранного языка.*

Ключевые слова: *медиапространство, лонгрид, Культура.РФ, русский язык как иностранный, СМИ, познавательный интерес, мотивация, стилистика, публицистический стиль*

Для цитирования: Петрова С.А. Ресурсы медиапространства в процессе обучения русскому языку как иностранному // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 10. С. 70 – 74.

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 09 октября 2024 г.; Принята к публикации: 30 октября 2024 г.

[1] ***Petrova S.A.***

[1] ***Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (branch)***

Media space resources in the process of teaching Russian as a foreign language

Abstract: *this paper considers the possibility of using electronic texts as linguistic and educational materials in teaching Russian as a foreign language. Biographies of Russian authors are offered as such works on the Culture website. The Russian Federation, presented in the genre of longrid, is actively developing in the modern media space. Due to the need for foreign students to study the stylistic features of the Russian language, in this case they can turn not only to the agenda presented in the media sphere, but also to various other media materials bearing*

cultural content. This not only provides an opportunity to show students wonderful examples of exemplary speech or key features of a journalistic style, but also creates positive motivation and activates cognitive interest among students. The article considers as an example the biography of Alexander Sergeevich Pushkin, presented in the form of a longread on the previously designated site. The article presents the linguistic features inherent in the journalistic style of the modern Russian language, and also provides options for possible tasks and exercises for foreign language students. Exercises can be aimed at the actual linguistic aspects: vocabulary, morphology, syntax, etc. as well as semantic and linguistic issues. The students' level is assumed to be at least A2, and creative tasks are also acceptable. The development of the media space provides various opportunities for learning Russian as a foreign language in general. Students get an excellent opportunity to integrate into the culture system of the foreign language being studied.

Keywords: *media space, longread, Culture.RF, Russian as a foreign language, mass media, cognitive interest, motivation, stylistics, journalistic style*

For citation: Petrova S.A. Media space resources in the process of teaching Russian as a foreign language. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (10). P. 70 – 74.

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: October 09, 2024; Accepted for publication: October 30, 2024.

Введение

В процессе обучения русскому языку как иностранному студентов обязательно знакомят со аспектами стилистических норм современного русского языка. На разных уровнях и этапах обучения в учебный процесс включаются соответствующие языковые элементы, которые определяют эту сторону языка. В свете интенсивно развивающихся медиакоммуникаций – средств массовой информации (СМИ) – является актуальным изучение именно публицистического стиля. Это обусловлено, с одной стороны, увеличением влияния массмедиа на общество, а с другой – из-за его интенсивного воздействия на языковую систему в целом.

Материалы и методы исследований

Учёные отмечают усилившееся влияние медиакоммуникаций и, в частности, СМИ на развитие русского языка, например: «Анализ современной языковой ситуации в России, подвергшейся заметному влиянию СМИ, и исследование законов развития речи, предлагаемой нам с экранов телевизора, дают благодатный материал для соотношения кодифицированной нормы и явления вариантности» [4, с. 223]. Подобные исследования подтверждают необходимость привлечения средств медиакоммуникации в процессе обучении русскому языку как иностранному [3].

В то же время целесообразно не только изучение языковых основ стиля, но и собственно текстовое и речевое, точнее коммуникационное функционирование элементов, а также создание учебной мотивации у обучающихся к изучению языка, а также активизация познавательного интереса у студентов-инофонов [11]. В целях решения таких задач можно использовать электронные ресурсы, медиакоммуникации, которые предлагают информацию не только в рамках новостной повестки дня, но и культурологическую, лингвострановедческую [1]. Ряд СМИ в целом направлены на выполнение подобной просветительской функции.

Результаты и обсуждения

Студенты должны познакомиться с актуальными культурными явлениями страны изучаемого языка, чтобы уметь ориентироваться в сфере искусства, культурных мероприятий и т.д. [5]. Для развития у иностранных учащихся умений межкультурной коммуникации, овладения элементами этикета, выработки толерантного отношения к другому образу жизни и ценностям необходимо в процессе обучения русскому языку как иностранному целенаправленно включать в содержание занятий лингвострановедческий материал разного типа [7]. Это существенный вклад в развитие знаний, умений и навыков на основе лингвострановедческой информации [12]. Одним из подобных, подходящих под определение – лингвострановедческий, – медиаресурсов является сайт «Культура.РФ» [6]. Этот просветительский проект посвящён также литературе России. Сайт формируется с 2013 под управлением Федерального казенного учреждения «Цифровая культура», а по Уставу учредителем и собственником имущества является Российская Федерация, это учреждение находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

Специфика формы подачи материала на данном сайте определяется включением в его структуру именно журналистских жанровых форм: интервью, заметки, анонса, очерка и т.п. Также характерно и использование новой гибридной формы представления информации – лонгрида.

В данном случае в новую форму журналистики трансформируется литературоведческий вариант биографии с анализом творческого пути известного культурного деятеля. Все материалы на этом сайте распределяются по трем направлениям. Первое из них – это раздел «Читать», в котором представлены статьи об искусстве и русских традициях, биографии деятелей культуры, электронные книги и новости. Следующий – это раздел «Смотреть», где расположена значительная коллекция фильмов, спектаклей, лекций и концертов – всего более 35 000 видеоматериалов. Наконец, афиша мероприятий со всей страны, культурные гиды и путеводители по городам России присутствуют в разделе «Посетить». Здесь также используется формат стриминга и различных онлайн трансляций. Кроме этого, есть строка меню её с дополнительной рубрикацией.

На обозначенном выше сайте биографии русских поэтов и писателей представлены в форме лонгридов. Первая часть в них содержит основные данные о рождении и смерти, о сфере деятельности и месте нахождения, даются фотографии или картины с изображением автора. Далее следует деление на рубрики или параграфы, к каждой части можно обратиться отдельно, так как работает система ссылок. Подобная система построения текста типична для правил оформления, собственно, лонгрида.

После рубрикации следует характерный для журналистики «лид», который предназначен для привлечения внимания читателя, в данном случае к особым фактам биографии поэта или писателя. С помощью этого приёма создаётся познавательный интерес, актуализируется мотивация к дальнейшему прочтению. Также используется лексика с оценочным значением, представляющая специфические элементы публицистического стиля.

Рассмотрим на примере лонгрида, в форме которого представлены на сайте биографии – особенности материала об Александре Сергеевиче Пушкине в силу того, что в этом 2024 году исполняется 225 лет со дня его рождения, обозначенная дата представлена и в Указе Президента РФ от 05.07.2021 № 404 «О 225-летии со дня рождения А.С.Пушкина» [10].

Первые две рубрики биографии названы словами, которые несут оценочный публицистический элемент, что привлекает внимание читателя: 1. «Из одной крайности в другую» и 2. «“Француз”» в Царскосельском лицее» [8]. Используются необычные факты о поэте, что вызывает интерес, мотивирует читателя посмотреть причину такого определения. Также приводятся цитаты из его текстов. В лиде таже представлены интересные и необычные факты, которые мотивируют на дальнейшее прочтение, и включены ссылки на дополнительные медиа ресурсы.

В лонгрид включаются визуальные элементы: картины мест, где бывал А.С. Пушкин, портреты его знакомых, фотографии черновых записей и т.п. Отбираются яркие зрительные образы, которые также могут передавать лингвострановедческую информацию. Визуальная информацию представляет и события из жизни поэта, что также полезно в рамках формирования лингвострановедческой компетенции иностранных студентов в рамках обучения русскому языку как иностранному. Отражается предметный мир, показаны реалии и даётся описание к происходящему. Используются не только картины и изображения представителей эпохи поэта, но и современных художников, что также передаёт студенту информацию о современном состоянии русской культуры. Например, представлено несколько изображений последней дуэли А.С. Пушкина: Адриан Волков «Последний выстрел Александра Пушкина» (фрагмент) 1869 г., Алексей Наумов «Дуэль Пушкина с Дантесом» (два фрагмента), 1884 г., Евсей Моисеенко «Дуэль. Из серии “Пушкин”» 1977 г., Валерий Траугот и Александр Траугот «Пушкин, Натали и Дантес» (иллюстрация к поэме Александра Пушкина «Медный всадник») 1998 г. и другие. В рамках визуализации представлены и иллюстрации к текстам поэта, в частности, несколько картин, связанных с темой «А.С. Пушкин и море».

Таким образом, вербальная информация развивается изобразительной, что позволяет воздействовать на несколько уровней восприятия читателя [2]. Изображения представлены в виде нескольких галерей, которые идут между отрывками текста – в соответствии с логикой построения и композиционной организации информации в лонгриде. В тексте также отдельным цветом выделятся ссылки или прямые цитаты, что также помогает структурировать текст и воздействовать на читательский интерес.

Также выделяются с помощью цвета и ссылки термины, которые могут вызвать вопросы у читателей, например, обозначения жанров – басня, роман и т.д. В данном случае можно работать со специальной терминологической лексикой в процессе обучения иностранных студентов.

Знакомство с современными культурными реалиями и событиями также представлено на сайте, в частности, даются ссылки на анонсы мероприятий и новости, связанные с памятными датами или с личностью автора. Иностранный студент вписывается в культурное пространство изучаемого русского языка и получает лингвокультурологическую информацию, собственно, языковые данные и модели, по которым и сам может далее создавать свои тексты.

В систему лонгрида включены ссылки на социальные сети с возможностью поделиться информацией, даны ссылки на произведения автора, а также на статьи, где он ещё упоминается на сайте. Есть ключевые слова для поиска дополнительной информации, а ещё ряд интересных фактов вынесен отдельно.

Система упражнений по этому материалу может включать и собственно чтение отрывков, интерпретацию текстов, поиск соответствующих определений тех реалий, которые представлены в словесном формате и в рамках визуального материала. Работа может включать и собственно языковые варианты: упражнения на поиск частей речи, грамматических форм, образование слов и форм, синтаксические конструкции и т.д. Данными материалами можно пользоваться и на начальном уровне, и также на продвинутых. На начальном уровне акцент можно ставить именно на визуализации, на изображениях, фотографиях и т.д. На последующих этапах можно привлекать и художественные, и научные тексты, ссылки на которые даются в лонгриде. Студентам можно предложить самим составить рассказ об А.С. Пушкине, предложить написать впечатления о прочитанном и т.д. Найти соответствующие изображениям части текста или составить самим описание или анализ полученной визуальной информации.

Выводы

Таким образом, использование средств медиапространства и СМИ в целом предоставляет возможность задействовать значительные и полезные ресурсы для изучения русского языка как иностранного в аспектах и лингвострановедческого материала, и современных изменений в языковых формах, а также развивает навыки и умения работы электронными ресурсами, с публицистическим стилем изучаемого языка. Иностранные погружаются в аутентичное медиапространство русского языка, получают знания о российских культурных явлениях, о событиях прошлого и настоящего страны, изучают специфику публицистического стиля русского языка и его возможностей в передаче разного вида информации в электронной сфере в целом.

Список источников

1. Бирюкова М.С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4 (40). С. 114 – 120.

2. Дьякова Т.А., Фейзер Ж.И., Холодкова М.В. Интерактивный учебный видеоконтент в преподавании русского языка как иностранного // Преподаватель XXI век. 2023. № 1-1. С. 153 – 164.

3. Журавлева А.Н., Салькова М.А. Полимодальность как инструмент эффективного цифрового образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 3 (844). С. 41 – 45.

4. Зайцева Н.Н. Влияние средств массовой информации на развитие современной языковой ситуации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-2 (89). С. 222 – 225.

5. Коломейцева Е.Б., Матвеев А.П. Визуализация на уроках по РКИ // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2023. № 1 (29). С. 41 – 47.

6. Культура.РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.culture.ru/ (дата обращения: 31.03.2024).

7. Майер И.А., Селезнева И.П. Поликодовый текст как средство реализации мультимодального подхода к обучению будущего учителя иностранного языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2024. № 2. С. 68.

8. Пушкин Александр [Электронный ресурс]. URL: https://www.culture.ru/persons/8195/aleksandr-pushkin (дата обращения: 31.03.2024).

9. Стукалова О.В. Цифровой образовательный контент в обучении РКИ (психолого-педагогический аспект) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2023. № 11 (111). С. 85 – 93.

10. Указ Президента Российской Федерации от 05.07.2021 № 404 «О 225-летии со дня рождения А.С. Пушкина» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050001 (дата обращения: 31.03.2024).

11. Феоктистова О.В. Мультимодальный текст как средство активизации познавательной деятельности на уроках русского языка, русского языка как иностранного // Лингвокультурология. 2023. № 17. С. 127 – 136.

12. Aladini F., Farahbod F. Using a Unique and Long Forgotten Authentic Material in the EFL/ESL Classroom: Poetry // In Theory and Practice in Language Studies. No. 10 (1). 2020. P. 83 – 90.

References

1. Biryukova M.S. Linguocultural competence: content and theoretical foundations. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2016. No. 4 (40). P. 114 – 120.
2. Dyakova T.A., Feizer Zh.I., Kholodkova M.V. Interactive educational video content in teaching Russian as a foreign language. Teacher of the XXI century. 2023. No. 1-1. P. 153 – 164.
3. Zhuravleva A.N., Salkova M.A. Polymodality as a tool for effective digital education. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2022. No. 3 (844). P. 41 – 45.
4. Zaitseva N.N. The influence of mass media on the development of the modern language situation. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 2-2 (89). P. 222 – 225.
5. Kolomeytseva E.B., Matveev A.P. Visualization in RFL lessons. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy. 2023. No. 1 (29). P. 41 – 47.
6. Kultura.RF [Electronic resource]. URL: https://www.culture.ru/ (date of access: 31.03.2024).
7. Mayer I.A., Selezneva I.P. Polycode text as a means of implementing a multimodal approach to teaching future foreign language teachers. Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Vestnik of KSPU). 2024. No. 2. 68 p.
8. Pushkin Alexander [Electronic resource]. URL: https://www.culture.ru/persons/8195/aleksandr-pushkin (date of access: 31.03.2024).
9. Stukalova O.V. Digital educational content in teaching Russian as a foreign language (psychological and pedagogical aspect). Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. 2023. No. 11 (111). P. 85 – 93.
10. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.07.2021 No. 404 "On the 225th anniversary of the birth of A.S. Pushkin" [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050001 (date of access: 31.03.2024).
11. Feoktistova O.V. Multimodal text as a means of activating cognitive activity in Russian language lessons, Russian as a foreign language. Lingvoculturology. 2023. No. 17. P. 127 – 136.
12. Aladini F., Farahbod F. Using a Unique and Long Forgotten Authentic Material in the EFL/ESL Classroom: Poetry. In Theory and Practice in Language Studies. No. 10 (1). 2020. P. 83 – 90.

Информация об авторах

Петрова С.А., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания как иностранного, СЗИУ – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, sversl@yandex.ru*

© Петрова С.А., 2024